ШКОЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА

Н. А. Некрасов

КОМУ НА РУСИ ЖИТЬ ХОРОШО

Кому на Руси жить хорошо
Николай Алексеевич Некрасов

Аннотация
Николай Алексеевич Некрасов. Кому на Руси жить хорошо
Ю. Лебедев. Русская одиссея
Кому на Руси жить хорошо
  Часть первая
    Пролог
    Глава I. Поп
    Глава II. Сельская ярмонка
    Глава III. Пьяная ночь
    Глава IV. Счастливые
    Глава V. Помещик
  Крестьянка
    Пролог
    Глава I. До замужества
    Глава II. Песни
    Глава III. Савелий, богатырь святорусский
    Глава IV. Демушка
    Глава V. Волчица
    Глава VI. Трудный год
    Глава VII. Губернаторша
    Глава VIII. Бабья притча

Последыш
Глава I
Пир на весь мир. (Посвящается Сергею Петровичу Боткину)
Веселая
Барщинная
Про холопа примерного – Якова верного
О двух великих грешниках
Крестьянской грех
Голодная
Эпилог. Гриша Добросклонов
Соленая
Бурлак
Русь
Комментарии Ю. Лебедева

Аннотация

«Кому на Руси жить хорошо» – итоговое произведение Некрасова, народная эпопея, куда вошел весь многовековой опыт крестьянской жизни, все сведения о народе, собранные поэтом «по словечку» в течение двадцати лет. Комментированное издание.

Для старшего школьного возраста.

Николай Алексеевич Некрасов
Кому на Руси жить хорошо

© Лебедев Ю. В., вступительная статья, комментарии, 1999
© Годин И. М., наследники, иллюстрации, 1960
© Оформление серии. Издательство «Детская литература», 2003

* * *

Ник. Некрасов

1821—1878

Ю. Лебедев
Русская одиссея

В «Дневнике писателя» за 1877 год Ф. М. Достоевский подметил характерную особенность, появившуюся в русском народе пореформенного времени, — «это множество, чрезвычайное современное множество новых людей, нового корня русских людей, которым нужна правда, одна правда без условной лжи, и которые, чтобы достигнуть этой правды, отдадут все решительно». Достоевский увидел в них «наступающую будущую Россию».

В самом начале XX века другой писатель — В. Г. Короленко вынес из летней поездки на Урал поразившее его открытие: «В то самое время, как в центрах и на вершинах нашей культуры говорили о Нансене, о смелой попытке Андрэ проникнуть на воздушном шаре к Северному полюсу, — в далеких уральских станицах шли толки о Беловодском царстве и готовилась своя собственная религиозно-ученая экспедиция». Среди простых казаков распространилось и окрепло убеждение, что «где-то там, „за далью непогоды“,

„за долами, за горами, за широкими морями“ существует „блаженная страна“, в которой промыслом Божиим и случайностями истории сохранилась и процветает во всей неприкосновенности полная и цельная формула благодати. Это настоящая сказочная страна всех веков и народов, окрашенная только старообрядческим настроением. В ней, насажденная апостолом Фомой, цветет истинная вера, с церквами, епископами, патриархом и благочестивыми царями… Ни татьбы, ни убийства, ни корысти царство это не знает, так как истинная вера порождает там и истинное благочестие».

Оказывается, еще в конце 1860-х годов донские казаки списывались с уральскими, собрали довольно значительную сумму и снарядили для поисков этой обетованной земли казака Варсонофия Барышникова с двумя товарищами. Барышников отправился в путь через Константинополь в Малую Азию, далее — на Малабарский берег, наконец, в Ост-Индию… Экспедиция возвратилась с неутешительным известием: Беловодья ей найти не удалось. Спустя тридцать лет, в 1898 году, мечта о Беловодском царстве вспыхивает с новой силой, находятся средства, снаряжается новое паломничество. «Депутация» казаков 30 мая

1898 года садится на пароход, отправляющийся из Одессы в Константинополь.

«С этого дня, собственно, и началось заграничное путешествие депутатов Урала в Беловодское царство, и среди международной толпы купцов, военных, ученых, туристов, дипломатов, разъезжающих по свету из любопытства или в поисках денег, славы и наслаждений, замешались три выходца как бы из другого мира, искавшие путей в сказочное Беловодское царство». Короленко подробно описал все перипетии этого необычного путешествия, в котором, при всей курьезности и странности задуманного предприятия, проступала все та же, отмеченная Достоевским, Россия честных людей, «которым нужна одна лишь правда», у которых «стремление к честности и правде непоколебимое и нерушимое, и за слово истины всякий из них отдаст жизнь свою и все свои преимущества».

В великое духовное паломничество втягивалась к исходу XIX века не только верхушка русского общества, к нему устремлялась вся Россия, весь ее народ. «Эти русские бездомные скитальцы, — замечал Достоевский в речи о Пушкине, — продолжают и до сих пор свое скитальчество и еще долго, кажется, не исчезнут».

Долго, «ибо русскому скитальцу необходимо именно всемирное счастье, чтоб успокоиться, — дешевле он не примирится».

«Был, примерно, такой случай: знал я одного человека, который в праведную землю верил, — говорил очередной странник в нашей литературе, Лука, из пьесы М. Горького «На дне». — Должна, говорил, быть на свете праведная страна… в той, дескать, земле — особые люди населяют… хорошие люди! Друг дружку они уважают, друг дружке — завсяко-запросто — помогают… и все у них славно-хорошо! И вот человек все собирался идти… праведную эту землю искать. Был он — бедный, жил — плохо… и когда приходилось ему так уже трудно, что хоть ложись да помирай, — духа он не терял, а все, бывало, усмехался только да высказывал: „Ничего! Потерплю! Еще несколько — подожду… а потом брошу всю эту жизнь и — уйду в праведную землю…“ Одна у него радость была — земля эта… И вот в это место — в Сибири дело-то было — прислали ссыльного ученого… с книгами, с планами он, ученый-то, и со всякими штуками… Человек и говорит ученому: „Покажика ты мне, сделай милость, где лежит праведная земля и как туда дорога?“ Сейчас это ученый книги раскрыл, планы разложил… глядел-глядел

— нет нигде праведной земли! „Все верно, все земли показаны, а праведной — нет!“

Человек — не верит… Должна, говорит, быть… ищи лучше! А то, говорит, книги и планы твои ни к чему, если праведной земли нет… Ученый — в обиду. Мои, говорит, планы самые верные, а праведной земли вовсе нет. Ну, тут человек и рассердился — как так? Жил-жил, терпел-терпел и все верил — есть! а по планам выходит — нету! Грабеж!.. И говорит он ученому: „Ах ты… сволочь эдакой! Подлец ты, а не ученый…“ Да в ухо ему — раз! Да еще!.. (*Помолчав.*) А после того пошел домой — и удавился!»

1860-е годы обозначили крутой исторический перелом в судьбах России, порывавшей отныне с подзаконным, «домоседским» существованием и всем миром, всем народом отправлявшейся в долгий путь духовных исканий, отмеченный взлетами и падениями, роковыми искушениями и уклонениями, но путь праведный именно в страстности, в искренности своего неизбывного стремления обрести правду. И пожалуй, впервые откликнулась на этот глубинный процесс, охвативший не только «верхи», но и самые «низы» общества, поэзия Некрасова.

1

Поэт начал работу над грандиозным замыслом «народной книги» в 1863 году, а заканчивал смертельно больным в 1877-м, с горьким сознанием недовоплощенности, незавершенности задуманного: «Одно, о чем сожалею глубоко, это — что не кончил свою поэму «Кому на Руси жить хорошо». В нее «должен был войти весь опыт, данный Николаю Алексеевичу изучением народа, все сведения о нем, накопленные „по словечку“ в течение двадцати лет», — вспоминал о беседах с Некрасовым Г. И. Успенский.

Однако вопрос о «незавершенности» «Кому на Руси жить хорошо» весьма спорен и проблематичен. Во-первых, признания самого поэта субъективно преувеличены. Известно, что ощущение неудовлетворенности бывает у писателя всегда, и чем масштабнее замысел, тем оно острее. Достоевский писал о «Братьях Карамазовых»: «Сам считаю, что и одной десятой доли не удалось того выразить, что хотел». Но дерзнем ли мы на этом основании считать роман Достоевского фрагментом неосуществленного замысла? То же самое и с «Кому на Руси жить хорошо».

Во-вторых, поэма «Кому на Руси жить хорошо»

была задумана как эпопея, то есть художественное произведение, изображающее с максимальной степенью полноты и объективности целую эпоху в жизни народа. Поскольку народная жизнь безгранична и неисчерпаема в бесчисленных ее проявлениях, для эпопеи в любых ее разновидностях (поэма-эпопея, роман-эпопея) характерна незавершенность, незавершаемость. В этом заключается ее видовое отличие от других форм поэтического искусства.

«Эту песенку мудреную
Тот до слова допоет,
Кто всю землю, Русь крещеную,
Из конца в конец пройдет».
Сам ее Христов угодничек
Не допел – спит вечным сном —

так выразил свое понимание эпического замысла Некрасов еще в поэме «Коробейники». Эпопею можно продолжать до бесконечности, но можно и точку поставить на каком-либо высоком отрезке ее пути.

До сих пор исследователи творчества Некрасова спорят о последовательности расположения частей «Кому на Руси жить хорошо», так как уми-

рающий поэт не успел сделать окончательных распоряжений на этот счет.

Примечательно, что сам этот спор невольно подтверждает эпопейный характер «Кому на Руси жить хорошо». Композиция этого произведения строится по законам классической эпопеи: оно состоит из отдельных, относительно автономных частей и глав. Внешне эти части связаны темой дороги: семь мужиков-правдоискателей странствуют по Руси, пытаясь разрешить не дающий им покоя вопрос: кому на Руси жить хорошо? В «Прологе» как будто бы намечена и четкая схема путешествия — встречи с помещиком, чиновником, купцом, министром и царем. Однако эпопея лишена четкой и однозначной целеустремленности. Некрасов не форсирует действие, не торопится привести его к всеразрешающему итогу. Как эпический художник, он стремится к полноте воссоздания жизни, к выявлению всего многообразия народных характеров, всей непрямоты, всего петляния народных тропинок, путей и дорог.

Мир в эпопейном повествовании предстает таким, каков он есть, — неупорядоченным и неожиданным, лишенным прямолинейного движения. Автор эпопеи допускает «отступления,

заходы в прошлое, скачки куда-то вбок, в сторону». По определению современного теоретика литературы Г. Д. Гачева, «эпос похож на ребенка, шествующего по кунсткамере мироздания. Вот его внимание привлек один герой, или здание, или мысль — и автор, забыв обо всем, погружается в него; потом его отвлек другой — и он так же полно отдается ему. Но это не просто композиционный принцип, не просто специфика сюжета в эпосе… Тот, кто, повествуя, делает „отступления“, неожиданно долго задерживается на том или ином предмете; тот, кто поддается соблазну описать и то и это и захлебывается от жадности, греша против темпа повествования, — тот тем самым говорит о расточительности, изобилии бытия, о том, что ему (бытию) некуда торопиться. Иначе: он выражает идею, что бытие царит над принципом времени (тогда как драматическая форма, напротив, выпячивает власть времени — недаром там родилось тоже, казалось бы, только „формальное“ требование единства времени)».

Введенные в эпопею «Кому на Руси жить хорошо» сказочные мотивы позволяют Некрасову свободно и непринужденно обращаться со временем и пространством, легко переносить действие из одного конца России в другой, замедлять или

ускорять время по сказочным законам. Объединяет эпопею не внешний сюжет, не движение к однозначному результату, а сюжет внутренний: медленно, шаг за шагом проясняется в ней противоречивый, но необратимый рост народного самосознания, еще не пришедшего к итогу, еще находящегося в трудных дорогах исканий. В этом смысле и сюжетно-композиционная рыхлость поэмы не случайна: она выражает своей несобранностью пестроту и многообразие народной жизни, по-разному обдумывающей себя, по-разному оценивающей свое место в мире, свое предназначение.

Стремясь воссоздать движущуюся панораму народной жизни во всей ее полноте, Некрасов использует и все богатство устного народного творчества. Но и фольклорная стихия в эпопее выражает постепенный рост народного самосознания: сказочные мотивы «Пролога» сменяются былинным эпосом, потом лирическими народными песнями в «Крестьянке» и, наконец, песнями Гриши Добросклонова в «Пире на весь мир», стремящимися стать народными и уже частично принятыми и понятыми народом. Мужики прислушиваются к его песням, иногда согласно кивают, но последнюю песню, «Русь», они еще

не услышали: он еще не спел ее им. А потому и финал поэмы открыт в будущее, не разрешен.

Быть бы нашим странникам под одною крышею,

Если б знать могли они, что творилось с Гришею.

Но странники не услышали песни «Русь», а значит, еще не поняли, в чем заключается «воплощение счастия народного». Выходит, что Некрасов не допел свою песню не только потому, что смерть помешала. Песни его не допела в те годы сама народная жизнь. Более ста лет прошло с тех пор, а песня, начатая великим поэтом о русском крестьянстве, все еще допевается. В «Пире» лишь намечен проблеск грядущего счастья, о котором мечтает поэт, сознающий, сколь много дорог впереди до его реального воплощения. Незаконченность «Кому на Руси жить хорошо» принципиальна и художественно значима как признак народной эпопеи.

«Кому на Руси жить хорошо» и в целом, и в каждой из своих частей напоминает крестьянскую мирскую сходку, которая является наиболее полным выражением демократического народного самоуправления. На такой сходке жители

одной деревни или нескольких входивших в «мир» деревень решали все вопросы совместной мирской жизни. Сходка не имела ничего общего с современным собранием. На ней отсутствовал председатель, ведущий ход обсуждения. Каждый общинник по желанию вступал в разговор или перепалку, отстаивая свою точку зрения. Вместо голосования действовал принцип общего согласия. Недовольные переубеждались или отступали, и в ходе обсуждения вызревал «мирской приговор». Если общего согласия не получалось, сходка переносилась на следующий день. Постепенно, в ходе жарких споров, вызревало единодушное мнение, искалось и находилось согласие.

Сотрудник некрасовских «Отечественных записок», писатель-народник Н. Н. Златовратский так описывал самобытную крестьянскую жизнь: «Вот уже второй день, как у нас идет сход за сходом. Посмотришь в окно, то в одном, то в другом конце деревни толпятся хозяева, старики, ребятишки: одни сидят, другие стоят перед ними, заложив руки за спины и внимательно кого-то слушая. Этот кто-то махает руками, изгибается всем туловищем, кричит что-то весьма убедительно, замолкает на несколько минут и потом

опять принимается убеждать. Но вот вдруг ему возражают, возражают как-то сразу, голоса подымаются выше и выше, кричат в полное горло, как и подобает для такой обширной залы, каковы окрестные луга и поля, говорят все, не стесняясь никем и ничем, как и подобает свободному сборищу равноправных лиц. Ни малейшего признака официальности. Сам старшина Максим Максимыч стоит где-то сбоку, как самый невидный член нашей общины… Здесь все идет начистоту, все становится ребром; если кто-либо, по малодушию или из расчета, вздумает отделаться умолчанием, его безжалостно выведут на чистую воду. Да и малодушных этих, на особенно важных сходах, бывает очень мало. Я видел самых смирных, самых безответных мужиков, которые <…> на сходах, в минуты общего возбуждения, совершенно преображались и <…> набирались такой храбрости, что успевали перещеголять заведомо храбрых мужиков. В минуты своего апогея сход делается просто открытой взаимной исповедью и взаимным разоблачением, проявлением самой широкой гласности».

Вся поэма-эпопея Некрасова — это разгорающийся, постепенно набирающий силу мирской сход. Он достигает своей вершины в заключи-

тельном «Пире на весь мир». Однако общий «мирской приговор» все-таки не выносится. Намечается лишь путь к нему, многие первоначальные препятствия устранены, по многим пунктам обозначилось движение к общему согласию. Но итога нет, жизнь не остановлена, сходки не прекращены, эпопея открыта в будущее. Для Некрасова здесь важен сам процесс, важно, что крестьянство не только задумалось о смысле жизни, но и отправилось в трудный, долгий путь правдоискательства. Попробуем поближе присмотреться к нему, двигаясь от «Пролога. Части первой» к «Крестьянке», «Последышу» и «Пиру на весь мир».

2

В «Прологе» о встрече семи мужиков повествуется как о большом эпическом событии.

В каком году – рассчитывай,
В какой земле – угадывай,
На столбовой дороженьке
Сошлись семь мужиков…

Так сходились былинные и сказочные герои на битву или на почестей пир. Эпический раз-

мах приобретает в поэме время и пространство: действие выносится на всю Русь. Подтянутая губерния, Терпигорев уезд, Пустопорожняя волость, деревни Заплатово, Дырявино, Разутово, Знобишино, Горелово, Неелово, Неурожайна могут быть отнесены к любой из российских губерний, уездов, волостей и деревень. Схвачена общая примета пореформенного разорения. Да и сам вопрос, взволновавший мужиков, касается всей России — крестьянской, дворянской, купеческой. Потому и ссора, возникшая между ними, — не рядовое событие, а *великий спор*. В душе каждого хлебороба, со своей частной судьбой, со своими житейскими интересами, пробудился вопрос, касающийся всех, всего народного мира.

По делу всяк по своему
До полдня вышел из дому:
Тот путь держал до кузницы,
Тот шел в село Иваньково
Позвать отца Прокофия
Ребенка окрестить.
Пахом соты медовые
Нес на базар в Великое,
А два братана Губины

Так просто с недоуздочком
Ловить коня упрямого
В свое же стадо шли.
Давно пора бы каждому
Вернуть своей дорогою —
Они рядком идут!

У каждого мужика была своя дорога, и вдруг они нашли дорогу общую: вопрос о счастье объединил народ. И потому перед нами уже не обыкновенные мужики со своей индивидуальной судьбой и личными интересами, а радетели за весь крестьянский мир, правдоискатели. Цифра «семь» в фольклоре является магической. *Семь странников* — образ большого эпического масштаба. Сказочный колорит «Пролога» поднимает повествование над житейскими буднями, над крестьянским бытом и придает действию эпическую всеобщность.

Сказочная атмосфера в «Прологе» многозначна. Придавая событиям всенародное звучание, она превращается еще и в удобный для поэта прием характеристики народного самосознания. Заметим, что Некрасов играючи обходится со сказкой. Вообще его обращение с фольклором более свободно и раскованно по сравнению с поэмами

«Коробейники» и «Мороз, Красный нос». Да и к народу он относится иначе, часто подшучивает над мужиками, подзадоривает читателей, парадоксально заостряет народный взгляд на вещи, подсмеивается над ограниченностью крестьянского миросозерцания. Интонационный строй повествования в «Кому на Руси жить хорошо» очень гибок и богат: тут и добродушная авторская улыбка, и снисхождение, и легкая ирония, и горькая шутка, и лирическое сожаление, и скорбь, и раздумье, и призыв. Интонационно-стилистическая многозвучность повествования по-своему отражает новую фазу народной жизни. Перед нами пореформенное крестьянство, порвавшее с неподвижным патриархальным существованием, с вековой житейской и духовной оседлостью. Это уже бродячая Русь с проснувшимся самосознанием, шумная, разноголосая, колючая и неуступчивая, склонная к ссорам и спорам. И автор не стоит от нее в стороне, а превращается в равноправного участника ее жизни. Он то поднимается над спорщиками, то проникается сочувствием к одной из спорящих сторон, то умиляется, то возмущается. Как Русь живет в спорах, в поисках истины, так и автор пребывает в напряженном диалоге с нею.

В литературе о «Кому на Руси жить хорошо» можно встретить утверждение, что открывающий поэму спор семи странников соответствует первоначальному композиционному плану, от которого поэт впоследствии отступил. Уже в первой части произошло отклонение от намеченного сюжета, и вместо встреч с богатыми и знатными правдоискатели начали опрашивать народную толпу.

Но ведь это отклонение сразу же совершается и на «верхнем» уровне. Вместо помещика и чиновника, намеченных мужиками для опроса, почему-то происходит встреча с попом. Случайно ли это?

Заметим прежде всего, что провозглашенная мужиками «формула» спора знаменует не столько первоначальный замысел, сколько уровень народного самосознания, в этом споре проявляющийся. И Некрасов не может не показать читателю его ограниченность: мужики понимают счастье примитивно и сводят его к сытой жизни, материальной обеспеченности. Чего стоит, например, такой кандидат на роль счастливца, каким провозглашается «купчина», да еще «толстопузый»! И за спором мужиков — кому живется весело, вольготно на Руси? — сразу же, но

пока еще исподволь, приглушенно, встает другой, гораздо более значительный и важный вопрос, который составляет душу поэмы-эпопеи, — как понимать человеческое счастье, где его искать и в чем оно заключается?

В финальной главе «Пир на весь мир» устами Гриши Добросклонова дается такая оценка современному состоянию народной жизни: «Сбирается с силами русский народ и учится быть гражданином».

По сути, в этой формуле — главный пафос поэмы. Некрасову важно показать, как зреют в народе объединяющие его силы и какую гражданскую направленность они приобретают. Замысел поэмы отнюдь не сводится к тому, чтобы непременно заставить странников осуществить последовательные встречи по намеченной ими программе. Гораздо важнее оказывается здесь совсем иной вопрос: что такое счастье в извечном, православно-христианском его понимании и способен ли русский народ соединить крестьянскую «политику» с христианской моралью?

Поэтому фольклорные мотивы в «Прологе» выполняют двойственную роль. С одной стороны, поэт использует их, чтобы придать зачину произведения высокое эпическое звучание, а с

другой — чтобы подчеркнуть ограниченность сознания спорщиков, уклоняющихся в своем представлении о счастье с праведных на лукавые пути. Вспомним, что об этом Некрасов говорил не раз уже давно, например, в одном из вариантов «Песни Еремушке», созданной еще в 1859 году.

Изменяют наслаждения,
Жить не значит – пить и есть.
В мире лучше есть стремления,
Благородней блага есть.
Презирай пути лукавые:
Там разврат и суета.
Чти заветы вечно правые
И учись им у Христа.

Эти же два пути, пропетые над Русью ангелом милосердия в «Пире на весь мир», открываются теперь перед русским народом, празднующим поминки по крепям и встающим перед выбором.

Средь мира дольного
Для сердца вольного
Есть два пути.
Взвесь силу гордую,
Взвесь волю твердую:

Каким идти?

Эта песня звучит над Русью оживающей из уст посланника самого Творца, и судьба народная будет прямо зависеть от того, на какой путь выйдут странники после долгих блужданий и петляний по русским проселкам.

Пока же поэта радует лишь само желание народа искать правду. А направление этих поисков, соблазн богатством в самом начале пути не может не вызвать горькой иронии. Поэтому сказочный сюжет «Пролога» характеризует еще и невысокий уровень крестьянского сознания, стихийного, смутного, с трудом пробивающегося к всеобщим вопросам. Мысль народная еще не обрела четкости и ясности, она еще слита с природой и выражается подчас не столько в слове, сколько в действии, в поступке: вместо размышления в ход пускаются кулаки.

Мужики еще живут по сказочной формуле: «поди туда — не знаю куда, принеси то — не знаю что».

Идут, как будто гонятся
За ними волки серые,
Что дале – то скорей.
…

Наверно б, ночку целую
Так шли – куда, не ведая…

Не потому ли и нарастает в «Прологе» тревожный, демонический элемент. «Баба встречная», «корявая Дурандиха», на глазах у мужиков превращается в хохочущую ведьму. А Пахом долго умом раскидывает, пытаясь понять, что с ним и его спутниками случилось, пока не приходит к выводу, что «леший шутку славную» над ними подшутил.

В поэме возникает комическое сравнение спора мужиков с боем быков в крестьянском стаде. И заблудившаяся с вечера корова пришла к костру, уставила глаза на мужиков,

Шальных речей послушала
И начала, сердечная,
Мычать, мычать, мычать!

На губительность спора, перерастающего в нешуточную драку, откликается природа, причем в лице не столько добрых, сколько зловещих ее сил, представителей народной демонологии, зачисленных в разряд лесной нечисти. На спорящих странников слетаются взглянуть семь филинов: с семи больших дерев «хохочут полу-

нощники».

И ворон, птица умная,
Приспел, сидит на дереве
У самого костра,
Сидит и черту молится,
Чтоб до смерти ухлопали
Которого-нибудь!

Переполох нарастает, ширится, охватывает весь лес, и, кажется, сам «дух лесной» хохочет, смеется над мужиками, отзывается на их перепалку и побоище злорадными намерениями.

Проснулось эхо гулкое,
Пошло гулять-погуливать,
Пошло кричать-покрикивать,
Как будто подзадоривать
Упрямых мужиков.

Конечно, авторская ирония в «Прологе» добродушна и снисходительна. Поэт не хочет строго судить мужиков за убогость и крайнюю ограниченность их представлений о счастье и счастливом человеке. Он знает, что эта ограниченность связана с суровыми буднями жизни крестьянина, с такими материальными лишениями, в которых

само страдание принимает порой бездуховные, уродливо-извращенные формы. Это случается всякий раз, когда народ лишается хлеба насущного. Вспомним прозвучавшую в «Пире» песню «Голодная»:

Стоит мужик —
Колышется,
Идет мужик —
Не дышится!
С коры его
Распучило,
Тоска-беда
Измучила...

3

И для того чтобы оттенить ограниченность крестьянского понимания счастья, Некрасов сводит странников уже в первой части поэмы-эпопеи не с помещиком и не с чиновником, а с попом. Священник, лицо духовное, по образу жизни наиболее близкое к народу, а по долгу службы призванное хранить тысячелетнюю национальную святыню, очень точно сжимает смутные для самих странников представления о счастье в

емкую формулу.

– В чем счастие, по-вашему?
Покой, богатство, честь —
Не так ли, други милые? —
Они сказали: «Так»…

Конечно, от этой формулы сам священник иронически отстраняется: «Это, други милые, счастие по-вашему!» А затем с наглядной убедительностью опровергает всем жизненным опытом наивность каждой ипостаси этой триединой формулы: ни «покой», ни «богатство», ни «честь» не могут быть положены в основание истинно человеческого, христианского понимания счастья.

Рассказ попа заставляет мужиков над многим призадуматься. Расхожая, иронически-снисходительная оценка духовенства обнаруживает тут свою неправду. По законам эпического повествования поэт доверчиво отдается рассказу попа, который строится таким образом, что за личной жизнью одного священника поднимается и встает во весь рост жизнь всего духовного сословия. Поэт не спешит, не торопится с развитием действия, давая герою полную возможность

выговорить все, что лежит у него на душе. За жизнью священника открывается на страницах поэмы-эпопеи жизнь всей России в ее прошлом и настоящем, в разных ее сословиях. Здесь и драматические перемены в дворянских усадьбах: уходит в прошлое старая патриархально-дворянская Русь, жившая оседло, в нравах и обычаях близкая к народу. Пореформенное прожигание жизни и разорение дворян разрушило вековые ее устои, уничтожило старую привязанность к родовому деревенскому гнезду. «Как племя иудейское», рассеялись помещики по белу свету, усвоили новые привычки, далекие от русских нравственных традиций и преданий.

В рассказе попа развертывается перед глазами смекалистых мужиков «цепь великая», в которой все звенья прочно связаны: тронешь одно — отзовется в другом. Драма русского дворянства тянет за собою драму в жизнь духовного сословия. В той же мере эту драму усугубляет и пореформенное оскудение мужика.

Деревни наши бедные,
А в них крестьяне хворые
Да женщины печальницы,
Кормилицы, поилицы,

Рабыни, богомолицы
И труженицы вечные,
Господь прибавь им сил!

Не может быть спокойно духовенство, когда бедствует народ, его поилец и кормилец. И дело тут не только в материальном оскудении крестьянства и дворянства, влекущем оскудение духовного сословия. Главная беда священника в другом. Несчастья мужика приносят глубокие нравственные страдания чутким людям из духовенства: «С таких трудов копейками живиться тяжело!»

Случается, к недужному
Придешь: не умирающий,
Страшна семья крестьянская
В тот час, как ей приходится
Кормильца потерять!
Напутствуешь усопшего
И поддержать в оставшихся
По мере сил стараешься
Дух бодр! А тут к тебе
Старуха, мать покойника,
Глядь, тянется с костлявою,

Мозолистой рукой.
Душа переворотится,
Как звякнут в этой рученьке
Два медных пятака!

В исповеди попа говорится не только о тех страданиях, которые связаны с общественными «нестроениями» в стране, находящейся в глубоком национальном кризисе. Эти «нестроения», лежащие на поверхности жизни, должны быть устранены, против них возможна и даже необходима праведная общественная борьба. Но есть еще и другие, более глубокие противоречия, связанные с несовершенством самой природы человеческой. Именно эти противоречия обнаруживают суетность и лукавство людей, стремящихся представить жизнь как сплошное удовольствие, как бездумное упоение богатством, честолюбием, самоуспокоенностью, оборачивающейся равнодушием к ближнему. Поп в своей исповеди наносит сокрушительный удар тем, кто исповедует подобную мораль. Рассказывая о напутствиях больным и умирающим, священник говорит о невозможности душевного спокойствия на этой земле для человека, неравнодушного к ближнему своему:

Иди – куда зовут!
Идешь безотговорочно.
И пусть бы только косточки
Ломалися одни, —
Нет! всякий раз намается,
Переболит душа.
Не верьте, православные,
Привычке есть предел:
Нет сердца, выносящего
Без некоего трепета
Предсмертное хрипение,
Надгробное рыдание,
Сиротскую печаль!
Аминь!.. Теперь подумайте,
Каков попу покой?..

Получается, что совершенно свободный от страдания, «вольготно, счастливо» живущий человек — это человек тупой, равнодушный, ущербный в нравственном отношении. Жизнь не праздник, а тяжелый труд, не только физический, но и духовный, требующий от человека самоотречения. Ведь такой же идеал утверждал и сам Некрасов в стихотворении «Памяти Добролюбова», идеал

высокой гражданственности, отдаваясь которому невозможно не жертвовать собой, не отвергать сознательно «мирские наслажденья». Не потому ли и поп потупился, услышав далекий от христианской правды жизни вопрос мужиков — «сладка ли жизнь поповская», — и с достоинством православного служителя обратился к странникам:

… Православные!
Роптать на Бога грех,
Несу мой крест с терпением…

И весь рассказ его — это, по сути, образец того, как может нести крест каждый человек, готовый жизнь положить «за други своя».

Урок, преподанный странникам священником, еще не пошел им впрок, но тем не менее внес смуту в крестьянское сознание. Мужики дружно ополчились на Луку:

– Что, взял? башка упрямая!
Дубина деревенская!
Туда же лезет в спор!
«Дворяне колокольные —
Попы живут по-княжески».
…

Ну, вот тебе хваленое
Поповское житье!

Ирония автора при этом не случайна, ведь с таким же успехом можно было «отделать» не только Луку, но и каждого из них в отдельности и всех их вместе. За мужицкой бранью здесь снова следует тень Некрасова, который подсмеивается над ограниченностью первоначальных представлений народа о счастье. И не случайно, что после встречи с попом характер поведения и образ мыслей странников существенно изменяются. Они становятся все более активными в диалогах, все более энергично вмешиваются в жизнь. Да и внимание странников все более властно начинает захватывать не мир господ, а народная среда.

4

В «Сельской ярмонке» странники приглядываются к народной толпе, являющейся главным действующим лицом. Поэт любуется вместе с ними хмельным, горластым, праздничным народным морем. Этот разгул народной души открывается яркой картиной купания богатырского коня. Черты богатырства подмечаются Некрасовым и в собирательном образе сельской ярмонки.

Широка, многолика, стоголоса и безбрежна крестьянская душа. В ней нет середины и меры, в ней все на пределе: если уж радость — так безудержная, если покаяние — так безутешное, если пьянство — так бесшабашное. Поэт не скрывает и здесь ограниченности крестьянского сознания. Оно находится еще в плену жестоких суеверий. Не скрывает и убогости эстетических вкусов народа: торговцы выбирают на потребу мужиков изображение «сановника За брюхо с бочку винную И за семнадцать звезд». Порой Некрасов не выдерживает, вмешивается в повествование, произносит обращенный к читателю монолог:

Эх! Эх! Придет ли времечко,
Когда (приди, желанное!..)
Дадут понять крестьянину,
Что розь портрет портретику,
Что книга книге розь?
Когда мужик не Блюхера
И не милорда глупого —
Белинского и Гоголя
С базара понесет?

Но тут же рядом поэт восхищается народной отзывчивостью на чужую беду в эпизоде с про-

пившимся Вавилушкой, народной чуткостью к бескорыстной доброте Павлуши Веретенникова, выручившего деньгами беспутного мужика.

Зато крестьяне прочие
Так были разутешены,
Так рады, словно каждого
Он подарил рублем!

В «Сельской ярмонке» раскрывается не только душевная щедрость, но и природная одаренность народного характера. Как смотрят мужики комедию, разыгрываемую в балагане Петрушкою? Они не пассивные зрители, а живые участники театрального действа. Они «хохочут, утешаются И часто в речь Петрушкину Вставляют слово меткое, Какого не придумаешь, Хоть проглоти перо!».

В третьей главе «Пьяная ночь» праздничный пир достигает кульминации. Атмосфера праздничного разгула постепенно становится драматически напряженной, взрывоопасной. То тут, то там вспыхивают ссоры.

Дорога стоголосая
Гудит! Что море синее,
Смолкает, подымается

Народная волна.

Ожидается грозовое разрешение, разрядка. И вот в финале «Пьяной ночи» оно происходит. Самим движением народного мира подготовлено появление из его глубины сильного крестьянского характера, Якима Нагого. Он предстает перед читателем как сын матери сырой земли, как символ трудовых основ крестьянской жизни: «У глаз, у рта Излучины, как трещины На высохшей земле», «шея бурая, Как пласт, сохой отрезанный», «Рука — кора древесная, А волосы — песок». Яким уже не поддакивает барину, Павлуше Веретенникову. Он мужик бывалый, в прошлом занимавшийся отхожим промыслом, поживший в городах. У него есть свое, крестьянское представление о сути народной жизни, свое, крестьянское чувство собственного достоинства. В ответ на упрек Веретенникова народу в пьянстве Яким достойно и дерзко обрывает барина:

Постой, башка порожняя!
Шальных вестей, бессовестных
Про нас не разноси!
...
Пьем много мы по времени,

А больше мы работаем,
Нас пьяных много видится,
А больше трезвых нас.

Отстаивая трудом завоеванное чувство крестьянской гордости, Яким видит и общественную несправедливость по отношению к народу:

Работаешь один,
А чуть работа кончена,
Гляди, стоят три дольщика:
Бог, царь и господин!

Но за этими словами стоит и крестьянское сознание значительности труда хлебороба как первоосновы и источника жизни всех сословий русского общества. Наконец, в устах Якима о народной душе звучит и грозное предупреждение:

У каждого крестьянина
Душа что туча черная —
Гневна, грозна – и надо бы
Громам греметь оттудова,
Кровавым лить дождям,
А все вином кончается.
Пошла по жилам чарочка —

И рассмеялась добрая
Крестьянская душа!

Пока все вином кончается, но Яким неспроста предупреждает, что придет «беда великая, как перестанем пить», что парни и молодушки «удаль молодецкую про случай сберегли». И народный мир отзывается на предостережения Якима удалой и согласной песней.

Притихла вся дороженька,
Одна та песня складная
Широко, вольно катится,
Как рожь под ветром стелется,
По сердцу по крестьянскому
Идет огнем-тоской!..

Наконец с Якимом Нагим случается история, которая ставит под сомнение провозглашенный странниками собственнический, денежный критерий счастья. Но только теперь это делает не священник, а сам крестьянский мир. Во время пожара Яким бросается в избу спасать любимые им картиночки, а жена его — иконы. И только потом крестьянская семья вспоминает о «богачестве», скопленном в течение всей многотрудной жизни. Сгорел дом — «слились в комок целковики».

«Ой, брат Яким! недешево
Картинки обошлись!
Зато и в избу новую
Повесил их небось?»

– Повесил – есть и новые, —
Сказал Яким – и смолк.

Картиночки да иконы оказались дороже целковых, хлеб духовный — выше хлеба земного.

Начиная с главы «Счастливые» в направлении поисков счастливого человека намечается поворот. По собственной инициативе к странникам подходят «счастливцы» из низов. У большинства из них велик соблазн хлебнуть вина бесплатного. Но сам факт их появления знаменателен: вопрос, озадачивший странников, оказывается доступным и близким всем мужикам. Внимание странников все более и более захватывает многоголосая народная Русь. Звучат рассказы-исповеди дворовых людей, солдат, каменотесов, охотников. Все мужицкое царство вовлекается в диалог, в спор о счастье. Конечно, «счастливцы» эти таковы, что странники, увидев опустевшее ведро, с горькой иронией восклицают:

«Эй, счастие мужицкое!

Дырявое с заплатами,
Горбатое с мозолями,
Проваливай домой!»

Но в финале главы звучит рассказ о счастливом человеке, подвигающий действие вперед, знаменующий более высокий уровень народных представлений о подлинных и мнимых жизненных ценностях. Ермил — «не князь, не граф сиятельный, А просто он — мужик». Но по своему характеру и по влиянию на крестьянскую жизнь он посильнее и поавторитетнее любого графа. Сила его заключается не в богатстве, а в доверии народного мира и в опоре Ермилы Гирина на этот мир. Поэтизируется богатырство народа, когда он действует сообща. Рассказ о Ермиле начинается с описания тяжбы героя с купцом Алтынниковым из-за сиротской мельницы. Когда в конце торга «вышло дело дрянь» — с Ермилом денег не было, — он обратился к народу за поддержкой.

И чудо сотворилося —
На всей базарной площади
У каждого крестьянина,
Как ветром, полу левую
Заворотило вдруг!

Это первый случай в поэме, когда народный мир одним порывом, одним единодушным усилием одерживает победу над неправдою.

Хитры, сильны подьячие,
А мир их посильней,
Богат купец Алтынников,
А все не устоять ему
Против мирской казны…

Подобно Якиму, Ермил наделен острым чувством христианской совестливости. Лишь однажды он оступился — выгородил из рекрутчины «меньшого брата Митрия». Но этот поступок стоил праведнику жестоких мучений и завершился всенародным покаянием, еще более укрепившим его авторитет. Совестливость Ермила не исключительна: она является выражением наиболее характерных особенностей крестьянского мира в целом. Вспомним, как Ермил рассчитывался с мужиками за мирской их долг, собранный без всякой записи на базарной площади.

Упомнить где же всякого?
В ту пору дело делалось
В горячке, второпях!
Однако споров не было,

И выдать гроша лишнего
Ермилу не пришлось.
Еще – он сам рассказывал —
Рубль лишний, чей – Бог ведает! —
Остался у него.
Весь день с мошной раскрытою
Ходил Ермил, допытывал,
Чей рубль? да не нашел.

Всей жизнью своей Ермил опровергает первоначальные представления странников о сути человеческого счастья. Казалось бы, он имеет все, «что надобно для счастья: и спокойствие, и деньги, и почет». Но в критическую минуту жизни Ермил этим «счастьем» жертвует ради правды народной, ради заступничества за ближних и попадает в острог. Значит, счастье не в спокойствии, не в деньгах и не в почете, а в чем-то другом. Постепенно в сознании крестьянства рождается идеал подвижника в мирском, гражданском варианте, человека, радеющего за народные интересы.

В пятой главе первой части «Помещик» странники относятся к господам уже с явной иронией. Хотя помещик и выставляет себя перед мужика-

ми их защитником и благодетелем, странники ему не верят и над ним подсмеиваются. Они уже понимают, что дворянская «честь» не многого стоит.

«Извольте: слово честное,
Дворянское даю!»
– Нет, ты нам не дворянское,
Дай слово христианское!
Дворянское с побранкою,
С толчком да с зуботычиной,
То непригодно нам!

На глазах меняются странники! Они заговорили теперь с барином так же дерзко и раскованно, как и Яким Нагой. Но даже не это более всего удивляет Оболта-Оболдуева, помещика, хорошо знающего прежнего, крепостного мужика. Его приводит в изумление, что бывшие крепостные взвалили на себя теперь бремя исторического вопроса: кому на Руси жить хорошо? Это так неожиданно для барина, что он, как лекарь, руку каждому из мужиков пощупал: уж не больны ли они, не «тронулись» ли? Почему? Да потому, что вчерашние «рабы» взялись за решение проблем, которые издревле считались дворянской приви-

легией. В заботах о судьбе Отечества и граждан его видело дворянство русское свое историческое предназначение и после отмены крепостного права. А тут вдруг эту единственную миссию, оправдывающую его существование, у дворянства перехватили мужики. Вот почему,

Нахохотавшись досыта,
Помещик не без горечи
Сказал: «Наденьте шапочки,
Садитесь, господа!»

За желчной иронией Оболта-Оболдуева скрывается горькая для него жизненная правда: судьба помещичья теперь оказывается зависимой от этих мужиков, ставших *гражданами* России. «И мне присесть изволите?» — обращается вчерашний господин с вопросом к вчерашним своим «рабам».

Глава «Помещик» в отличие от главы «Поп» более драматична. Исповедь Гаврилы Афанасьевича, глубоко лирическая, многоплановая и субъективно честная, все время корректируется ироническими репликами мужиков, снижающих ее возвышенный пафос. Монолог помещика Некрасов выдерживает от начала до конца в традициях эпопеи: речь идет не столько об ин-

дивидуальном характере Оболта-Оболдуева, сколько о дворянском сословии вообще. Поэтому рассказ помещика включает в себя не только «удар искросыпительный», но и поэзию старых дворянских усадеб с их русским хлебосольством, с общими для дворян и мужиков утехами, и тысячелетнюю историю дворянства, и серьезные раздумья над современным состоянием русской жизни, в чем-то близкие авторским.

На всей тебе, Русь-матушка,
Как клейма на преступнике,
Как на коне тавро,
Два слова нацарапаны:
«Навынос и распивочно».

Как замечает современный исследователь эпопеи Некрасова Н. Н. Скатов, «такой емкий образ вряд ли можно было бы найти в романе, повести или драме. Этот образ эпический, который тоже представляет своеобразную энциклопедию помещичьего сословия, но включенный именно в народную поэму, оцененную народным умом. Потому-то весь рассказ помещика спроецирован на крестьянское восприятие и постоянно корректируется им. Мужики здесь не пассивные слушатели. Они расставляют акценты, вмешива-

ясь в помещичью речь редко, да метко. Недаром рассказ помещика и всю эту последнюю главу первой части завершает мужицкое слово, мужицкий приговор:

«Порвалась цепь великая,
Порвалась – расскочилася:
Одним концом по барину,
Другим по мужику!..»

Как и в случае с попом, повествование помещика и о помещике не есть простое обличение. Оно также об общем, катастрофическом, всех захватившем кризисе. И о том, что народ есть в этом положении сила единственно здоровая, умная, красивая, — условие развития страны и обновления жизни. Потому-то в последующих частях поэмы Некрасов оставляет намеченную сюжетную схему (поп, помещик, купец…) и художественно исследует то, что и составляет суть и условие эпического произведения, народной поэмы — «жизнь и поэзию народа в их неисчерпаемости».

5

«Крестьянка» подхватывает тему дворянского

оскудения, впервые прозвучавшую в главе «Поп» и развернутую в главе «Помещик». Странники попадают в разоряющуюся дворянскую усадьбу: «Помещик за границею, А управитель при смерти!..» Толпа отпущенных на волю, но совершенно не приспособленных к труду на земле дворовых растаскивает потихоньку господское добро. На фоне вопиющей разрухи, развала и бесхозяйственности трудовая крестьянская Русь воспринимается как созидательная и жизнеутверждающая сила.

Легко вздохнули странники:
Им после дворни ноющей
Красива показалася
Здоровая, поющая
Толпа жнецов и жниц...

В центре этой толпы, воплощая в себе лучшие качества русского женского характера, предстает перед странниками Матрена Тимофеевна.

...Осанистая женщина,
Широкая и плотная,
Лет тридцати осьми.
Красива; волос с проседью,

Глаза большие, строгие,
Ресницы богатейшие,
Сурова и смугла.
На ней рубаха белая,
Да сарафан коротенький,
Да серп через плечо.

Воссоздается тип «величавой славянки», крестьянки среднерусской полосы, наделенной строгой, аристократической красотой, исполненный чувства собственного достоинства. Этот тип крестьянки не был повсеместным. История жизни Матрены Тимофеевны подтверждает, что он формировался в условиях отхожих промыслов, в краю, где большая часть мужского населения уходила в города. На плечи крестьянки ложилась не только вся тяжесть крестьянского труда, но и вся мера ответственности за судьбу семьи, за воспитание детей. Суровые условия оттачивали особый женский характер, гордый и независимый, привыкший везде и во всем полагаться на свои собственные силы.

Рассказ Матрены Тимофеевны о своей жизни строится по общим для эпопеи законам повествования. «„Крестьянка“, — замечает Н. Н. Скатов, — единственная часть, вся написанная

от первого лица. Однако это рассказ отнюдь не только о ее частной доле. Голос Матрены Тимофеевны — это голос самого народа. Потому-то она чаще поет, чем рассказывает, и поет песни, не изобретенные для нее Некрасовым. „Крестьянка“ — самая фольклорная часть поэмы, она почти сплошь построена на народно-поэтических образах и мотивах.

Уже первая глава — „До замужества“ — не простое повествование, а как бы совершающийся на наших глазах традиционный обряд крестьянского сватовства. Свадебные причеты и заплачки — „По избам снаряжаются“, „Спасибо жаркой баенке“, „Велел родимый батюшка“ и другие — основаны на подлинно народных. Таким образом, рассказывая о своем замужестве, Матрена Тимофеевна рассказывает о замужестве любой крестьянки, обо всем их великом множестве.

Вторая же глава так и названа — „Песни“. И песни, которые здесь поются, опять-таки песни общенародные. Личная судьба некрасовской героини все время расширяется до пределов общерусских, не переставая в то же время быть ее собственной судьбой. Ее характер, вырастая из общенародного, совсем в нем не уничтожается, ее личность, тесно связанная с массой, не раство-

ряется в ней.

Матрена Тимофеевна, добившись освобождения мужа, не оказалась солдаткой, но ее горькие раздумья о предстоящем рекрутстве мужа позволили Некрасову „прибавить о положении солдатки“.

Действительно, образ Матрены Тимофеевны создан так, что она как бы все испытала и побывала во всех состояниях, в каких могла побывать русская женщина».

И в этой ее способности войти в положение разных людей, пережить одновременно со своей жизнью жизнь, страдания и радости других русских женщин, проявляется широкая и щедрая душа талантливой женщины из народа, умеющей переноситься сердцем в другого человека, брать на себя чужие страдания и чужую боль.

По-своему обращается Матрена Тимофеевна и с духовным богатством народа — с фольклором. Иногда мы слышим из ее уст готовые народные песни, но чаще всего она «примеривает на себя» традиционные фольклорные образы и ситуации, индивидуализируя и творчески переосмысливая их. Мотивы традиционных крестьянских плачей вплетаются в речь Матрены Тимофеевны, как краски, сходящие с палитры художника на

индивидуально-неповторимое живописное полотно. Некрасов показывает, как устное народное творчество живет, обновляется и одновременно участвует в формировании одаренной народной личности, как обобщенный фольклорный образ, созданный народным гением, возвращается в жизнь, обогащается индивидуальным образом «счастливицы». «Эти два образа, — пишет исследователь эпопеи Некрасова В. Г. Прокшин, — сливаются друг с другом, образуют художественное единство индивидуального и эпопейного».

Так добивается Некрасов укрупнения эпического характера: сквозь индивидуальное и частное просвечивают общерусские его черты. В эпопее это укрупнение осуществляется еще и через внутренние связи и переклички между разными частями и главами: то, что лишь намечено в одной из них, часто углубляется и развертывается в другой. В начале «Крестьянки» раскрывается заявленная в «Попе» и продолженная в «Помещике» тема дворянского оскудения. Обозначенный в исповеди попа рассказ о том, «какой ценой поповичем Священство покупается», подхватывается в описании детских и юношеских лет Григория Добросклонова.

От главы к главе нарастает в поэме мотив

народного богатырства, пока не разрешается в «Крестьянке» рассказом о Савелии — богатыре святорусском, костромском крестьянине, выросшем в глухом лесном краю у Корёги-реки. Название «корёжский край» привлекало Некрасова как символ трудовой выносливости и неизбывной физической силы народа-богатыря. Даже внешний вид Савелия олицетворяет могучую лесную стихию, обладающую громадной силой терпения и не менее громадной силой сопротивления всякому насилию, всякому давлению извне:

С большущей сивой гривою,
Чай, двадцать лет не стриженной,
С большущей бородой,
Дед на медведя смахивал,
Особенно как из лесу,
Согнувшись, выходил.

Нельзя не заметить в этой силе мужика-богатыря и что-то природно-первобытное, пугающе-непредсказуемое. Он терпел и «дрань» Шалашникова, и козни немца-управляющего, терпел долго. Но когда лопнуло терпение, он же первым и произнес свое бунтарское: «Наддай!»

Столкнув ненавистного Фогеля в яму, мужики-землекопы так «наддали», что в секунду сровняли яму с землей.

Савелий — первый в поэме открытый борец с несправедливостью. Но в грозной силе его есть изъян: физическая мощь лишена нравственной просветленности и одухотворенности. Жизненная философия Савелия основана на поэтизации стихийного возмущения как результата стихийного долготерпения: «Недотерпеть — пропасть, перетерпеть — пропасть». Он познал и острог в Буй-городе, и сибирскую каторгу. И когда его называют «клейменым, каторжным», он отвечает весело: «Клейменый, да не раб!»

В терпении народном Савелий видит воплощение несломленных, бурлящих в глубине до времени, бунтующих народных сил.

Цепями руки кручены,
Железом ноги кованы,
Спина… леса дремучие
Прошли по ней – сломалися.

А грудь? Илья-пророк
По ней гремит-катается
На колеснице огненной…

Все терпит богатырь!

Но богатырь этот сравнивается в поэме не с христианином Ильею Муромцем, а с язычником Святогором — самым сильным, но и самым неподвижным богатырем былинного эпоса, ставшим жертвой своей собственной непомерной силушки. Не случайно Матрена Тимофеевна в ответ на рассуждения Савелия замечает иронически:

«Ты шутишь шутки, дедушка! —
Сказала я. – Такого-то
Богатыря могучего,
Чай, мыши заедят!»

Трагедия, случившаяся с Савелием, когда он не уследил любимого внука Демушку, смягчает сердце богатыря. Смерть мальчика он воспринимает как наказание за прошлый грех убийства. Из бунтаря в финале поэмы он превращается в религиозного подвижника, уходящего на покаяние в Песочный монастырь.

Пришел я из Песочного…
Молюсь за Дему бедного,
За все страдное русское
Крестьянство я молюсь!

Но и религиозное подвижничество Савелия отмечено крайностью резкого перехода от стихийного бунтарства к безграничному долготерпению и смирению со всем, в том числе и с тяжким общественным грехом крепостничества.

Терпи, многокручинная!
Терпи, многострадальная!
Нам правды не найти.

«Да почему же, дедушка?»

– Ты – крепостная женщина! —
Савельюшка сказал.

Матрена Тимофеевна по мужеству и жизнестойкости — ровня Савелию-богатырю. Но есть в ее характере и явное преимущество: она не терпит — она действует, борется с жизненным злом, ищет и находит выходы из самых драматических обстоятельств. Если в «Морозе, Красном носе» Некрасов с горечью говорил об измельчании «величавой славянки» («Ты вся — воплощенный испуг, ты вся — вековая истома»), то в «Кому на Руси жить хорошо» эта славянка вернулась в лице Матрены Тимофеевны, сильной духом, волевой женщины, которая говорит о себе:

Я потупленную голову,
Сердце гневное ношу!..

Деятельный характер Матрены отнюдь не противоречит ее религиозности. Вспомним, как в трудную минуту жизни, отправляясь в губернский город спасать мужа от рекрутчины, она молится в зимнем поле, на белоснежной равнине, под звездами, обращаясь к Матери Божией, Владычице и Заступнице народной, касаясь снежной скатерти горящей головой:

«Открой мне, Матерь Божия,
Чем Бога прогневила я?
Владычица! во мне
Нет косточки неломаной,
Нет жилочки нетянутой,
Кровинки нет непорченой, —
Терплю и не ропщу!
Всю силу, Богом данную,
В работу полагаю я,
Всю в деточек любовь!

Подобно Достоевскому и другим классикам русской литературы, Некрасов спорит с тем мироотречным уклоном в православии, который

проявлялся и у деятелей русской церкви, и в народной среде. Став религиозным подвижником в конце жизненного пути, Савелий готов отвернуться от грешной земли как юдоли плача и страданий и проповедовать полное смирение со злом мира сего. Некрасов в поэме утверждает другие, освященные христианским вероучением активные формы противостояния злу, вплоть до пресечения его силой. Обращаясь к народу, он говорит: «Чем хуже был бы твой удел, Когда б ты менее терпел?» Социальная пассивность духовенства тоже наводит его на грустные мысли, особенно в пореформенную эпоху.

Те же напевы, тоску наводящие,
С детства знакомые нам,
И о терпении новом молящие,
Те же попы по церквам.

При этом народный поэт не отступает от традиций отечественного благочестия. Известно, что основатель русского монашества св. Феодосий Печерский не чуждался участия в политических делах. Когда сильными мира сего предавалась поруганию правда-истина, он забывал о кротости и смирении, гневно обличая их. Он отказался принять и благословить самого князя Святослава,

силой захватившего великокняжеский престол у своего брата.

Некрасов в то же время не разделяет те формы борьбы со злом, которые утверждаются практикой современного ему революционного движения. Он и в мыслях не допускает революционного насилия, не контролируемого высшими нравственными принципами, не принимая политики, не освященной духовными ценностями Евангелия. В легенде «О двух великих грешниках» из «Пира на весь мир» поэт наиболее зримо очертил те пределы, которые позволяют христианину поднять меч и пресечь зло силой.

Говоря о врагах, которым нужно прощать все, Христос имел в виду *личных* врагов человека, но отнюдь не врагов Божиих. Призывая терпеть личные обиды и прощать людей, их причиняющих, Христос никогда не призывал благословлять тех, кто ненавидит и попирает все святыни. «И если бы христианин когда-нибудь усомнился в этом, — говорит русский мыслитель Иван Ильин, — то ему достаточно было бы вспомнить о тех громах, которые божественно гремели над фарисеями и книжниками, над торговцами в храме, над Иерусалимом, избивающим пророков своих, и над теми, кто соблазняет малолетних».

Пан Глуховский — наглядное воплощение доведенной до предельной степени извращенности человеческой души, прельстившейся всеми греховными соблазнами. Это одержимый извращенным сластолюбием погубитель и растлитель человеческих душ. Схимник и трудник Кудеяр, не теряя надежды на возможность и его спасения, в поучение великому грешнику рассказывает историю своей жизни, своего покаяния и возврата на Христовы пути. Но когда в ответ слышится сатанинский хохот растлителя и циничная, попирающая все святое похвальба, —

Чудо с отшельником сталося:
Бешеный гнев ощутил,
Бросился к пану Глуховскому,
Нож ему в сердце вонзил!

А вслед за этим чудом совершается второе: падает дерево, которое трудническим подвигом, по обету, подтачивал ножом монах.

Рухнуло древо, скатилося
С инока бремя грехов!..
Слава Творцу вездесущему
Днесь и во веки веков!

«Чудо с отшельником сталося», потому что в душе своей он ощутил не личную обиду, а Божий гнев, гнев не за себя, не за личное оскорбление, а за хулу на святыню, за издевательство над Богом и ближними.

Конечно, Некрасов спорит в легенде с теми представителями послепетровской церкви, с теми воспитанными ею православными христианами, которые абсолютизировали долготерпение, непротивление злу, упрощая или односторонне толкуя смысл заповедей Спасителя. Не исключено, что и сам Некрасов в этой полемике перегибает палку в противоположную сторону.

Христианину Савелию, проповедующему пассивное непротивление и смирение с царящим в мире злом, противостоит в поэме христианка Матрена Тимофеевна, глубоко убежденная в том, что «вера без дела мертва», что цель и призвание христианина на этой земле — активное добро, заступничество за правду, отстаивание достоинства тех, кто страдает от незаслуженных обид и унижений. При этом Матрена менее всего думает о себе, целиком отдаваясь праведному труду, семье, заступничеству за пострадавших и оскорбленных.

Так постепенно, по мере смены событий и героев, в поэме складывается, вызревает образ иного «счастливца», чем тот, которого ищут странники. Таким счастливцем окажется борец за высшую правду, за духовные святыни, за народные интересы. От Якима Нагого — к Ермилу Гирину, от Ермилы — к Савелию и далее к Матрене — по нарастающей — созревают предпосылки к появлению яркой народной индивидуальности, ищущей счастье не в том направлении, не на тех путях, по которым решились идти опрометчиво мужики-правдоискатели.

Далеко не случайно, по-видимому, колебался Некрасов в момент работы над «Крестьянкой» по поводу места этой части в художественном целом еще не сложившейся в его воображении поэмы-эпопеи. В черновом автографе у него встречается помета «из второй части», вполне оправданная самим развитием сюжета. Встречаясь с Матреной Тимофеевной, странники говорят:

Попа уж мы доведали,
Доведали помещика,
Да прямо мы к тебе!

«Ясно, — писал П. Н. Сакулин, — что „Крестьянка“ должна идти за 1 частью, непосредственно за

главою „Помещик“, и составлять, значит, часть вторую».

Правда, некоторые исследователи указывали, что тут нарушается календарь сельскохозяйственных работ, естественное течение времен года: в «Первой части» — ранняя весна, в «Последыше» — сенокос, а в «Крестьянке» — осенняя уборка хлебов. Если «Крестьянку» поставить перед «Последышем», — эта естественность нарушится.

Но ведь в поэме Некрасова — не простое время, а условное, сказочное. На него прямо ссылается поэт, рассказывая о пути странников к Матрене Тимофеевне:

Шли долго ли, коротко ли,
Шли близко ли, далеко ли,
Вот наконец и Клин.

А обращаясь к Матрене, странники говорят: «Полцарства мы промеряли». При таком условно-сказочном масштабе странствия образ времени в поэме принимает, конечно, фантастический характер, не соответствующий реалистической хронологии.

Смертельно больной Некрасов, стремясь закрепить созревший в его воображении замысел

финала, специально указывал, что финал этот сюжетно связан с главой «Последыш» и должен идти после нее. Что же касается подзаголовка «Крестьянки» «из третьей части», то, как справедливо полагает В. Г. Прокшин, «работа над эпопеей продолжалась, и порядок расположения частей Некрасов мог изменить, подобно тому как это сделал Лермонтов в окончательном варианте романа „Герой нашего времени“, не посчитавшись с последовательностью создания и публикаций вошедших в него частей». Такой же точки зрения, правда иначе аргументированной, придерживался другой авторитетный исследователь Некрасова — Б. Я. Бухштаб.

6

После «Крестьянки» в поэме намечается очевидный поворот в направлении народных поисков. Внимание странников переключается от персональных «счастливцев» к народному миру в целом. На вопрос Власа в «Последыше»: «О чем же вы хлопочете?» — странники отвечают не привычной формулой спора, а совсем иной:

Мы ищем, дядя Влас,
Непоротой губернии,

Непотрошеной волости,
Избыткова села!

Теперь у Некрасова предстанет в движении и развитии, в духовном становлении и росте не отдельная народная индивидуальность, а собирательный образ крестьянского мира.

В «Последыше» мужики деревни Большие Вахлаки разыгрывают после реформы «камедь» подчинения выжившему из ума князю Утятину, соблазнившись посулами его наел едников-сыновей. Некрасов создает сатирический образ тех полукрепостнических отношений, которые установились между помещиками и крестьянами после реформы 1861 года, когда крестьяне на многие десятки лет остались в фактической зависимости от господ. В начале «Последыша» вновь звучит сквозная в эпопее тема народного богатырства:

«Прокосы широчайшие! —
Сказал Пахом Онисимыч. —
Здесь богатырь народ!»
Смеются братья Губины:
Давно они заметили
Высокого крестьянина

Со жбаном – на стогу;
Он пил, а баба с вилами,
Задравши кверху голову,
Глядела на него.
Со стогом поравнялися —
Все пьет мужик! Отмерили
Еще шагов полета,
Все разом оглянулися:
По-прежнему, закинувшись,
Стоит мужик; посудина
Дном кверху поднята…

Так создается почти скульптурный памятник, олицетворяющий неистощимую силу и мощь крестьянского мира. Но в резком контрасте с этим мажорным вступлением оказывается поведение мужиков, играющих роль добровольных рабов перед напоминающим Лихо Одноглазое вымороченным князем Утятиным.

Вначале эта «камедь», эта фальшивая игра в покорность вызывает улыбку читателя. Тут есть и артисты вроде мнимого бурмистра Клима Лавина, с каким-то упоением входящего в назначенную ему роль:

«Отцы!» – сказал Клим Яковлич
С каким-то визгом в голосе,
Как будто вся утроба в нем
При мысли о помещиках
Заликовала вдруг…

Но чем долее продолжается игра, тем чаще в ней проскальзывают черты правдоподобия. Возникает сомнение: игра ли это? Уж слишком похожа она на правду. Сомнение подтверждается как словами Пахома: «Не только над помещиком, Привычка над крестьянином Сильна», — так и реальными поступками вахлаков. Вот мужики идут посмотреть на комедию, которая будет разыграна с приездом князя Утятина, но встают «почтительно поодаль от господ». Вот Клим входит в очередной раж и произносит очередную фальшивую, верноподданническую речь, но у дворового человека вместо смеха «слезы катятся по старому лицу». А рядом с этими непроизвольными проявлениями холопства встает холопство Ипата — уже по призванию и убеждению. Да и самый главный шут Клим Лавин в минуту откровения говорит:

Эх, Влас Ильич! где враки-то?

...

Не в их руках мы, что ль?..

Временами комедия превращается в жестокую, трагическую игру, убийственно действуя на Агапа Петрова — человека с проснувшимся и еще не окрепшим чувством собственного достоинства. И если сперва вахлакам кажется, что они потешаются над помещиком, то вскоре выясняется, что в действительности они унижают самих себя. Неспроста говорит мудрый Влас разыгравшемуся шуту Климке Лавину:

Бахвалься! А давно ли мы,
Не мы одни – вся вотчина...
(Да... все крестьянство русское!)
Не в шутку, не за денежки,
Не три-четыре месяца,
А целый век... Да что уж тут!
Куда уж нам бахвалиться,
Недаром Вахлаки!

Против мужиков оборачивается их наивная вера в сыновей князя Утятина, «гвардейцев черноусых», посуливших за вахлацкую комедию поёмные луга. Умирает Последыш,

А за луга поемные
Наследники с крестьянами
Тягаются доднесь…

Сюжетно «Пир на весь мир» — продолжение «Последыша»: вахлаки после смерти князя Утятина справляют «поминки по крепям». Но по существу в «Пире» изображается принципиально иное состояние мира. Это уже проснувшаяся и разом заговорившая народная Русь. В праздничный пир духовного пробуждения вовлекаются новые и новые герои: весь народ поет песни освобождения, вершит суд над прошлым, оценивает настоящее и начинает задумываться о будущем. Далеко не однозначны эти песни на всенародной сходке. Иногда они контрастны по отношению друг к другу, как, например, рассказ «Про холопа примерного — Якова верного», рисующий холопский путь протеста против господского святотатства, и легенда «О двух великих грешниках», в которой народ пытается найти христианское оправдание самым крайним формам борьбы с растлителями народных святынь. В уныние приводит народный мир рассказ о грехе крестьянина Глеба, предавшего своих же братьев мужиков. Об осознании непростительности такого греха

свидетельствует та беспощадность, с которой вахлаки теперь преследуют другого предателя — Егорку Шутова.

Однако сама противоречивость и пестрота исполняемых народом песен, сама их разноголосица свидетельствует, что та «песня», которая объединит проснувшуюся и освободившуюся от крепей народную Русь, еще не созрела в народных сердцах — она еще впереди.

7

Но именно на волне народного духовного подъема входит в поэму последний «народный заступник» в поэзии Некрасова. Из многоголосья спорящих, сталкивающихся друг с другом, подчас разноречивых народных песен, поднимаясь над ними, начинают звучать песни Гриши Добросклонова, народного интеллигента, из которого несколько поколений русских читателей и почитателей Некрасова пытались сделать революционера. Как-то не принималось во внимание, что Некрасов приступил к работе над образом Гриши Добросклонова в период разгрома народников-вспышкопускателей, тщетно пытавшихся путем так называемой летучей пропаганды звать Русь к топору. Как-то забывалось,

что именно ко второй половине 1870-х годов на смену «ряженым» ходокам в народ с революционными целями пришла новая смена русской интеллигенции из земских учреждений: школ, больниц, агрономических обществ, сельского духовенства. Их целью была повседневная и кропотливая созидательная работа по культурному подъему деревни. С надеждой присматривался к этой молодежи Некрасов. В своей поэме он попытался дать идеальный образ нового русского интеллигента, целиком отдающего себя народному служению, живущего «для счастия Убогого и темного Родного уголка». Этот тип счастливца-жизнеустроителя во многом перекликается с Якимом Нагим и Ермилой Гириным, несет в своей душе что-то от Савелия, что-то от Матрены или своего крестного отца — деревенского Власа-старосты. В характере нового общественного деятеля Некрасов еще решительнее подчеркивает народно-христианские его истоки, ориентируется на традиции отечественного благочестия.

Создавая образ Гриши Добросклонова, поэт, по-видимому, держал в уме в качестве одного из его прототипов не только личность Добролюбова, но и свойственную русскому идеалу святости преобладающую черту — добротолюбие, неиско-

ренимое убеждение, что не может быть истинной веры и истинной святости без добрых дел.

Некрасов конечно же был знаком с житием очень чтимого на Руси святителя Тихона Задонского, которое издавалось при жизни поэта неоднократно — дважды в 1862 году, затем — в 1866-м. Наконец, в 1873 году в Петербурге вышел труд В. Михайловского «Святой Тихон, епископ воронежский и задонский». Не исключено, что некоторые подробности и штрихи его жития Некрасов использовал в описании детских и юношеских лет Григория Добросклонова. Св. Тихон родился в 1724 году в селе Короцке Валдайского уезда Новгородской губернии, в доме бедного дьячка Савелия Кириллова. Семья его терпела страшную нужду и спасалась от голодной смерти благодаря помощи крестьян-односельцев. Крестьянский образ жизни, нравственные устои деревенского мира оказали огромное влияние на формирование личности святителя. Прежде всего — нестяжательство, труд, удовлетворяющий скромные потребности человека в хлебе насущном, затем — любовь к ближнему, терпящему нужду или беду, постоянная готовность прийти к нему на помощь.

Некрасов тоже делает своего героя не сыном

городского дьякона или священника, какими были Чернышевский и Добролюбов, а сыном бедного сельского дьячка. Идеал будущей России в сознании Гриши Добросклонова связан с теми же христианскими идеями нестяжательства и скромного достатка.

Мы же немного
Просим у Бога:
Честное дело
Делать умело
Силы нам дай!

Жизнь трудовая —
Другу прямая
К сердцу дорога,
Прочь от порога,
Трус и лентяй!
То ли не рай?

Доля народа,
Счастье его,
Свет и свобода
Прежде всего!..

Житие св. Тихона Задонского показывает,

что в духовном облике праведника постоянно сказывалось его крестьянское происхождение. Святитель не любил философствований, отвлеченных догматических рассуждений. Он считал, что истинная святость должна проявляться в деятельном добре, в живом практическом поступке. В своей инструкции семинаристам он внушал, что идеалом пастырского служения является постоянный подвиг ради ближних, составляющий основу священнического труда. Богатство он считал Божией собственностью, а владельца — не хозяином, а распорядителем этой собственности — работником у Бога. Простой народ видел в св. Тихоне «отца и ходатая» перед сильными мира сего. Никогда не забывал праведник, что родился и вырос он среди бедных крестьян, и всю жизнь оставался их заступником от притеснений жестоких и несправедливых господ, защитником несчастных, особенно невинно осужденных.

Некрасов тоже подчеркивает народно-крестьянские основы добротолюбия своего юного праведника. Недаром крестным отцом его является Влас, который добрейшей душой своей «Болел за всю вахлачину — Не за одну семью». И в сердце Григория «С любовью к бедной матери Любовь ко всей вахлачине Слилась». Ведь именно

крестный Влас и другие сердобольные вахлаки не дали семье дьячка Трифона умереть с голоду.

В числе наставников отрока упоминается и учитель в духовной семинарии, отец Аполлинарий, народолюбец и патриот. Его мудрость тоже входит в финальную песню «Русь», сочиненную Гришей:

«Издревле Русь спасалася
Народными порывами».
(Народ с Ильею Муромцем
Сравнил ученый поп.)

Знаменательно, что любимым евангельским образом святителя Тихона в его проповедях и нравственно-богословских трудах была «притча о сеятеле», та самая, которая лейтмотивом прошла через все творчество Некрасова от поэмы «Саша» до «Кому на Руси жить хорошо». Близкими к духовным идеалам Некрасова-поэта оказались и суждения св. Тихона о святости, которую он называл «христоподражательным житием».

Исследователь творчества Некрасова Н. Н. Скатов отмечает, что во внутреннем облике некрасовских «сеятелей» по мере творческого развития поэта нарастают народно-христианские и святоотеческие черты, что «идеал гражданина,

высшего человека, героя менялся у Некрасова, все более приобретая качества высшей духовности и идеальности, абсолютизируясь и даже осеняясь именем Христа».

Одновременно с этим расширялась, демократизировалась и та социальная среда, из которой выходили и на которую опирались его «народные заступники». В «Кому на Руси жить хорошо» поэт впервые показал рождение народного заступника не из высших слоев общества, а из самой крестьянской среды, составлявшей в эпоху Некрасова коренную основу национальной жизни.

Претерпело заметную эволюцию и представление Некрасова о роли героической личности в истории. В начале 1860-х годов поэт в «сеятелях» видел первопричину движения истории, без них, считал он, «заглохла б нива жизни». В «Пире» Некрасов связывает надежды на перемены не с исключительной личностью, а с ангелом милосердия, который будит восприимчивые души людей из народа и зовет их с путей лукавых на иные, узкие пути:

Над Русью оживающей
Иная песня слышится,
То ангел милосердия,

Незримо пролетающий
Над нею, души сильные
Зовет на честный путь…

Некрасов долго, упорно работает над этим ключевым моментом поэмы. В черновиках ее встречаются разные варианты. Один из них звучит так:

То ангел милосердия
Уже незримо носится
Над бедными селеньями,
Соломою покрытыми,
И песней тихой, ласковой,
Лишь избранному слышимой,
Сзывает души чистые
На трудную борьбу.

В другом варианте еще более усиливается мотив богоизбранности Григория Добросклонова:

Пел ангел милосердия,
Незримо пролетающий
Над Русью, песню чудную
И пламенным крылом
Коснулся чутко спящего

Восторженного отрока —
И отрок стал певцом!

Но в окончательном тексте Некрасов снял мысль о богоизбранности лишь одного, великого и исключительного человека. Ангел милосердия зовет у него теперь на честные пути не одну, а множество сильных душ. Призывная песня, которую он исполняет, песня о двух путях, широком и узком, и о двух диаметрально противоположных нравственных установках (торной дороге соблазнов и тесной дороге на бой и труд за угнетенных и обиженных) восходит к известным словам Иисуса Христа: «Входите тесными вратами; потому что широки врата и пространен путь, ведущие в погибель, и многие идут ими; потому что тесны врата и узок путь, ведущие в жизнь, и немногие находят их» (Мф., гл. 7, § 13–14).

Народные заступники у Некрасова по-прежнему остаются людьми, отмеченными «печатью дара Божьего», и по-прежнему судьба их подобна комете — «падучей звезде». Но круг их расширяется — и не только количественно: происходит качественное обновление, в него все более активно включаются выходцы из самого народа:

Встали – не бужены,

Вышли – не прошены,
Жита по зернышку
Горы наношены!
Рать подымается —
Неисчислимая,
Сила в ней скажется
Несокрушимая!

Встали те, которых никакие «сеятели» не будили: их пробуждение произошло не по людскому самоуправству, а по Божьему произволению. Гриша в этом смысле гораздо скромнее предыдущих героев Некрасова, он не мыслится поэтом в роли «гения», призванного вести за собой, как стадо, «спящую» Русь. Она уже не спит — она давно бодрствует, она учит отрока всматриваться в ее жизнь. «Сеятелем» теперь оказывается не интеллигент с богатым книжным опытом, а высшая сила, движущая историю.

«Встали — не бужены, вышли — не прошены» — пробуждение народа воспринимается теперь Некрасовым как органический процесс, концы и начала которого, как ключи от счастья женского, да и народного счастья вообще, находятся в руках у Бога самого. Это пробуждение напоминает рост хлеба на Божьей ниве, сулящей

терпеливому труженику, орошающему ее потом, богатый урожай. И о «поднимающейся рати» здесь говорится как о природном явлении, как о ниве, на которой, по Божьей воле и человеческому усердию, созрели обильные хлеба. Вспомним грезы Дарьи в поэме «Мороз, Красный нос»:

Видишь, меня оступает
Сила – несметная рать, —
...
Это колосья ржаные,
Спелым зерном налитые,
Вышли со мной воевать!

Но если народное пробуждение — природный процесс, подчиненный законам Божеским, а не человеческим, требующий от человека лишь соучастия в нем, то его нельзя ни искусственно задержать, ни умышленно ускорить: к нему надо быть чутким и действовать не по своему произволу, а в соответствии с его скрытым ритмом, подчиняясь его самодовлеющему ходу. Всякие попытки «торопить историю» — искусственны, неорганичны и заведомо обречены на провал. Нельзя до времени найти счастливого или насильственно осчастливить народ. Можно лишь в

«минуту унынья» мечтать о его будущем, но при этом смиряться с тем, что рождение гражданина в народе сопряжено с долгим, но плодотворным процессом роста и созревания, цикл которого установлен свыше и человеком не может быть укорочен или удлинен.

Еще суждено тебе много страдать,
Но ты не погибнешь, я знаю…

Эта мудрая правда — открытие позднего Некрасова, связанное с постепенным изживанием и преодолением просветительства. Гриша потому и доволен созревшей в нем песне «Русь», что в ней как бы помимо его воли «горячо сказалася» «великая правда». И в готовности завтра разучить эту песню с вахлаками нет теперь у Гриши былой просветительской самоуверенности. Он знает меру своим словам и своим слабым человеческим силам, чтобы самонадеянно уповать на сверхчеловеческие способности. Потому и возникает сразу же посылка к силам иным, горним и высшим, — «Помогай, о Боже, им!». Гриша знает теперь, что его песня, сколь бы удачной она ни была, может повлиять на мужиков с помощью Божией, и лишь в той мере, в какой эта песня выразила Его произволение. А поскольку и брат

Гриши, выслушав «Русь», сказал по ее поводу: «Божественно!» — у народолюбца есть надежда, что она будет понята народом. Такой финал в поэме Некрасова буквально вопиет против произвола народнического радикализма, против теории героя и толпы, столь популярной в идеологических построениях этого общественного движения.

Но ведь и песня «Русь» — еще не предел и не итог. Как к святому в «тонком сне», к Грише приходят еще невнятные и не оформленные в слова звуки или наития новой песни, лучше и краше прежней. Эти «благодатные звуки», пока еще не сложившиеся в песню, обещают «воплощение счастия народного», тот ответ, который тщетно искали потерявшие активность, как бы слившиеся с миром народной жизни некрасовские ходоки. А потому пути странников, как и пути народных заступников, устремлены в таинственные дали истории.

Ю. Лебедев

Кому на Руси жить хорошо

Часть первая

Пролог

В каком году – рассчитывай,
В какой земле – угадывай,
На столбовой дороженьке
Сошлись семь мужиков:
Семь временнообязанных,
Подтянутой губернии,
Уезда Терпигорева,
Пустопорожней волости,

Из смежных деревень:
Заплатова, Дырявина,
Разутова, Знобишина,
Горелова, Неелова —
Неурожайка тож,
Сошлися – и заспорили:
Кому живется весело,
Вольготно на Руси?

Роман сказал: помещику,
Демьян сказал: чиновнику,
Лука сказал: попу.
Купчине толстопузому! —
Сказали братья Губины,
Иван и Митродор.
Старик Пахом потужился
И молвил, в землю глядючи:
Вельможному боярину,
Министру государеву.
А Пров сказал: царю...

Мужик что бык: втемяшится
В башку какая блажь —

Колом ее оттудова
Не выбьешь: упираются,
Всяк на своем стоит!
Такой ли спор затеяли,
Что думают прохожие —
Знать, клад нашли ребятушки
И делят меж собой...
По делу всяк по своему
До полдня вышел из дому:
Тот путь держал до кузницы,
Тот шел в село Иваньково
Позвать отца Прокофия
Ребенка окрестить.
Пахом соты медовые
Нес на базар в Великое,
А два братана Губины
Так просто с недоуздочком
Ловить коня упрямого
В свое же стадо шли.
Давно пора бы каждому
Вернуть своей дорогою —
Они рядком идут!

Идут, как будто гонятся
За ними волки серые,
Что дале – то скорей.
Идут – перекоряются!
Кричат – не образумятся!
А времечко не ждет.

За спором не заметили,
Как село солнце красное,
Как вечер наступил.
Наверно б, ночку целую
Так шли – куда не ведая,
Когда б им баба встречная,
Корявая Дурандиха,
Не крикнула: «Почтенные!
Куда вы на ночь глядючи
Надумали идти?..»

Спросила, засмеялася,
Хлестнула, ведьма, мерина
И укатила вскачь…

«Куда?..» – переглянулися
Тут наши мужики,

Стоят, молчат, потупились…
Уж ночь давно сошла,
Зажглися звезды частые
В высоких небесах,
Всплыл месяц, тени черные
Дорогу перерезали
Ретивым ходокам.
Ой тени! тени черные!
Кого вы не нагоните?
Кого не перегоните?
Вас только, тени черные,
Нельзя поймать-обнять!

На лес, на путь-дороженьку
Глядел, молчал Пахом,
Глядел – умом раскидывал
И молвил наконец:

«Ну! леший шутку славную
Над нами подшутил!
Никак ведь мы без малого
Верст тридцать отошли!
Домой теперь ворочаться —

Устали – не дойдем,
Присядем, – делать нечего,
До солнца отдохнем!..»

Свалив беду на лешего,
Под лесом при дороженьке
Уселись мужики.
Зажгли костер, сложилися,
За водкой двое сбегали,
А прочие покудова
Стаканчик изготовили,
Бересты понадрав.
Приспела скоро водочка,
Приспела и закусочка —
Пируют мужички!
Косушки по три выпили,
Поели – и заспорили
Опять: кому жить весело,
Вольготно на Руси?
Роман кричит: помещику,
Демьян кричит: чиновнику,
Лука кричит: попу;
Купчине толстопузому, —

Кричат братаны Губины,
Иван и Митродор;
Пахом кричит: светлейшему
Вельможному боярину,
Министру государеву,
А Пров кричит: царю!

Забрало пуще прежнего
Задорных мужиков,
Ругательски ругаются,
Немудрено, что вцепятся
Друг другу в волоса…

Гляди – уж и вцепилися!
Роман тузит Пахомушку,
Демьян тузит Луку.
А два братана Губины
Утюжат Прова дюжего —
И всяк свое кричит!

Проснулось эхо гулкое,
Пошло гулять-погуливать,
Пошло кричать-покрикивать,
Как будто подзадоривать

Упрямых мужиков.
Царю! – направо слышится,
Налево отзывается:
Попу! попу! попу!
Весь лес переполошился,
С летающими птицами,
Зверями быстроногими
И гадами ползущими, —
И стон, и рев, и гул!

Всех прежде зайка серенький
Из кустика соседнего
Вдруг выскочил как встрепанный
И наутек пошел!
За ним галчата малые
Вверху березы подняли
Противный, резкий писк.
А тут еще у пеночки
С испугу птенчик крохотный
Из гнездышка упал;
Щебечет, плачет пеночка,
Где птенчик? – не найдет!
Потом кукушка старая

Проснулась и надумала
Кому-то куковать;

Раз десять принималася,
Да всякий раз сбивалася
И начинала вновь...
Кукуй, кукуй, кукушечка!
Заколосится хлеб,
Подавишься ты колосом —
Не будешь куковать![1]
Слетелися семь филинов,
Любуются побоищем
С семи больших дерев,
Хохочут полуночники!

---

[1] Примечания: 1

Кукушка перестает куковать, когда заколосится хлеб («подавившись колосом», — говорит народ).

А их глазищи желтые
Горят, как воску ярого
Четырнадцать свечей!
И ворон, птица умная,
Приспел, сидит на дереве
У самого костра,
Сидит и черту молится,
Чтоб до смерти ухлопали
Которого-нибудь!
Корова с колокольчиком,
Что с вечера отбилася
От стада, чуть послышала
Людские голоса —
Пришла к костру, уставила
Глаза на мужиков,
Шальных речей послушала
И начала, сердечная,
Мычать, мычать, мычать!

Мычит корова глупая,
Пищат галчата малые,
Кричат ребята буйные,
А эхо вторит всем.

Ему одна заботушка —
Честных людей поддразнивать,
Пугать ребят и баб!
Никто его не видывал,
А слышать всякий слыхивал,
Без тела – а живет оно,
Без языка кричит!

Сова – замоскворецкая
Княгиня – тут же мычется,
Летает над крестьянами,
Шарахаясь то о́ землю,
То о кусты крылом…

Сама лисица хитрая,
По любопытству бабьему,

Подкралась к мужикам,
Послушала, послушала
И прочь пошла, подумавши:
«И черт их не поймет!»
И вправду: сами спорщики
Едва ли знали, помнили —
О чем они шумят…

Намяв бока порядочно
Друг другу, образумились
Крестьяне наконец,
Из лужицы напилися,
Умылись, освежилися,
Сон начал их кренить…

Тем часом птенчик крохотный,
Помалу, по полсаженки,
Низком перелетаючи,
К костру подобрался.
Поймал его Пахомушка,
Поднес к огню, разглядывал
И молвил: «Пташка малая,
А ноготок востер!

Дыхну – с ладони скатишься,
Чихну – в огонь укатишься,
Щелкну́ – мертва покатишься,
А все ж ты, пташка малая,
Сильнее мужика!
Окрепнут скоро крылышки,
Тю-тю! куда ни вздумаешь,
Туда и полетишь!
Ой ты, пичуга малая!
Отдай нам свои крылышки,
Все царство облетим,
Посмотрим, поразведаем,
Поспросим – и дознаемся:
Кому живется счастливо,
Вольготно на Руси?»

«Не надо бы и крылышек,
Кабы нам только хлебушка
По полупуду в день, —
И так бы мы Русь-матушку
Ногами перемеряли!» —
Сказал угрюмый Пров.

«Да по ведру бы водочки», —
Прибавили охочие
До водки братья Губины,
Иван и Митродор.

«Да утром бы огурчиков
Соленых по десяточку», —
Шутили мужики.

«А в полдень бы по жбанчику
Холодного кваску».

«А вечером по чайничку
Горячего чайку...»

Пока они гуторили,
Вилась, кружилась пеночка
Над ними: все прослушала
И села у костра.
Чивикнула, подпрыгнула
И человечьим голосом
Пахому говорит:

«Пусти на волю птенчика!
За птенчика за малого
Я выкуп дам большой».

– А что ты дашь? —
«Дам хлебушка
По полупуду в день,
Дам водки по ведерочку,
Поутру дам огурчиков,
А в полдень квасу кислого,
А вечером чайку!»

– А где, пичуга малая, —
Спросили братья Губины, —
Найдешь вина и хлебушка
Ты на семь мужиков?

«Найти – найдете сами вы.
А я, пичуга малая,
Скажу вам, как найти».

– Скажи! —
«Идите по лесу
Против столба тридцатого
Прямехонько версту:
Придете на поляночку,
Стоят на той поляночке
Две старые сосны,

Под этими под соснами
Закопана коробочка.
Добудьте вы ее, —
Коробка та волшебная:
В ней скатерть самобраная,
Когда ни пожелаете,
Накормит, напоит!
Тихонько только молвите:
«Эй! скатерть самобраная!
Попотчуй мужиков!»
По вашему хотению,
По моему велению,
Все явится тотчас.
Теперь – пустите птенчика!»

– Постой! мы люди бедные,
Идем в дорогу дальную, —
Ответил ей Пахом. —
Ты, вижу, птица мудрая,
Уважь – одежду старую
На нас заворожи!

– Чтоб армяки мужицкие

Носились, не сносилися! —
Потребовал Роман.

– Чтоб липовые лапотки
Служили, не разбилися, —
Потребовал Демьян.

– Чтоб вошь, блоха паскудная
В рубахах не плодилася, —
Потребовал Лука.

– Не прели бы онученьки… —
Потребовали Губины…

А птичка им в ответ:
«Все скатерть самобраная
Чинить, стирать, просушивать
Вам будет… Ну, пусти!..»

Раскрыв ладонь широкую,
Пахом птенца пустил.
Пустил – и птенчик крохотный,
Помалу, по полсаженки,
Низком перелетаючи,
Направился к дуплу.
За ним взвилася пеночка

И на лету прибавила:
«Смотрите, чур, одно!
Съестного сколько вынесет
Утроба – то и спрашивай,
А водки можно требовать
В день ровно по ведру.
Коли вы больше спросите,
И раз и два – исполнится
По вашему желанию,
А в третий быть беде!»

И улетела пеночка
С своим родимым птенчиком,
А мужики гуськом
К дороге потянулися
Искать столба тридцатого.
Нашли! – Молчком идут
Прямехонько, вернехонько
По лесу по дремучему,
Считают каждый шаг.
И как версту отмеряли,
Увидели поляночку —
Стоят на той поляночке

Две старые сосны…

Крестьяне покопалися,
Достали ту коробочку,
Открыли – и нашли
Ту скатерть самобраную!
Нашли и разом вскрикнули:
«Эй, скатерть самобраная!
Попотчуй мужиков!»

Глядь – скатерть развернулася,
Откудова ни взялися
Две дюжие руки,
Ведро вина поставили,
Горой наклали хлебушка
И спрятались опять.

«А что же нет огурчиков?»

«Что нет чайку горячего?»

«Что нет кваску холодного?»

Все появилось вдруг…

Крестьяне распоясались,
У скатерти уселися,

Пошел тут пир горой!
На радости цалуются,
Друг дружке обещаются
Вперед не драться зря,
А с толком дело спорное
По разуму, по-божески,
На чести повести —
В домишки не ворочаться,
Не видеться ни с женами,
Ни с малыми ребятами,
Ни с стариками старыми,
Покуда делу спорному
Решенья не найдут,
Покуда не доведают
Как ни на есть – доподлинно,
Кому живется счастливо,
Вольготно на Руси?

Зарок такой поставивши,
Под утро как убитые
Заснули мужики...

Глава I
Поп

Широкая дороженька,
Березками обставлена,
Далёко протянулася,
Песчана и глуха.
По сторонам дороженьки
Идут холмы пологие

С полями, сенокосами,
А чаще с неудобною,
Заброшенной землей;
Стоят деревни старые,
Стоят деревни новые,
У речек, у прудов…
Леса, луга поёмные,
Ручьи и реки русские
Весною хороши.
Но вы, поля весенние!
На ваши всходы бедные
Невесело глядеть!
«Недаром в зиму долгую
(Толкуют наши странники)
Снег каждый день валил.
Пришла весна – сказался снег!
Он смирен до поры:
Летит – молчит, лежит – молчит,
Когда умрет, тогда ревет.
Вода – куда ни глянь!
Поля совсем затоплены,
Навоз возить – дороги нет,

А время уж не раннее —
Подходит месяц май!»
Нелюбо и на старые,
Больней того на новые
Деревни им глядеть.
Ой избы, избы новые!
Нарядны вы, да строит вас
Не лишняя копеечка,
А кровная беда!..

С утра встречались странникам
Все больше люди малые:
Свой брат крестьянин-лапотник,
Мастеровые, нищие,
Солдаты, ямщики.
У нищих, у солдатиков
Не спрашивали странники,
Как им – легко ли, трудно ли
Живется на Руси?
Солдаты шилом бреются,
Солдаты дымом греются, —
Какое счастье тут?..

Уж день клонился к вечеру,
Идут путем-дорогою,
Навстречу едет поп.
Крестьяне сняли шапочки,
Низенько поклонилися,
Повыстроились в ряд
И мерину саврасому
Загородили путь.
Священник поднял голову,
Глядел, глазами спрашивал:
Чего они хотят?

«Небось! мы не грабители!» —
Сказал попу Лука.
(Лука – мужик присадистый,
С широкой бородищею,
Упрям, речист и глуп.
Лука похож на мельницу:
Одним не птица мельница,
Что, как ни машет крыльями,
Небось не полетит.)

«Мы мужики степенные,

Из временнообязанных,
Подтянутой губернии,
Уезда Терпигорева,
Пустопорожней волости,
Окольных деревень:
Заплатова, Дырявина,
Разутова, Знобишина,
Горелова, Неелова —
Неурожайка тож.
Идем по делу важному:
У нас забота есть,
Такая ли заботушка,
Что из дому повыжила,
С работой раздружила нас,
Отбила от еды.
Ты дай нам слово верное
На нашу речь мужицкую
Без смеху и без хитрости,
По совести, по разуму,
По правде отвечать,
Не то с своей заботушкой
К другому мы пойдем...»

– Даю вам слово верное:
Коли вы дело спросите,
Без смеху и без хитрости,
По правде и по разуму,
Как должно отвечать,
Аминь!.. —
«Спасибо. Слушай же!
Идя путем-дорогою,
Сошлись мы невзначай,
Сошлися и заспорили:
Кому живется весело,
Вольготно на Руси?
Роман сказал: помещику,
Демьян сказал: чиновнику,
А я сказал: попу.
Купчине толстопузому, —
Сказали братья Губины,
Иван и Митродор.
Пахом сказал: светлейшему,
Вельможному боярину,
Министру государеву,
А Пров сказал: царю...

Мужик что бык: втемяшится
В башку какая блажь —
Колом ее оттудова
Не выбьешь: как ни спорили,
Не согласились мы!
Поспоривши – повздорили,
Повздоривши – подралися,
Подравшися – одумали:
Не расходиться врозь,
В домишки не ворочаться,
Не видеться ни с женами,
Ни с малыми ребятами,
Ни с стариками старыми,
Покуда спору нашему
Решенья не найдем,
Покуда не доведаем
Как ни на есть – доподлинно:
Кому жить любо-весело,
Вольготно на Руси?
Скажи ты нам по-божески:
Сладка ли жизнь поповская?
Ты как – вольготно, счастливо

Живешь, честной отец?..»

Потупился, задумался,
В тележке сидя, поп
И молвил: – Православные!
Роптать на Бога грех,
Несу мой крест с терпением,
Живу… а как? Послушайте!
Скажу вам правду-истину,
А вы крестьянским разумом
Смекайте! —
«Начинай!»

– В чем счастие, по-вашему?
Покой, богатство, честь —
Не так ли, други милые?

Они сказали: «Так»…

– Теперь посмотрим, братия,
Каков попу покой?
Начать, признаться, надо бы
Почти с рожденья самого,
Как достается грамота поповскому сынку,

Какой ценой поповичем
Священство покупается,
Да лучше помолчим!
. . . . . .
. . . . . .
Дороги наши трудные,
Приход у нас большой.
Болящий, умирающий,
Рождающийся в мир
Не избирают времени:
В жнитво и в сенокос,
В глухую ночь осеннюю,
Зимой, в морозы лютые,
И в половодье вешнее —
Иди – куда зовут!
Идешь безотговорочно.
И пусть бы только косточки
Ломалися одни, —
Нет! всякий раз намается,
Переболит душа.
Не верьте, православные,
Привычке есть предел:

Нет сердца, выносящего
Без некоего трепета
Предсмертное хрипение,
Надгробное рыдание,
Сиротскую печаль!

Аминь!.. Теперь подумайте,
Каков попу покой?..

Крестьяне мало думали.
Дав отдохнуть священнику,
Они с поклоном молвили:
«Что скажешь нам еще?»

– Теперь посмотрим, братия,
Каков попу почет?
Задача щекотливая,
Не прогневить бы вас?..

Скажите, православные,
Кого вы называете
Породой жеребячьею?
Чур! отвечать на спрос!

Крестьяне позамялися,
Молчат – и поп молчит…

– С кем встречи вы боитеся,
Идя путем-дорогою?
Чур! отвечать на спрос!

Кряхтят, переминаются,
Молчат!
– О ком слагаете
Вы сказки балагурные,
И песни непристойные,
И всякую хулу?..

Мать попадью степенную,
Попову дочь безвинную,
Семинариста всякого —
Как чествуете вы?
Кому вдогон, как мерину,
Кричите: го-го-го?..

Потупились ребятушки,
Молчат – и поп молчит…
Крестьяне думу думали,
А поп широкой шляпою
В лицо себе помахивал
Да на небо глядел.

Весной, что внуки малые,
С румяным солнцем-дедушкой
Играют облака:
Вот правая сторонушка
Одной сплошною тучею
Покрылась – затуманилась,
Стемнела и заплакала:
Рядами нити серые
Повисли до земли.
А ближе, над крестьянами,
Из небольших, разорванных,
Веселых облачков
Смеется солнце красное,
Как девка из снопов.
Но туча передвинулась,
Поп шляпой накрывается —
Быть сильному дождю.
А правая сторонушка
Уже светла и радостна,
Там дождь перестает.
Не дождь, там чудо Божие:
Там с золотыми нитками

Развешаны мотки…

«Не сами… по родителям
Мы так-то…» – братья Губины
Сказали наконец.
И прочие поддакнули:
«Не сами, по родителям!»
А поп сказал: – Аминь!
Простите, православные!
Не в осужденье ближнего,
А по желанью вашему
Я правду вам сказал.
Таков почет священнику
В крестьянстве. А помещики…

«Ты мимо их, помещиков!
Известны нам они!»

– Теперь посмотрим, братия,
Откудова богачество
Поповское идет?..
Во время недалекое
Империя Российская
Дворянскими усадьбами

Была полным-полна.
И жили там помещики,
Владельцы именитые,
Каких теперь уж нет!
Плодилися и множились
И нам давали жить.
Что свадеб там игралося,
Что деток нарождалося
На даровых хлебах!
Хоть часто крутонравные,
Однако доброхотные
То были господа,
Прихода не чуждалися:
У нас они венчалися,
У нас крестили детушек,
К нам приходили каяться,
Мы отпевали их.
А если и случалося,
Что жил помещик в городе,
Так умирать наверное
В деревню приезжал.
Коли умрет нечаянно,

И тут накажет накрепко
В приходе схоронить.
Глядишь, ко храму сельскому
На колеснице траурной
В шесть лошадей наследники
Покойника везут —
Попу поправка добрая,
Мирянам праздник праздником…
А ныне уж не то!
Как племя иудейское,
Рассеялись помещики
По дальней чужеземщине
И по Руси родной.
Теперь уж не до гордости
Лежать в родном владении
Рядком с отцами, с дедами,
Да и владенья многие
Барышникам пошли.
Ой холеные косточки
Российские, дворянские!
Где вы не позакопаны?
В какой земле вас нет?

Потом статья... раскольники...
Не грешен, не живился я
С раскольников ничем.
По счастью, нужды не было:
В моем приходе числится
Живущих в православии
Две трети прихожан.
А есть такие волости,
Где сплошь почти раскольники,
Так тут как быть попу?

Все в мире переменчиво,
Прейдет и самый мир...
Законы, прежде строгие
К раскольникам, смягчилися,
А с ними и поповскому
Доходу мат пришел.
Перевелись помещики,
В усадьбах не живут они
И умирать на старости
Уже не едут к нам.
Богатые помещицы,
Старушки богомольные,

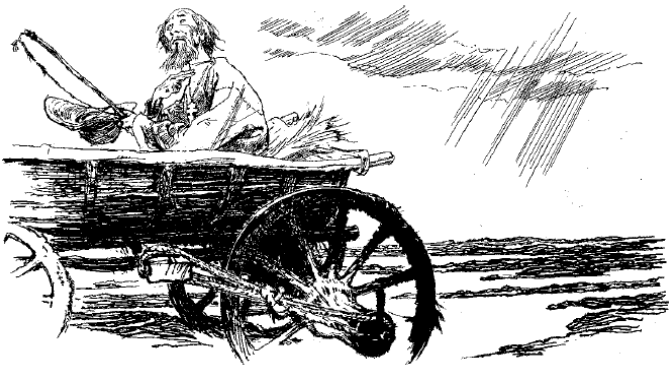
Которые повымерли,
Которые пристроились
Вблизи монастырей.
Никто теперь подрясника
Попу не подарит!
Никто не вышьет воздухов…
Живи с одних крестьян,
Сбирай мирские гривенки,
Да пироги по праздникам,
Да яйца о Святой.
Крестьянин сам нуждается,
И рад бы дать, да нечего…

А то еще не всякому
И мил крестьянский грош.
Угоды наши скудные,
Пески, болота, мхи,
Скотинка ходит впроголодь,
Родится хлеб сам-друг,
А если и раздобрится
Сыра земля-кормилица,
Так новая беда:
Деваться с хлебом некуда!

Припрет нужда, продашь его
За сущую безделицу,
А там – неурожай!
Тогда плати втридорога,
Скотинку продавай.
Молитесь, православные!
Грозит беда великая
И в нынешнем году:
Зима стояла лютая,
Весна стоит дождливая,
Давно бы сеять надобно,
А на полях – вода!
Умилосердись, Господи!
Пошли крутую радугу[2]
На наши небеса!
(Сняв шляпу, пастырь крестится,
И слушатели тож.)

---

[2] Примечания: 2
Крутая радуга — к вёдру; пологая — к дождю.



Деревни наши бедные,
А в них крестьяне хворые
Да женщины печальницы,
Кормилицы, поилицы,
Рабыни, богомолицы
И труженицы вечные,
Господь, прибавь им сил!
С таких трудов копейками

Живиться тяжело!
Случается, к недужному
Придешь: не умирающий,
Страшна семья крестьянская
В тот час, как ей приходится
Кормильца потерять!
Напутствуешь усопшего
И поддержать в оставшихся
По мере сил стараешься
Дух бодр! А тут к тебе
Старуха, мать покойника,
Глядь, тянется с костлявою,
Мозолистой рукой.
Душа переворотится,
Как звякнут в этой рученьке
Два медных пятака!
Конечно, дело чистое —
За требу воздаяние,
Не брать – так нечем жить,
Да слово утешения
Замрет на языке,
И словно как обиженный

Уйдешь домой… Аминь…

———

Покончил речь – и мерина
Хлестнул легонько поп.
Крестьяне расступилися,
Низенько поклонилися,
Конь медленно побрел.
А шестеро товарищей,
Как будто сговорилися,
Накинулись с упреками,
С отборной крупной руганью
На бедного Луку:
– Что, взял? башка упрямая!
Дубина деревенская!
Туда же лезет в спор! —
«Дворяне колокольные —
Попы живут по-княжески.
Идут под небо самое
Поповы терема,
Гудит попова вотчина —
Колокола горластые —
На целый Божий мир.

Три года я, робятушки,
Жил у попа в работниках,
Малина – не житье!
Попова каша – с маслицем,
Попов пирог – с начинкою,
Поповы щи – с снетком!
Жена попова толстая,
Попова дочка белая,
Попова лошадь жирная,
Пчела попова сытая,
Как колокол гудёт!»
– Ну, вот тебе хваленое
Поповское житье!
Чего орал, куражился?
На драку лез, анафема?
Не тем ли думал взять,
Что борода лопатою?
Так с бородой козел
Гулял по свету ранее,
Чем праотец Адам,
А дураком считается
И посейчас козел!..

Лука стоял, помалчивал,
Боялся, не наклали бы
Товарищи в бока.
Оно бы так и сталося,
Да, к счастию крестьянина,
Дорога позагнулася —
Лицо попово строгое
Явилось на бугре…

Глава II
Сельская ярмонка

Недаром наши странники
Поругивали мокрую,
Холодную весну.
Весна нужна крестьянину
И ранняя и дружная,
А тут – хоть волком вой!
Не греет землю солнышко,
И облака дождливые,
Как дойные коровушки,
Идут по небесам.

Согнало снег, а зелени
Ни травки, ни листа!
Вода не убирается,
Земля не одевается
Зеленым ярким бархатом
И, как мертвец без савана,
Лежит под небом пасмурным
Печальна и нага.

Жаль бедного крестьянина,
А пуще жаль скотинушку;
Скормив запасы скудные,
Хозяин хворостиною
Прогнал ее в луга,
А что там взять? Чернехонько!
Лишь на Николу вешнего
Погода поуставилась,
Зеленой свежей травушкой
Полакомился скот.

———

День жаркий. Под березками
Крестьяне пробираются,

Гуторят меж собой:
«Идем одной деревнею,
Идем другой – пустехонько!
А день сегодня праздничный.
Куда пропал народ?..»
Идут селом – на улице
Одни ребята малые,
В домах – старухи старые,
А то и вовсе заперты
Калитки на замок.
Замок – собачка верная:
Не лает, не кусается,
А не пускает в дом!
Прошли село, увидели
В зеленой раме зеркало:
С краями полный пруд.
Над прудом реют ласточки;
Какие-то комарики,
Проворные и тощие,
Вприпрыжку, словно посуху,
Гуляют по воде.
По берегам, в ракитнике,

Коростели скрыпят.
На длинном шатком плотике
С вальком поповна толстая
Стоит, как стог подщипанный,
Подтыкавши подол.
На этом же на плотике
Спит уточка с утятами…
Чу! лошадиный храп!
Крестьяне разом глянули
И над водой увидели
Две головы: мужицкую,
Курчавую и смуглую,
С серьгой (мигало солнышко
На белой той серьге),
Другую – лошадиную
С веревкой сажен в пять.
Мужик берет веревку в рот,
Мужик плывет – и конь плывет,
Мужик заржал – и конь заржал.
Плывут, орут! Под бабою,
Под малыми утятами
Плот ходит ходенем.

Догнал коня – за холку хвать!
Вскочил и на луг выехал
Детина: тело белое,
А шея как смола;
Вода ручьями катится
С коня и с седока.

«А что у вас в селении
Ни старого, ни малого,
Как вымер весь народ?»
– Ушли в село Кузьминское,
Сегодня там и ярмонка
И праздник храмовой. —
«А далеко Кузьминское?»

– Да будет версты три.

«Пойдем в село Кузьминское,
Посмотрим праздник-ярмонку!» —
Решили мужики,
А про себя подумали:
«Не там ли он скрывается,
Кто счастливо живет?..»

Кузьминское богатое,

А пуще того – грязное
Торговое село.
По косогору тянется,
Потом в овраг спускается,
А там опять на горочку —
Как грязи тут не быть?
Две церкви в нем старинные,
Одна старообрядская,
Другая православная,
Дом с надписью: училище,
Пустой, забитый наглухо,
Изба в одно окошечко,
С изображеньем фельдшера,
Пускающего кровь.
Есть грязная гостиница,
Украшенная вывеской
(С большим носатым чайником
Поднос в руках подносчика,
И маленькими чашками,
Как гу́сыня гусятами,
Тот чайник окружен),
Есть лавки постоянные

Вподобие уездного
Гостиного двора...

Пришли на площадь странники:
Товару много всякого
И видимо-невидимо
Народу! Не потеха ли?
Кажись, нет ходу крестного,
А, словно пред иконами,
Без шапок мужики.
Такая уж сторонушка!
Гляди, куда деваются
Крестьянские шлыки:
Помимо складу винного,
Харчевни, ресторации,
Десятка штофных лавочек,
Трех постоялых двориков,
Да «ренскового погреба»,
Да пары кабаков,
Одиннадцать кабачников
Для праздника поставили
Палатки на селе.
При каждой пять подносчиков;

Подносчики – молодчики
Наметанные, дошлые,
А все им не поспеть,
Со сдачей не управиться!
Гляди, что́ протянулося
Крестьянских рук со шляпами,
С платками, с рукавицами.
Ой жажда православная,
Куда ты велика!
Лишь окатить бы душеньку,
А там добудут шапочки,
Как отойдет базар.

По пьяным по головушкам
Играет солнце вешнее…
Хмельно, горласто, празднично,
Пестро, красно кругом!
Штаны на парнях плисовы,
Жилетки полосатые,
Рубахи всех цветов;
На бабах платья красные,
У девок косы с лентами,
Лебедками плывут!

А есть еще затейницы,
Одеты по-столичному —
И ширится, и дуется
Подол на обручах!
Заступишь – расфуфырятся!
Вольно же, новомодницы,
Вам снасти рыболовные
Под юбками носить!
На баб нарядных глядючи,
Старообрядка злющая
Товарке говорит:
«Быть голоду! быть голоду!
Дивись, что всходы вымокли,
Что половодье вешнее
Стоит до Петрова!
С тех пор как бабы начали
Рядиться в ситцы красные, —
Леса не подымаются,
А хлеба хоть не сей!»

– Да чем же ситцы красные
Тут провинились, матушка?
Ума не приложу!

«А ситцы те французские —
Собачьей кровью крашены!
Ну… поняла теперь?..»

По конной потолкалися,
По взгорью, где навалены
Косули, грабли, бороны,
Багры, станки тележные,
Ободья, топоры.
Там шла торговля бойкая,
С божбою, с прибаутками,
С здоровым, громким хохотом.
И как не хохотать?
Мужик какой-то крохотный
Ходил, ободья пробовал:
Погнул один – не нравится,
Погнул другой, потужился,
А обод как распрямится —
Щелк по лбу мужика!
Мужик ревет над ободом,
«Вязовою дубиною»
Ругает драчуна.
Другой приехал с разною

Поделкой деревянною —
И вывалил весь воз!
Пьяненек! Ось сломалася,
А стал ее уделывать —
Топор сломал! Раздумался
Мужик над топором,
Бранит его, корит его,
Как будто дело делает:
«Подлец ты, не топор!
Пустую службу, плевую
И ту не сослужил.
Всю жизнь свою ты кланялся,
А ласков не бывал!»

Пошли по лавкам странники:
Любуются платочками,
Ивановскими ситцами,
Шлеями, новой обувью,
Издельем кимряков.
У той сапожной лавочки
Опять смеются странники:
Тут башмачки козловые
Дед внучке торговал,

Пять раз про цену спрашивал,
Вертел в руках, оглядывал:
Товар первейший сорт!
«Ну, дядя! Два двугривенных
Плати, не то проваливай!» —
Сказал ему купец.
– А ты постой! – Любуется
Старик ботинкой крохотной,
Такую держит речь:
– Мне зять – плевать, и дочь смолчит,
Жена – плевать, пускай ворчит!
А внучку жаль! Повесилась
На шею, егоза:
«Купи гостинчик, дедушка,
Купи!» – Головкой шелковой
Лицо щекочет, ластится,
Цалует старика.
Постой, ползунья босая!
Постой, юла! Козловые
Ботиночки куплю…
Расхвастался Вавилушка,
И старому и малому

Подарков насулил,
А пропился до грошика!
Как я глаза бесстыжие
Домашним покажу?..

Мне зять – плевать, и дочь смолчит,
Жена – плевать, пускай ворчит!
А внучку жаль!.. – Пошел опять
Про внучку! Убивается!..

Народ собрался, слушает,
Не смеючись, жалеючи;
Случись, работой, хлебушком
Ему бы помогли,
А вынуть два двугривенных,
Так сам ни с чем останешься.
Да был тут человек,
Павлуша Веретенников.
(Какого роду-звания,
Не знали мужики,
Однако звали «барином».
Горазд он был балясничать,
Носил рубаху красную,

Поддевочку суконную,
Смазные сапоги;
Пел складно песни русские
И слушать их любил.
Его видали многие
На постоялых двориках,
В харчевнях, в кабаках.)
Так он Вавилу выручил —
Купил ему ботиночки.
Вавило их схватил
И был таков! – На радости
Спасибо даже барину
Забыл сказать старик,
Зато крестьяне прочие
Так были разутешены,
Так рады, словно каждого
Он подарил рублем!
Была тут также лавочка
С картинками и книгами,
Офени запасалися
Своим товаром в ней.
«А генералов надобно?» —

Спросил их купчик-выжига.
– И генералов дай!
Да только ты по совести,
Чтоб были настоящие —
Потолще, погрозней.

«Чудные! как вы смотрите! —
Сказал купец с усмешкою. —
Тут дело не в комплекции...»

– А в чем же? шутишь, друг!
Дрянь, что ли, сбыть желательно?
А мы куда с ней денемся?
Шалишь! Перед крестьянином
Все генералы равные,
Как шишки на ели:
Чтобы продать плюгавого,
Попасть на доку надобно,
А толстого да грозного
Я всякому всучу...
Давай больших, осанистых,
Грудь с гору, глаз навыкате,
Да чтобы больше звезд!

«А статских не желаете?»
– Ну, вот еще со статскими! —
(Однако взяли – дешево! —
Какого-то сановника
За брюхо с бочку винную
И за семнадцать звезд.)
Купец – со всем почтением,
Что любо, тем и потчует
(С Лубянки – первый вор!) —
Спустил по сотне Блюхера,
Архимандрита Фотия,
Разбойника Сипко,
Сбыл книги: «Шут Балакирев»
И «Английский милорд»...

Легли в коробку книжечки,
Пошли гулять портретики
По царству всероссийскому,
Покамест не пристроятся
В крестьянской летней горенке,
На невысокой стеночке...
Черт знает для чего!

Эх! эх! придет ли времечко,
Когда (приди, желанное!..)
Дадут понять крестьянину,
Что розь портрет портретику,
Что книга книге розь?
Когда мужик не Блюхера
И не милорда глупого —
Белинского и Гоголя
С базара понесет?
Ой люди, люди русские!
Крестьяне православные!
Слыхали ли когда-нибудь
Вы эти имена?
То имена великие,
Носили их, прославили
Заступники народные!
Вот вам бы их портретики
Повесить в ваших горенках,
Их книги прочитать...

«И рад бы в рай, да дверь-то где?» —
Такая речь врывается
В лавчонку неожиданно.

– Тебе какую дверь? —
«Да в балаган. Чу! музыка!..»
– Пойдем, я укажу!

Про балаган прослышавши,
Пошли и наши странники
Послушать, поглазеть.

Комедию с Петрушкою,
С козою с барабанщицей
И не с простой шарманкою,
А с настоящей музыкой
Смотрели тут они.
Комедия не мудрая,
Однако и не глупая,
Хожалому, квартальному
Не в бровь, а прямо в глаз!

Шалаш полным-полнехонек,
Народ орешки щелкает,
А то два-три крестьянина
Словечком перекинутся —
Гляди, явилась водочка:
Посмотрят да попьют!
Хохочут, утешаются
И часто в речь Петрушкину
Вставляют слово меткое,
Какого не придумаешь,
Хоть проглоти перо!

Такие есть любители —
Как кончится комедия,
За ширмочки пойдут,
Цалуются, братаются,
Гуторят с музыкантами:
«Откуда, молодцы?»
– А были мы господские,
Играли на помещика,
Теперь мы люди вольные,
Кто поднесет-попотчует,
Тот нам и господин!

«И дело, други милые,
Довольно бар вы тешили,
Потешьте мужиков!
Эй! малой! сладкой водочки!
Наливки! чаю! полпива!
Цимлянского – живей!..»

И море разливанное
Пойдет, щедрее барского
Ребяток угостят.

———

Не ветры веют буйные,
Не мать-земля колышется —
Шумит, поет, ругается,
Качается, валяется,
Дерется и целуется
У праздника народ!
Крестьянам показалося,
Как вышли на пригорочек,
Что все село шатается,
Что даже церковь старую
С высокой колокольнею

Шатнуло раз-другой! —
Тут трезвому, что голому,
Неловко… Наши странники
Прошлись еще по площади
И к вечеру покинули
Бурливое село…

Глава III
Пьяная ночь

Не ригой, не амбарами,
Не кабаком, не мельницей,
Как часто на Руси,
Село кончалось низеньким
Бревенчатым строением
С железными решетками
В окошках небольших.
За тем этапным зданием
Широкая дороженька,
Березками обставлена,
Открылась тут как тут.
По будням малолюдная,

Печальная и тихая,
Не та она теперь!

По всей по той дороженьке
И по окольным тропочкам,
Докуда глаз хватал,
Ползли, лежали, ехали,
Барахтались пьяные
И стоном стон стоял!

Скрыпят телеги грузные,
И, как телячьи головы,
Качаются, мотаются
Победные головушки
Уснувших мужиков!

Народ идет – и падает,
Как будто из-за валиков
Картечью неприятели
Палят по мужикам!

Ночь тихая спускается,
Уж вышла в небо темное
Луна, уж пишет грамоту
Господь червонным золотом

По синему по бархату,
Ту грамоту мудреную,
Которой ни разумникам,
Ни глупым не прочесть.

Дорога стоголосая
Гудит! Что море синее,
Смолкает, подымается
Народная молва.

«А мы полтинник писарю:
Прошенье изготовили
К начальнику губернии...»

«Эй! с возу куль упал!»

«Куда же ты, Оленушка?
Постой! еще дам пряничка,
Ты, как блоха проворная,
Наелась – и упрыгнула,
Погладить не далась!»

«Добра ты, царска грамота,
Да не при нас ты писана...»

«Посторонись, народ!»

(Акцизные чиновники
С бубенчиками, с бляхами
С базара пронеслись.)

«А я к тому теперича:
И веник дрянь, Иван Ильич,
А погуляет по полу,
Куда как напылит!»

«Избави Бог, Парашенька,
Ты в Питер не ходи!
Такие есть чиновники,
Ты день у них кухаркою,
А ночь у них сударкою—
Так это наплевать!»

«Куда ты скачешь, Саввушка?»
(Кричит священник сотскому
Верхом, с казенной бляхою.)
– В Кузьминское скачу
За становым. Оказия:
Там впереди крестьянина
Убили… – «Эх!.. грехи!..»

«Худа ты стала, Дарьюшка!»

– Не веретенце, друг!
Вот то, чем больше вертится,
Пузатее становится,
А я как день-деньской…

«Эй парень, парень глупенькой,
Оборванной, паршивенькой,
Эй, полюби меня!
Меня, простоволосую,
Хмельную бабу, старую,
Зааа-паааа-чканную!..»

———

Крестьяне наши трезвые,
Поглядывая, слушая,
Идут своим путем.

Средь самой средь дороженьки
Какой-то парень тихонький
Большую яму выкопал.
«Что делаешь ты тут?»
– А хороню я матушку! —
«Дурак! какая матушка!
Гляди: поддевку новую

Ты в землю закопал!
Иди скорей да хрюкалом
В канаву ляг, воды испей!
Авось соскочит дурь!»

«А ну, давай потянемся!»

Садятся два крестьянина,
Ногами упираются,
И жилятся, и тужатся,
Кряхтят – на скалке тянутся,
Суставчики трещат!
На скалке не понравилось:
«Давай теперь попробуем
Тянуться бородой!»
Когда порядком бороды
Друг дружке поубавили,
Вцепились за скулы!
Пыхтят, краснеют, корчатся,
Мычат, визжат, а тянутся!
«Да будет вам, проклятые!»
Не разольешь водой!

В канаве бабы ссорятся,

Одна кричит: «Домой идти
Тошнее, чем на каторгу!»
Другая: – Врешь, в моем дому
Похуже твоего!
Мне старший зять ребро сломал,
Середний зять клубок украл,
Клубок плевок, да дело в том, —
Полтинник был замотан в нем,
А младший зять все нож берет,
Того гляди, убьет, убьет!..

«Ну полно, полно, миленькой!
Ну, не сердись! – за валиком
Неподалеку слышится, —
Я ничего… пойдем!»
Такая ночь бедовая!
Направо ли, налево ли
С дороги поглядишь:
Идут дружненько парочки,
Не к той ли роще правятся?
Та роща манит всякого,
В той роще голосистые
Соловушки поют…

Дорога многолюдная
Что позже – безобразнее:
Все чаще попадаются
Избитые, ползущие,
Лежащие пластом.
Без ругани, как водится,
Словечко не промолвится,
Шальная, непотребная,
Слышней всего она!
У кабаков смятение,
Подводы перепутались,
Испуганные лошади
Без седоков бегут;
Тут плачут дети малые,
Тоскуют жены, матери:
Легко ли из питейного
Дозваться мужиков?..

У столбика дорожного
Знакомый голос слышится,
Подходят наши странники
И видят: Веретенников
(Что башмачки козловые

Вавиле подарил)
Беседует с крестьянами.
Крестьяне открываются
Миляге по душе:
Похвалит Павел песенку —
Пять раз споют, записывай!
Понравится пословица —
Пословицу пиши!
Позаписав достаточно,
Сказал им Веретенников:
«Умны крестьяне русские,
Одно нехорошо,
Что пьют до одурения,
Во рвы, в канавы валятся —
Обидно поглядеть!»

Крестьяне речь ту слушали,
Поддакивали барину.
Павлуша что-то в книжечку
Хотел уже писать,
Да выискался пьяненький
Мужик, – он против барина
На животе лежал,

В глаза ему поглядывал,
Помалчивал – да вдруг
Как вскочит! Прямо к барину —
Хвать карандаш из рук!
– Постой, башка порожняя!
Шальных вестей, бессовестных
Про нас не разноси!
Чему ты позавидовал!
Что веселится бедная
Крестьянская душа?
Пьем много мы по времени,
А больше мы работаем,
Нас пьяных много видится,
А больше трезвых нас.
По деревням ты хаживал?
Возьмем ведерко с водкою,
Пойдем-ка по избам:
В одной, в другой навалятся,
А в третьей не притронутся —
У нас на семью пьющую
Непьющая семья!
Не пьют, а так же маются,

Уж лучше б пили, глупые,
Да совесть такова...
Чудно смотреть, как ввалится
В такую избу трезвую
Мужицкая беда, —
И не глядел бы!.. Видывал
В страду деревни русские?
В питейном, что ль, народ?
У нас поля обширные,
А не гораздо щедрые,
Скажи-ка, чьей рукой
С весны они оденутся,
А осенью разденутся?
Встречал ты мужика
После работы вечером?
На пожне гору добрую
Поставил, съел с горошину:
«Эй! богатырь! соломинкой
Сшибу, посторонись!»

Сладка еда крестьянская,
Весь век пила железная
Жует, а есть не ест!

Да брюхо-то не зеркало, —
Мы на еду не плачемся…
Работаешь один,
А чуть работа кончена,
Гляди, стоят три дольщика:
Бог, царь и господин!
А есть еще губитель-тать
Четвертый, злей татарина,
Так тот и не поделится,
Все слопает один!
У нас пристал третьеводни
Такой же барин плохонькой,
Как ты, из-под Москвы.
Записывает песенки,
Скажи ему пословицу,
Загадку загани.
А был другой – допытывал,
На сколько в день сработаешь,
По малу ли, по многу ли
Кусков пихаешь в рот?
Иной угодья меряет,
Иной в селенье жителей

По пальцам перечтет,
А вот не сосчитали же,
По скольку в лето каждое
Пожар пускает на ветер
Крестьянского труда?..

Нет меры хмелю русскому.
А горе наше меряли?
Работе мера есть?
Вино валит крестьянина,
А горе не валит его?
Работа не валит?
Мужик беды не меряет,
Со всякою справляется,
Какая ни приди.
Мужик, трудясь, не думает,
Что силы надорвет,
Так неужли над чаркою
Задуматься, что с лишнего
В канаву угодишь?
А что глядеть зазорно вам,
Как пьяные валяются,
Так погляди поди,

Как из болота волоком
Крестьяне сено мокрое,
Скосивши, волокут:
Где не пробраться лошади,
Где и без ноши пешему
Опасно перейти,
Там рать-орда крестьянская
По кочкам, по зажоринам
Ползком ползет с плетюхами, —
Трещит крестьянский пуп!

Под солнышком без шапочек,
В поту, в грязи по макушку,
Осокою изрезаны,
Болотным гадом-мошкою
Изъеденные в кровь, —
Небось мы тут красивее?
Жалеть – жалей умеючи,
На мерочку господскую
Крестьянина не мерь!
Не белоручки нежные,
А люди мы великие
В работе и гульбе!..

У каждого крестьянина
Душа что туча черная —
Гневна, грозна – и надо бы
Громам греметь оттудова,
Кровавым лить дождям,
А все вином кончается.
Пошла по жилам чарочка —
И рассмеялась добрая
Крестьянская душа!
Не горевать тут надобно,
Гляди кругом – возрадуйся!
Ай парни, ай молодушки,
Умеют погулять!
Повымахали косточки,
Повымотали душеньку,
А удаль молодецкую
Про случай сберегли!..

Мужик стоял на валике,
Притопывал лаптишками
И, помолчав минуточку,
Прибавил громким голосом,
Любуясь на веселую,

Ревущую толпу:
– Эй! царство ты мужицкое,
Бесшапочное, пьяное,
Шуми – вольней шуми!..

«Как звать тебя, старинушка?»

– А что? запишешь в книжечку?
Пожалуй, нужды нет!
Пиши: «В деревне Босове
Яким Нагой живет,
Он до смерти работает,
До полусмерти пьет!..»

Крестьяне рассмеялися
И рассказали барину,
Каков мужик Яким.

Яким, старик убогонький,
Живал когда-то в Питере,
Да угодил в тюрьму:
С купцом тягаться вздумалось!
Как липочка ободранный,
Вернулся он на родину
И за соху взялся.

С тех пор лет тридцать жарится
На полосе под солнышком,
Под бороной спасается
От частого дождя,
Живет – с сохою возится,
А смерть придет Якимушке —
Как ком земли отвалится,
Что на сохе присох…

С ним случай был: картиночек
Он сыну накупил,
Развешал их по стеночкам
И сам не меньше мальчика
Любил на них глядеть.
Пришла немилость Божия,
Деревня загорелася—
А было у Якимушки
За целый век накоплено
Целковых тридцать пять.
Скорей бы взял целковые,
А он сперва картиночки
Стал со стены срывать;
Жена его тем временем

С иконами возилася,
А тут изба и рухнула —
Так оплошал Яким!
Слились в комок целковики,
За тот комок дают ему
Одиннадцать рублей...
«Ой брат Яким! недешево
Картинки обошлись!
Зато и в избу новую
Повесил их небось?»

– Повесил – есть и новые, —
Сказал Яким – и смолк.

Вгляделся барин в пахаря:
Грудь впалая; как вдавленный
Живот; у глаз, у рта
Излучины, как трещины
На высохшей земле;
И сам на землю-матушку
Похож он: шея бурая,
Как пласт, сохой отрезанный,
Кирпичное лицо,

Рука – кора древесная,
А волосы – песок.
Крестьяне, как заметили,
Что не обидны барину
Якимовы слова,
И сами согласилися
С Якимом: – Слово верное:
Нам подобает пить!
Пьем – значит, силу чувствуем!
Придет печаль великая,
Как перестанем пить!..
Работа не свалила бы,
Беда не одолела бы,
Нас хмель не одолит!
Не так ли?

«Да, Бог милостив!»

– Ну, выпей с нами чарочку!

Достали водки, выпили.
Якиму Веретенников
Два шкалика поднес.

– Ай барин! не прогневался,

Разумная головушка!
(Сказал ему Яким.)
Разумной-то головушке
Как не понять крестьянина?
А свиньи ходят по́ земи —
Не видят неба век!..

Вдруг песня хором грянула
Удалая, согласная:
Десятка три молодчиков,
Хмельненьки, а не валятся,
Идут рядком, поют,
Поют про Волгу-матушку,
Про удаль молодецкую,
Про девичью красу.
Притихла вся дороженька,
Одна та песня складная
Широко, вольно катится,
Как рожь под ветром стелется,
По сердцу по крестьянскому
Идет огнем-тоской!..
Под песню ту удалую
Раздумалась, расплакалась

Молодушка одна:
«Мой век – что день без солнышка,
Мой век – что ночь без месяца,
А я, млада-младешенька,
Что борзый конь на привязи,
Что ласточка без крыл!
Мой старый муж, ревнивый муж,
Напился пьян, храпом храпит,
Меня, младу-младешеньку,
И сонный сторожит!»
Так плакалась молодушка
Да с возу вдруг и спрыгнула!
«Куда?» – кричит ревнивый муж,
Привстал – и бабу за косу,
Как редьку за вихор!

Ой! ночка, ночка пьяная!
Не светлая, а звездная,
Не жаркая, а с ласковым
Весенним ветерком!
И нашим добрым молодцам
Ты даром не прошла!
Сгрустнулось им по женушкам,

Оно и правда: с женушкой
Теперь бы веселей!
Иван кричит: «Я спать хочу»,
А Марьюшка: – И я с тобой! —
Иван кричит: «Постель узка»,
А Марьюшка: – Уляжемся! —
Иван кричит: «Ой, холодно»,
А Марьюшка: – Угреемся! —
Как вспомнили ту песенку,
Без слова – согласилися
Ларец свой попытать.

Одна, зачем Бог ведает,
Меж полем и дорогою
Густая липа выросла.
Под ней присели странники
И осторожно молвили:
«Эй! скатерть самобраная,
Попотчуй мужиков!»

И скатерть развернулася,
Откудова ни взялися
Две дюжие руки:

Ведро вина поставили,
Горой наклали хлебушка
И спрятались опять.

Крестьяне подкрепилися,
Роман за караульного
Остался у ведра,
А прочие вмешалися
В толпу – искать счастливого:
Им крепко захотелося
Скорей попасть домой…

Глава IV
Счастливые

В толпе горластой, праздничной
Похаживали странники,
Покликивали клич:
«Эй! нет ли где счастливого?
Явись! Коли окажется,
Что счастливо живешь,
У нас ведро готовое:
Пей даром сколько вздумаешь —

На славу угостим!..»
Таким речам неслыханным
Смеялись люди трезвые,
А пьяные да умные
Чуть не плевали в бороду
Ретивым крикунам.
Однако и охотников
Хлебнуть вина бесплатного
Достаточно нашлось.
Когда вернулись странники
Под липу, клич прокликавши,
Их обступил народ.
Пришел дьячок уволенный,
Тощой, как спичка серная,
И лясы распустил,
Что счастие не в пажитях,
Не в соболях, не в золоте,
Не в дорогих камнях.
«А в чем же?»
– В благодушестве!
Пределы есть владениям
Господ, вельмож, царей земных,

А мудрого владение —
Весь вертоград Христов!
Коль обогреет солнышко
Да пропущу косушечку,
Так вот и счастлив я! —
«А где возьмешь косушечку?»
– Да вы же дать сулилися…

«Проваливай! шалишь!..»

Пришла старуха старая,
Рябая, одноглазая,
И объявила, кланяясь,
Что счастлива она:
Что у нее по осени
Родилось реп до тысячи
На небольшой гряде.
– Такая репа крупная,
Такая репа вкусная,
А вся гряда – сажени три,
А впоперечь – аршин! —
Над бабой посмеялися,
А водки капли не дали:

«Ты дома выпей, старая,
Той репой закуси!»

Пришел солдат с медалями,
Чуть жив, а выпить хочется:
– Я счастлив! – говорит.
«Ну, открывай, старинушка,
В чем счастие солдатское?
Да не таись смотри!»
– А в том, во-первых, счастие,
Что в двадцати сражениях
Я был, а не убит!
А во-вторых, важней того,
Я и во время мирное
Ходил ни сыт ни голоден,
А смерти не дался!
А в-третьих – за провинности,
Великие и малые,
Нещадно бит я палками,
А хоть пощупай – жив!

«На! выпивай, служивенькой!
С тобой и спорить нечего:

Ты счастлив – слова нет!»

Пришел с тяжелым молотом
Каменотес-олончанин,
Плечистый, молодой:
– И я живу – не жалуюсь, —
Сказал он, – с женкой, с матушкой
Не знаем мы нужды!

«Да в чем же ваше счастие?»

– А вот гляди (и молотом,
Как перышком, махнул):
Коли проснусь до солнышка
Да разогнусь о полночи,
Так гору сокрушу!
Случалось, не похвастаю,
Щебенки наколачивать
В день на пять серебром!

Пахом приподнял «счастие»
И, крякнувши порядочно,
Работнику поднес:
«Ну, веско! А не будет ли
Носиться с этим счастием

Под старость тяжело?..»

– Смотри, не хвастай силою, —
Сказал мужик с одышкою,
Расслабленный, худой
(Нос вострый, как у мертвого,
Как грабли руки тощие,
Как спицы ноги длинные,
Не человек – комар). —
Я был не хуже каменщик
Да тоже хвастал силою,
Вот Бог и наказал!
Смекнул подрядчик, бестия,
Что простоват детинушка,
Учал меня хвалить,
А я-то сдуру радуюсь,
За четверых работаю!
Однажды ношу добрую
Наклал я кирпичей,
А тут его, проклятого,
И нанеси нелегкая:
«Что это? – говорит. —
Не узнаю я Трифона!

Идти с такою ношею
Не стыдно молодцу?»
– А коли мало кажется,
Прибавь рукой хозяйскою! —
Сказал я, осердясь.
Ну, с полчаса, я думаю,
Я ждал, а он подкладывал,
И подложил, подлец!
Сам слышу – тяга страшная,
Да не хотелось пятиться.
И внес ту ношу чертову
Я во второй этаж!

Глядит подрядчик, дивится,
Кричит, подлец, оттудова:
«Ай молодец, Трофим!
Не знаешь сам, что сделал ты:
Ты снес один по крайности
Четырнадцать пудов!»
Ой, знаю! сердце молотом
Стучит в груди, кровавые
В глазах круги стоят,
Спина как будто треснула…

Дрожат, ослабли ноженьки.
Зачах я с той поры!..
Налей, брат, полстаканчика!

«Налить? Да где ж тут счастие?
Мы потчуем счастливого,
А ты что рассказал!»

– Дослушай! будет счастие!

«Да в чем же, говори!»

– А вот в чем. Мне на родине,
Как всякому крестьянину,
Хотелось умереть.
Из Питера, расслабленный,
Шальной, почти без памяти,
Я на машину сел.
Ну, вот мы и поехали.
В вагоне лихорадочных,
Горячечных работничков
Нас много набралось,
Всем одного желалося,
Как мне, попасть на родину,
Чтоб дома помереть.

Однако нужно счастие
И тут: мы летом ехали,
В жарище, в духоте
У многих помутилися
Вконец больные головы,
В вагоне ад пошел:
Тот стонет, тот катается,
Как оглашенный, по полу,
Тот бредит женкой, матушкой.
Ну, на ближайшей станции
Такого и долой!
Глядел я на товарищей,
Сам весь горел, подумывал —
Несдобровать и мне.
В глазах кружки багровые,
И все мне, братец, чудится,
Что режу пеунов
(Мы тоже пеунятники,
Случалось в год откармливать
До тысячи зобов).
Где вспомнились, проклятые!
Уж я молиться пробовал,

Нет! все с ума нейдут!
Поверишь ли? вся партия
Передо мной трепещется!
Гортани перерезаны,
Кровь хлещет, а поют!
А я с ножом: «Да полно вам!»
Уж как Господь помиловал,
Что я не закричал?
Сижу, креплюсь... по счастию,
День кончился, а к вечеру
Похолодало, – сжалился
Над сиротами Бог!
Ну, так мы и доехали,
И я добрел на родину,
А здесь, по Божьей милости,
И легче стало мне...

– Чего вы тут расхвастались
Своим мужицким счастием? —
Кричит разбитый на ноги
Дворовый человек. —
А вы меня попотчуйте:
Я счастлив, видит Бог!

У первого боярина,
У князя Переметьева,
Я был любимый раб.
Жена – раба любимая,
А дочка вместе с барышней
Училась и французскому
И всяким языкам,
Садиться позволялось ей
В присутствии княжны…
Ой! как кольнуло!.. батюшки!.. —
(И начал ногу правую
Ладонями тереть.)
Крестьяне рассмеялися.
– Чего смеетесь, глупые! —
Озлившись неожиданно,
Дворовый закричал. —
Я болен, а сказать ли вам,
О чем молюсь я Господу,
Вставая и ложась?
Молюсь: «Оставь мне, Господи,
Болезнь мою почетную,
По ней я дворянин!»

Не вашей подлой хворостью,
Не хрипотой, не грыжею —
Болезнью благородною,
Какая только водится
У первых лиц в империи,
Я болен, мужичье!
По-да-грой именуется!
Чтоб получить ее —
Шампанское, бургонское,
Токайское, венгерское
Лет тридцать надо пить...
За стулом у светлейшего
У князя Переметьева
Я сорок лет стоял,
С французским лучшим трюфелем
Тарелки я лизал,
Напитки иностранные
Из рюмок допивал...
Ну, наливай! —
«Проваливай!
У нас вино мужицкое,
Простое, не заморское —

Не по твоим губам!»

Желтоволосый, сгорбленный,
Подкрался робко к странникам
Крестьянин-белорус,
Туда же к водке тянется:
– Налей и мне маненичко,
Я счастлив! – говорит.

«А ты не лезь с ручищами!
Докладывай, доказывай
Сперва, чем счастлив ты?»

– А счастье наше – в хлебушке:
Я дома в Белоруссии
С мякиною, с кострикою
Ячменный хлеб жевал;
Бывало, вопишь голосом,
Как роженица корчишься,
Как схватит животы.
А ныне, милость Божия! —
Досыта у Губонина
Дают ржаного хлебушка,
Жую – не нажуюсь!

Пришел какой-то пасмурный
Мужик с скулой свороченной,
Направо все глядит:
– Хожу я за медведями,
И счастье мне великое:
Троих моих товарищей
Сломали мишуки,
А я живу, Бог милостив!

«А ну-ка влево глянь?»

Не глянул, как ни пробовал,
Какие рожи страшные
Ни корчил мужичок:
– Свернула мне медведица
Маненичко скулу! —
«А ты с другой померяйся,
Подставь ей щеку правую—
Поправит…» – Посмеялися,
Однако поднесли.

Оборванные нищие,
Послышав запах пенного,

И те пришли доказывать,
Как счастливы они:
– Нас у порога лавочник
Встречает подаянием,
А в дом войдем, так из дому
Проводят до ворот…
Чуть запоем мы песенку,
Бежит к окну хозяюшка

С краюхою, с ножом,
А мы-то заливаемся:
«Давай-давай – весь каравай,
Не мнется и не крошится,
Тебе скорей, а нам спорей...»

———

Смекнули наши странники,
Что даром водку тратили,
Да кстати и ведерочку
Конец. «Ну, будет с вас!
Эй, счастие мужицкое!
Дырявое с заплатами,
Горбатое с мозолями,
Проваливай домой!»

– А вам бы, други милые,
Спросить Ермилу Гирина, —
Сказал, подсевши к странникам,
Деревни Дымоглотова
Крестьянин Федосей. —
Коли Ермил не выручит,
Счастливцем не объявится,

Так и шататься нечего...

«А кто такой Ермил?
Князь, что ли, граф сиятельный?»

– Не князь, не граф сиятельный,
А просто он – мужик!

«Ты говори толковее,
Садись, а мы послушаем,
Какой такой Ермил?»

– А вот какой: сиротскую
Держал Ермило мельницу
На Унже. По суду
Продать решили мельницу:
Пришел Ермило с прочими
В палату на торги.
Пустые покупатели
Скоренько отвалилися,
Один купец Алтынников
С Ермилой в бой вступил,
Не отстает, торгуется,
Наносит по копеечке.
Ермило как рассердится —

Хвать сразу пять рублей!
Купец опять копеечку,
Пошло у них сражение:
Купец его копейкою,
А тот его рублем!
Не устоял Алтынников!
Да вышла тут оказия:
Тотчас же стали требовать
Задатков третью часть,
А третья часть – до тысячи.
С Ермилой денег не было,
Уж сам ли он сплошал,
Схитрили ли подьячие,
А дело вышло дрянь!
Повеселел Алтынников:
«Моя, выходит, мельница!»
«Нет, – говорит Ермил,
Подходит к председателю. —
Нельзя ли вашей милости
Помешкать полчаса?»

– Что в полчаса ты сделаешь?

«Я деньги принесу!»
– А где найдешь? В уме ли ты?
Верст тридцать пять до мельницы,
А через час присутствию
Конец, любезный мой!

«Так полчаса позволите?»

– Пожалуй, час помешкаем! —
Пошел Ермил; подьячие
С купцом переглянулися,
Смеются, подлецы!
На площадь на торговую
Пришел Ермило (в городе
Тот день базарный был),
Стал на воз, видим: крестится,
На все четыре стороны
Поклон, – и громким голосом
Кричит: «Эй, люди добрые!
Притихните, послушайте,
Я слово вам скажу!»
Притихла площадь людная,
И тут Ермил про мельницу

Народу рассказал:
«Давно купец Алтынников
Присватывался к мельнице,
Да не плошал и я,
Раз пять справлялся в городе,
Сказали: с переторжкою
Назначены торги.
Без дела, сами знаете,
Возить казну крестьянину
Проселком не рука:
Приехал я без грошика,
Ан глядь – они спроворили
Без переторжки торг!
Схитрили души подлые,
Да и смеются нехристи:
«Что, часом, ты поделаешь?
Где денег ты найдешь?»
Авось найду, Бог милостив!
Хитры, сильны подьячие,
А мир их посильней,
Богат купец Алтынников,
А все не устоять ему

Против мирской казны —
Ее, как рыбу из моря,
Века ловить – не выловить.
Ну, братцы! видит Бог,
Разделаюсь в ту пятницу!
Не дорога мне мельница,
Обида велика!
Коли Ермила знаете,
Коли Ермилу верите,
Так выручайте, что ль!..»

И чудо сотворилося —
На всей базарной площади
У каждого крестьянина,
Как ветром, полу левую
Заворотило вдруг!
Крестьянство раскошелилось,
Несут Ермилу денежки,
Дают, кто чем богат.
Ермило парень грамотный,
Да некогда записывать,
Успей пересчитать!
Наклали шляпу полную

Целковиков, лобанчиков,
Проженной, битой, трепаной
Крестьянской ассигнации.
Ермило брал – не брезговал
И медным пятаком.
Еще бы стал он брезговать,
Когда тут попадалася
Иная гривна медная
Дороже ста рублей!

Уж сумма вся исполнилась,
А щедрота народная
Росла: – Бери, Ермил Ильич,
Отдашь, не пропадет! —
Ермил народу кланялся
На все четыре стороны,
В палату шел со шляпою,
Зажавши в ней казну.
Сдивилися подьячие,
Позеленел Алтынников,
Как он сполна всю тысячу
Им выложил на стол!..
Не волчий зуб, так лисий хвост, —

Пошли юлить подьячие,
С покупкой поздравлять!
Да не таков Ермил Ильич,
Не молвил слова лишнего,
Копейки не дал им!

Глядеть весь город съехался,
Как в день базарный, пятницу,
Через неделю времени
Ермил на той же площади
Рассчитывал народ.
Упомнить где же всякого?
В ту пору дело делалось
В горячке, второпях!
Однако споров не было,
И выдать гроша лишнего
Ермилу не пришлось.
Еще – он сам рассказывал —
Рубль лишний, чей – Бог ведает! —
Остался у него.
Весь день с мошной раскрытою
Ходил Ермил, допытывал,
Чей рубль? да не нашел.

Уж солнце закатилося,
Когда с базарной площади
Ермил последний тронулся,
Отдав тот рубль слепым…
Так вот каков Ермил Ильич.

«Чудён! – сказали странники. —
Однако знать желательно —
Каким же колдовством
Мужик над всей округою
Такую силу взял?»

– Не колдовством, а правдою.
Слыхали про Адовщину,
Юрлова князя вотчину?

«Слыхали, ну так что ж?»

– В ней главный управляющий
Был корпуса жандармского
Полковник со звездой,
При нем пять-шесть помощников,
А наш Ермило писарем
В конторе состоял.

Лет двадцать было малому,

Какая воля писарю?
Однако для крестьянина
И писарь человек.
К нему подходишь к первому,
А он и посоветует,
И справку наведет;
Где хватит силы – выручит,
Не спросит благодарности,
И дашь, так не возьмет!
Худую совесть надобно —
Крестьянину с крестьянина
Копейку вымогать.

Таким путем вся вотчина
В пять лет Ермилу Гирина
Узнала хорошо,
А тут его и выгнали…
Жалели крепко Гирина,
Трудненько было к новому,
Хапуге, привыкать,
Однако делать нечего,
По времени наладились
И к новому писцу.

Тот ни строки без трешника,
Ни слова без семишника,
Прожженный, из кутейников —
Ему и Бог велел!

Однако, волей Божией,
Недолго он поцарствовал, —
Скончался старый князь,
Приехал князь молоденькой,
Прогнал того полковника,
Прогнал его помощника,
Контору всю прогнал,
А нам велел из вотчины
Бурмистра изобрать.
Ну, мы не долго думали,
Шесть тысяч душ, всей вотчиной
Кричим: – Ермилу Гирина! —
Как человек един!
Зовут Ермилу к барину.
Поговорив с крестьянином,
С балкона князь кричит:
«Ну, братцы! будь по-вашему.
Моей печатью княжеской

Ваш выбор утвержден:
Мужик проворный, грамотный,
Одно скажу: не молод ли?..»

А мы: – Нужды нет, батюшка,
И молод, да умен! —
Пошел Ермило царствовать
Над всей княжою вотчиной,
И царствовал же он!
В семь лет мирской копеечки
Под ноготь не зажал,
В семь лет не тронул правого,
Не попустил виновному,
Душой не покривил…

«Стой! – крикнул укорительно
Какой-то попик седенький
Рассказчику. – Грешишь!
Шла борона прямехонько,
Да вдруг махнула в сторону —
На камень зуб попал!
Коли взялся рассказывать,
Так слова не выкидывай

Из песни: или странникам
Ты сказку говоришь?..
Я знал Ермилу Гирина...»

– А я небось не знал?
Одной мы были вотчины,
Одной и той же волости,
Да нас перевели...

«А коли знал ты Гирина,
Так знал и брата Митрия,
Подумай-ка, дружок».

Рассказчик призадумался
И, помолчав, сказал:
– Соврал я: слово лишнее
Сорвалось на маху!
Был случай, и Ермил-мужик
Свихнулся: из рекрутчины
Меньшого брата Митрия
Повыгородил он.
Молчим: тут спорить нечего,
Сам барин брата старосты
Забрить бы не велел,

Одна Ненила Власьевна
По сыне горько плачется,
Кричит: не наш черед!
Известно, покричала бы
Да с тем бы и отъехала.
Так что же? Сам Ермил
Покончивши с рекрутчиной,
Стал тосковать, печалиться,
Не пьет, не ест: тем кончилось,
Что в деннике с веревкою
Застал его отец.
Тут сын отцу покаялся:
«С тех пор как сына Власьевны
Поставил я не в очередь,
Постыл мне белый свет!»
А сам к веревке тянется.
Пытали уговаривать
Отец его и брат,
Он все одно: «Преступник я!
Злодей! вяжите руки мне,
Ведите в суд меня!»
Чтоб хуже не случилося,

Отец связал сердечного,
Приставил караул.
Сошелся мир, шумит, галдит,
Такого дела чудного
Вовек не приходилося
Ни видеть, ни решать.
Ермиловы семейные
Уж не о том старалися,
Чтоб мы им помирволили,
А строже рассуди —
Верни парнишку Власьевне,
Не то Ермил повесится,
За ним не углядишь!
Пришел и сам Ермил Ильич,
Босой, худой, с колодками,
С веревкой на руках,
Пришел, сказал: «Была пора,
Судил я вас по совести,
Теперь я сам грешнее вас:
Судите вы меня!»
И в ноги поклонился нам.
Ни дать ни взять юродивый,

Стоит вздыхает, крестится,
Жаль было нам глядеть,
Как он перед старухою,
Перед Ненилой Власьевной,
Вдруг на колени пал!

Ну, дело все обладилось,
У господина сильного
Везде рука: сын Власьевны
Вернулся, сдали Митрия,
Да, говорят, и Митрию
Не тяжело служить,
Сам князь о нем заботится.
А за провинность Гирина
Мы положили штраф:
Штрафные деньги рекруту,
Часть небольшая Власьевне,
Часть миру на вино...
Однако после этого
Ермил не скоро справился,
С год как шальной ходил.
Как ни просила вотчина,
От должности уволился,

В аренду снял ту мельницу,
И стал он пуще прежнего
Всему народу люб:
Брал за помол по совести,
Народу не задерживал,—
Приказчик, управляющий,
Богатые помещики
И мужики беднейшие —
Все очереди слушались,
Порядок строгий вел!
Я сам уж в той губернии
Давненько не бывал,
А про Ермилу слыхивал,
Народ им не нахвалится,
Сходите вы к нему.

– Напрасно вы проходите, —
Сказал уж раз заспоривший
Седоволосый поп. —
Я знал Ермила Гирина,
Попал я в ту губернию
Назад тому лет пять
(Я в жизни много странствовал,

Преосвященный наш
Переводить священников
Любил)… С Ермилой Гириным
Соседи были мы.
Да! был мужик единственный!
Имел он все, что надобно
Для счастья: и спокойствие,
И деньги, и почет,
Почет завидный, истинный,
Не купленный ни деньгами,
Ни страхом: строгой правдою,
Умом и добротой!
Да только, повторяю вам,
Напрасно вы проходите,
В остроге он сидит…

«Как так?»
– А воля Божия!

Слыхал ли кто из вас,
Как бунтовалась вотчина
Помещика Обрубкова,
Испуганной губернии,

Уезда Недыханьева,
Деревня Столбняки?..
Как о пожарах пишется
В газетах (я их читывал):
«Осталась неизвестною
Причина» – так и тут:
До сей поры неведомо
Ни земскому исправнику,
Ни высшему правительству,
Ни столбнякам самим,
С чего стряслась оказия,
А вышло дело дрянь.
Потребовалось воинство,
Сам государев посланный
К народу речь держал,
То руганью попробует
И плечи с эполетами
Подымет высоко,
То лаской попробует
И грудь с крестами царскими
Во все четыре стороны
Повертывать начнет.

Да брань была тут лишняя,
А ласка непонятная:
«Крестьянство православное!
Русь-матушка! царь-батюшка!»
И больше ничего!
Побившись так достаточно,
Хотели уж солдатикам
Скомандовать: пали!
Да волостному писарю
Пришла тут мысль счастливая,
Он про Ермилу Гирина
Начальнику сказал:
– Народ поверит Гирину,
Народ его послушает… —
«Позвать его, живей!»

. . . . . .

———

Вдруг крик: «Ай, ай! помилуйте!»,
Раздавшись неожиданно,
Нарушил речь священника,
Все бросились глядеть:
У валика дорожного

Секут лакея пьяного —
Попался в воровстве!
Где пойман, тут и суд ему:
Судей сошлось десятка три,
Решили дать по лозочке,
И каждый дал лозу!
Лакей вскочил и, шлепая
Худыми сапожнишками,
Без слова тягу дал.
«Вишь, побежал как встрепанный! —
Шутили наши странники,
Узнавши в нем балясника,
Что хвастался какою-то
Особенной болезнию
От иностранных вин.—
Откуда прыть явилася!
Болезнь ту благородную
Вдруг сняло как рукой!»

———

«Эй, эй! куда ж ты, батюшка!
Ты доскажи историю,
Как бунтовалась вотчина

Помещика Обрубкова,
Деревни Столбняки?»

– Пора домой, родимые.
Бог даст, опять мы встретимся,
Тогда и доскажу!

———

Под утро поразъехалась,
Поразбрелась толпа.
Крестьяне спать надумали,
Вдруг тройка с колокольчиком
Откуда ни взялась,
Летит! а в ней качается
Какой-то барин кругленький,
Усатенький, пузатенький,
С сигарочкой во рту.
Крестьяне разом бросились
К дороге, сняли шапочки,
Низенько поклонилися,
Повыстроились в ряд
И тройке с колокольчиком
Загородили путь…

Глава V
Помещик

Соседнего помещика
Гаврилу Афанасьича
Оболта-Оболдуева
Та троечка везла.
Помещик был румяненький,
Осанистый, присадистый,
Шестидесяти лет;
Усы седые, длинные,
Ухватки молодецкие,
Венгерка с бранденбурами,
Широкие штаны.
Гаврило Афанасьевич,
Должно быть, перетрусился,
Увидев перед тройкою
Семь рослых мужиков.
Он пистолетик выхватил,
Как сам, такой же толстенький,
И дуло шестиствольное

На странников навел:
«Ни с места! Если тронетесь,
Разбойники! грабители!
На месте уложу!..»
Крестьяне рассмеялися:
– Какие мы разбойники,
Гляди – у нас ни ножика,
Ни топоров, ни вил! —
«Кто ж вы? чего вам надобно?»

– У нас забота есть.
Такая ли заботушка,
Что из домов повыжила,
С работой раздружила нас,
Отбила от еды.
Ты дай нам слово крепкое
На нашу речь мужицкую
Без смеху и без хитрости,
По правде и по разуму,
Как должно отвечать,
Тогда свою заботушку
Поведаем тебе...

«Извольте: слово честное,
Дворянское даю!»
– Нет, ты нам не дворянское,
Дай слово христианское!
Дворянское с побранкою,
С толчком да с зуботычиной,
То непригодно нам!

«Эге! какие новости!
А впрочем, будь по-вашему!
Ну, в чем же ваша речь?..»
– Спрячь пистолетик! выслушай!
Вот так! Мы не грабители,
Мы мужики смиренные,
Из временнообязанных,
Подтянутой губернии,
Уезда Терпигорева,
Пустопорожней волости,
Из разных деревень:
Заплатова, Дырявина,
Разутова, Знобишина,
Горелова, Неелова —
Неурожайка тож.

Идя путем-дорогою,
Сошлись мы невзначай,
Сошлись мы и заспорили:
Кому живется счастливо,
Вольготно на Руси?
Роман сказал: помещику,
Демьян сказал: чиновнику,
Лука сказал: попу.
Купчине толстопузому, —
Сказали братья Губины,
Иван и Митродор.
Пахом сказал: светлейшему,
Вельможному боярину,
Министру государеву,
А Пров сказал: царю...
Мужик что бык: втемяшится
В башку какая блажь —
Колом ее оттудова
Не выбьешь! Как ни спорили,
Не согласились мы!
Поспоривши, повздорили,
Повздоривши, подралися,

Подравшися, удумали
Не расходиться врозь,
В домишки не ворочаться,
Не видеться ни с женами,
Ни с малыми ребятами,
Ни с стариками старыми,
Покуда спору нашему
Решенья не найдем,
Покуда не доведаем
Как ни на есть – доподлинно,
Кому жить любо-весело,
Вольготно на Руси?
Скажи ж ты нам по-божески,
Сладка ли жизнь помещичья?
Ты как – вольготно, счастливо,
Помещичек, живешь?

Гаврило Афанасьевич
Из тарантаса выпрыгнул,
К крестьянам подошел:
Как лекарь, руку каждому
Пощупал, в лица глянул им,
Схватился за бока

И покатился со смеху...
«Ха-ха! ха-ха! ха-ха! ха-ха!»
Здоровый смех помещичий
По утреннему воздуху
Раскатываться стал...

Нахохотавшись досыта,
Помещик не без горечи
Сказал: «Наденьте шапочки,
Садитесь, господа!»

– Мы господа не важные,
Перед твоею милостью
И постоим...

«Нет! нет!
Прошу садиться, граждане!»
Крестьяне поупрямились,
Однако делать нечего,
Уселись на валу.

«И мне присесть позволите?
Эй, Трошка! рюмку хересу,
Подушку и ковер!»

Расположась на коврике

И выпив рюмку хересу,
Помещик начал так:

«Я дал вам слово честное
Ответ держать по совести,
А нелегко оно!
Хоть люди вы почтенные,
Однако не ученые,
Как с вами говорить?
Сперва понять вам надо бы,
Что значит слово самое:
Помещик, дворянин.
Скажите, вы, любезные,
О родословном дереве
Слыхали что-нибудь?»
– Леса нам не заказаны —
Видали древо всякое! —
Сказали мужики.
«Попали пальцем в небо вы!..
Скажу вам вразумительней:
Я роду именитого,
Мой предок Оболдуй
Впервые поминается

В старинных русских грамотах
Два веку с половиною
Назад тому. Гласит
Та грамота: «Татарину
Оболту Оболдуеву
Дано суконце доброе,
Ценою в два рубля:
Волками и лисицами
Он тешил государыню,
В день царских именин,
Спускал медведя дикого
С своим, и Оболдуева
Медведь тот ободрал...»
Ну, поняли, любезные?»
– Как не понять! С медведями
Немало их шатается,
Прохвостов, и теперь.

«Вы все свое, любезные!
Молчать! уж лучше слушайте,
К чему я речь веду:
Тот Оболдуй, потешивший
Зверями государыню,

Был корень роду нашему,
А было то, как сказано,
С залишком двести лет.
Прапрадед мой по матери
Был и того древней:
«Князь Щепин с Васькой Гусевым
(Гласит другая грамота)
Пытал поджечь Москву,
Казну пограбить думали,
Да их казнили смертию»,
А было то, любезные,
Без мала триста лет.
Так вот оно откудова
То дерево дворянское
Идет, друзья мои!»

– А ты, примерно, яблочко
С того выходишь дерева? —
Сказали мужики.

«Ну, яблочко так яблочко!
Согласен! Благо поняли
Вы дело наконец.

Теперь – вы сами знаете —
Чем дерево дворянское
Древней, тем именитее,
Почетней дворянин.
Не так ли, благодетели?»

– Так! – отвечали странники. —
Кость белая, кость черная,
И поглядеть, так разные, —
Им разный и почет!

«Ну, вижу, вижу: поняли!
Так вот, друзья, и жили мы,
Как у Христа за пазухой,
И знали мы почет.
Не только люди русские,
Сама природа русская
Покорствовала нам.
Бывало, ты в окружности
Один, как солнце на небе,
Твои деревни скромные,
Твои леса дремучие,
Твои поля кругом!

Пойдешь ли деревенькою —
Крестьяне в ноги валятся,
Пойдешь лесными дачами —
Столетними деревьями
Преклонятся леса!
Пойдешь ли пашней, нивою —
Вся нива спелым колосом
К ногам господским стелется,
Ласкает слух и взор!
Там рыба в речке плещется:
«Жирей-жирей до времени!»
Там заяц лугом крадется:
«Гуляй-гуляй до осени!»
Все веселило барина,
Любовно травка каждая
Шептала: «Я твоя!»

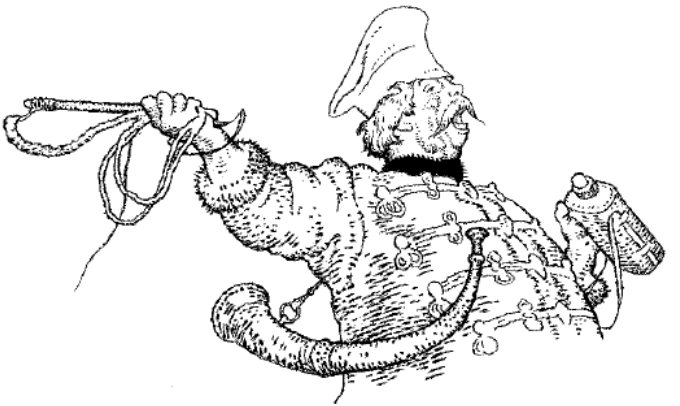
Краса и гордость русская,
Белели церкви Божии
По горкам, по холмам,
И с ними в славе спорили
Дворянские дома.
Дома с оранжереями,

С китайскими беседками
И с английскими парками;
На каждом флаг играл,
Играл-манил приветливо,
Гостеприимство русское
И ласку обещал.
Французу не привидится
Во сне, какие праздники,
Не день, не два – по месяцу
Мы задавали тут.
Свои индейки жирные,
Свои наливки сочные,
Свои актеры, музыка,
Прислуги – целый полк!

Пять поваров да пекаря,
Двух кузнецов, обойщика,
Семнадцать музыкантиков
И двадцать два охотника
Держал я... Боже мой!..»
Помещик закручинился,
Упал лицом в подушечку,
Потом привстал, поправился:

«Эй, Прошка!» – закричал.
Лакей, по слову барскому,
Принес кувшинчик с водкою.
Гаврило Афанасьевич,
Откушав, продолжал:
«Бывало, в осень позднюю
Леса твои, Русь-матушка,
Одушевляли громкие
Охотничьи рога.
Унылые, поблекшие
Леса полураздетые
Жить начинали вновь,
Стояли по опушечкам
Борзовщики-разбойники,
Стоял помещик сам,
А там, в лесу, выжлятники
Ревели, сорвиголовы,
Варили варом гончие.
Чу! подзывает рог!..
Чу! стая воет! сгрудилась!
Никак, по зверю красному
Погнали?.. улю-лю!

Лисица черно-бурая,
Пушистая, матерая
Летит, хвостом метет!



Присели, притаились,
Дрожа всем телом, рьяные,
Догадливые псы:
Пожалуй, гостья жданная!

Поближе к нам, молодчикам,
Подальше от кустов!
Пора! Ну, ну! не выдай, конь!
Не выдайте, собаченьки!
Эй! улю-лю! родимые!
Эй! улю-лю!.. ату!..»
Гаврило Афанасьевич,
Вскочив с ковра персидского
Махал рукой, подпрыгивал,
Кричал! Ему мерещилось,
Что травит он лису...
Крестьяне молча слушали,
Глядели, любовалися,
Посмеивались в ус...

«Ой ты, охота псовая!
Забудут все помещики,
Но ты, исконно русская
Потеха! не забудешься
Ни во веки веков!
Не о себе печалимся,
Нам жаль, что ты, Русь-матушка,
С охотою утратила

Свой рыцарский, воинственный,
Величественный вид!
Бывало, нас по осени
До полусотни съедется
В отъезжие поля;
У каждого помещика
Сто гончих в напуску,
У каждого по дюжине
Борзовщиков верхом,
При каждом с кашеварами,
С провизией обоз.
Как с песнями да с музыкой
Мы двинемся вперед,
На что кавалерийская
Дивизия твоя!
Летело время соколом,
Дышала грудь помещичья
Свободно и легко.
Во времена боярские,
В порядки древнерусские
Переносился дух!
Ни в ком противоречия,

Кого хочу – помилую,
Кого хочу – казню.
Закон – мое желание!
Кулак – моя полиция!
Удар искросыпительный,
Удар зубодробительный,
Удар скуловорррот!..»

Вдруг, как струна порвалася,
Осеклась речь помещичья.
Потупился, нахмурился.
«Эй, Прошка! – закричал,
Глотнул – и мягким голосом
Сказал: – Вы сами знаете,
Нельзя же и без строгости?
Но я карал – любя.
Порвалась цепь великая —
Теперь не бьем крестьянина,
Зато уж и отечески
Не милуем его.
Да, был я строг по времени,
А впрочем, больше лаской
Я привлекал сердца.

Я в воскресенье Светлое
Со всей своею вотчиной
Христосовался сам!
Бывало, накрывается
В гостиной стол огромнейший,
На нем и яйца красные,
И пасха, и кулич!
Моя супруга, бабушка,
Сынишки, даже барышни
Не брезгуют, цалуются
С последним мужиком.
«Христос воскрес!» – Воистину! —
Крестьяне разговляются,
Пьют брагу и вино…

Пред каждым почитаемым
Двунадесятым праздником
В моих парадных горницах
Поп всенощну служил.
И к той домашней всенощной
Крестьяне допускалися,
Молись – хоть лоб разбей!
Страдало обоняние,

Сбивали после с вотчины
Баб отмывать полы!
Да чистота духовная
Тем самым сберегалася,
Духовное родство!
Не так ли, благодетели?»

– Так! – отвечали странники,
А про себя подумали:
«Колом сбивал их, что ли, ты
Молиться в барский дом?..»

«Зато, скажу не хвастая,
Любил меня мужик!
В моей сурминской вотчине
Крестьяне все подрядчики,
Бывало, дома скучно им,
Все на чужую сторону
Отпросятся с весны…
Ждешь – не дождешься осени,
Жена, детишки малые,
И те гадают, ссорятся:
Какого им гостинчику

Крестьяне принесут!
И точно: поверх барщины,
Холста, яиц и живности,
Всего, что на помещика
Сбиралось искони, —
Гостинцы добровольные
Крестьяне нам несли!
Из Киева – с вареньями,
Из Астрахани – с рыбою,
А тот, кто подостаточней,
И с шелковой материей:
Глядь, чмокнул руку барыне
И сверток подает!
Детям игрушки, лакомства,
А мне, седому бражнику,
Из Питера вина!
Толк вызнали, разбойники,
Небось не к Кривоногову,
К французу забежит.
Тут с ними разгуляешься,
По-братски побеседуешь,
Жена рукою собственной

По чарке им нальет.
А детки тут же малые
Посасывают прянички
Да слушают досужие рассказы мужиков —
Про трудные их промыслы,
Про чужедальны стороны,
Про Петербург, про Астрахань,
Про Киев, про Казань…

Так вот как, благодетели,
Я жил с моею вотчиной,
Не правда ль, хорошо?..»
– Да, было вам, помещикам,
Житье куда завидное,
Не надо умирать!

«И все прошло! все минуло!..
Чу! похоронный звон!..»

Прислушалися странники,
И точно: из Кузьминского
По утреннему воздуху
Те звуки, грудь щемящие,

Неслись. – Покой крестьянину
И Царствие Небесное! —
Проговорили странники
И покрестились все…

Гаврило Афанасьевич
Снял шапочку – и набожно
Перекрестился тож:
«Звонят не по крестьянину!
По жизни по помещичьей
Звонят!.. Ой жизнь широкая!
Прости-прощай навек!
Прощай и Русь помещичья!
Теперь не та уж Русь!
Эй, Прошка!» (выпил водочки
И посвистал)…
«Невесело
Глядеть, как изменилося
Лицо твое, несчастная
Родная сторона!
Сословье благородное
Как будто все попряталось,
Повымерло! Куда

Ни едешь, попадаются
Одни крестьяне пьяные,
Акцизные чиновники,
Поляки пересыльные
Да глупые посредники,
Да иногда пройдет
Команда. Догадаешься:
Должно быть, взбунтовалося
В избытке благодарности
Селенье где-нибудь!
А прежде что тут мчалося
Колясок, бричек троечных,
Дормезов шестерней!
Катит семья помещичья —
Тут маменьки солидные,
Тут дочки миловидные
И резвые сынки!
Поющих колокольчиков,
Воркующих бубенчиков
Наслушаешься всласть.
А нынче чем рассеешься?
Картиной возмутительной

Что шаг – ты поражен:
Кладбищем вдруг повеяло,
Ну, значит, приближаемся
К усадьбе… Боже мой!
Разобран по кирпичику
Красивый дом помещичий,
И аккуратно сложены
В колонны кирпичи!
Обширный сад помещичий,
Столетьями взлелеянный,
Под топорм крестьянина
Весь лег, – мужик любуется,
Как много вышло дров!
Черства душа крестьянина,
Подумает ли он,
Что дуб, сейчас им сваленный,
Мой дед рукою собственной
Когда-то насадил?
Что вон под той рябиною
Резвились наши детушки,
И Ганечка и Верочка,
Аукались со мной?

Что тут, под этой липою,
Жена моя призналась мне,
Что тяжела она
Гаврюшей, нашим первенцем,
И спрятала на грудь мою
Как вишня покрасневшее
Прелестное лицо?..
Ему была бы выгода —
Радехонек помещичьи
Усадьбы изводить!
Деревней ехать совестно,
Мужик сидит – не двинется,
Не гордость благородную —
Желчь чувствуешь в груди.
В лесу не рог охотничий,
Звучит – топор разбойничий,
Шалят!.. а что поделаешь?
Кем лес убережешь?..
Поля – недоработаны,
Посевы – недосеяны,
Порядку нет следа!
О матушка! о родина!

Не о себе печалимся,
Тебя, родная, жаль.
Ты, как вдова печальная,
Стоишь с косой распущенной,
С неубранным лицом!
Усадьбы переводятся,
Взамен их распложаются
Питейные дома!..
Поят народ распущенный,
Зовут на службы земские,
Сажают, учат грамоте, —
Нужна ему она!
На всей тебе, Русь-матушка,
Как клейма на преступнике,
Как на коне тавро,
Два слова нацарапаны:
«Навынос и распивочно».
Чтоб их читать, крестьянина
Мудреной русской грамоте
Не стоит обучать!..

А нам земля осталася...
Ой ты, земля помещичья!

Ты нам не мать, а мачеха
Теперь… «А кто велел? —
Кричат писаки праздные, —
Так вымогать, насиловать
Кормилицу свою!»
А я скажу: – А кто же ждал? —
Ох! эти проповедники!
Кричат: «Довольно барствовать!
Проснись, помещик заспанный!
Вставай! – учись! трудись!..»

Трудись! Кому вы вздумали
Читать такую проповедь.
Я не крестьянин-лапотник —
Я Божиею милостью
Российский дворянин!
Россия – не неметчина,
Нам чувства деликатные,
Нам гордость внушена!
Сословья благородные
У нас труду не учатся.
У нас чиновник плохонький
И тот полов не выметет,

Не станет печь топить…

Скажу я вам не хвастая,
Живу почти безвыездно
В деревне сорок лет,
А от ржаного колоса
Не отличу ячменного,
А мне поют: «Трудись!»

А если и действительно
Свой долг мы ложно поняли
И наше назначение
Не в том, чтоб имя древнее,
Достоинство дворянское
Поддерживать охотою,
Пирами, всякой роскошью
И жить чужим трудом,
Так надо было ранее
Сказать… Чему учился я?
Что видел я вокруг?..
Коптил я небо Божие,
Носил ливрею царскую,
Сорил казну народную

И думал век так жить…
И вдруг… Владыко праведный!..»

Помещик зарыдал…

———

Крестьяне добродушные
Чуть тоже не заплакали,
Подумав про себя:
«Порвалась цепь великая,
Порвалась – расскочилася:
Одним концом по барину,
Другим по мужику!..»

Крестьянка

Пролог

«Не все между мужчинами
Отыскивать счастливого,
Пощупаем-ка баб!» —
Решили наши странники
И стали баб опрашивать.
В селе Наготине
Сказали, как отрезали:

«У нас такой не водится,
А есть в селе Клину:
Корова холмогорская,
Не баба! доброумнее
И глаже – бабы нет.
Спросите вы Корчагину
Матрену Тимофеевну,
Она же: губернаторша...»

Подумали – пошли.

Уж налились колосики.
Стоят столбы точеные,
Головки золоченые,
Задумчиво и ласково
Шумят. Пора чудесная!
Нет веселей, наряднее,
Богаче нет поры!
«Ой поле многохлебное!
Теперь и не подумаешь,
Как много люди Божии
Побились над тобой,
Покамест ты оделося

Тяжелым, ровным колосом
И стало перед пахарем,
Как войско пред царем!
Не столько росы теплые,
Как пот с лица крестьянского
Увлажили тебя!..»

Довольны наши странники,
То рожью, то пшеницею,
То ячменем идут.
Пшеница их не радует:
Ты тем перед крестьянином,
Пшеница, провинилася,
Что кормишь ты по выбору,
Зато не налюбуются
На рожь, что кормит всех.

«Льны тоже нонче знатные...
Ай! бедненькой! застрял!»
Тут жаворонка малого,
Застрявшего во льну,
Роман распутал бережно,
Поцаловал: «Лети!»

И птичка ввысь помчалася,
За нею умиленные
Следили мужики...

Поспел горох! Накинулись,
Как саранча на полосу:
Горох, что девку красную,
Кто ни пройдет – щипнет!
Теперь горох у всякого —
У старого, у малого,
Рассыпался горох
На семьдесят дорог!

Вся овощь огородная
Поспела; дети носятся
Кто с репой, кто с морковкою,
Подсолнечник лущат,
А бабы свеклу дергают,
Такая свекла добрая!
Точь-в-точь сапожки красные,
Лежит на полосе.

Шли долго ли, коротко ли,
Шли близко ли, далёко ли,

Вот наконец и Клин.
Селенье незавидное:
Что ни изба – с подпоркою,
Как нищий с костылем,
А с крыш солома скормлена
Скоту. Стоят, как остовы,
Убогие дома.
Ненастной, поздней осенью
Так смотрят гнезда галочьи,
Когда галчата вылетят
И ветер придорожные
Березы обнажит…
Народ в полях – работает.
Заметив за селением
Усадьбу на пригорочке,
Пошли пока – глядеть.

Огромный дом, широкий двор,
Пруд, ивами обсаженный,
Посереди двора.
Над домом башня высится,
Балконом окруженная,
Над башней шпиль торчит.

В воротах с ними встретился
Лакей, какой-то буркою
Прикрытый: «Вам кого?
Помещик за границею,
А управитель при смерти!..» —
И спину показал.
Крестьяне наши прыснули:
По всей спине дворового
Был нарисован лев.
«Ну, штука!» Долго спорили,
Что за наряд диковинный,
Пока Пахом догадливый
Загадки не решил:
«Холуй хитер: стащит ковер,
В ковре дыру проделает,
В дыру просунет голову
Да и гуляет так!..»

Как прусаки слоняются
По нетопленой горнице,
Когда их вымораживать
Надумает мужик,
В усадьбе той слонялися

Голодные дворовые,
Покинутые барином
На произвол судьбы.
Все старые, все хворые
И как в цыганском таборе
Одеты. По пруду
Тащили бредень пятеро.

«Бог на́ помочь! Как ловится?..»

– Всего один карась!
А было их до пропасти,
Да крепко навалились мы,
Теперь – свищи в кулак!

– Хоть бы пяточек вынули! —
Проговорила бледная
Беременная женщина,
Усердно раздувавшая
Костер на берегу.

«Точеные-то столбики
С балкону, что ли, умница?» —
Спросили мужики.

– С балкону!

«То-то высохли!
А ты не дуй! Сгорят они
Скорее, чем карасиков
Изловят на уху!»

– Жду – не дождусь. Измаялся
На черством хлебе Митенька,
Эх, горе – не житье! —
И тут она погладила
Полунагого мальчика
(Сидел в тазу заржавленном
Курносый мальчуган).

«А что? ему, чай, холодно, —
Сказал сурово Провушка, —
В железном-то тазу?»
И в руки взять ребеночка
Хотел. Дитя заплакало,
А мать кричит: – Не тронь его!
Не видишь? Он катается!
Ну, ну! пошел! Колясочка
Ведь это у него!..

Что шаг, то натыкалися

Крестьяне на диковину:
Особая и странная
Работа всюду шла.
Один дворовый мучился
У двери: ручки медные
Отвинчивал; другой
Нес изразцы какие-то.
«Наковырял, Егорушка?» —
Окликнули с пруда.
В саду ребята яблоню
Качали. – Мало, дяденька!
Теперь они осталися
Уж только наверху,
А было их до пропасти!

«Да что в них проку? зелены!»

– Мы рады и таким!

Бродили долго по́ саду:
«Затей-то! горы, пропасти!
И пруд опять… Чай, лебеди
Гуляли по пруду?..
Беседка… стойте! с надписью!..»

Демьян, крестьянин грамотный,
Читает по складам.
«Эй, врешь!» Хохочут странники…
Опять – и то же самое
Читает им Демьян.
(Насилу догадался,
Что надпись переправлена:
Затерты две-три литеры,
Из слова благородного
Такая вышла дрянь!)

Заметив любознательность
Крестьян, дворовый седенький
К ним с книгой подошел:
– Купите! – Как ни тужился,
Мудреного заглавия
Не одолел Демьян:
«Садись-ка ты помещиком
Под липой на скамеечку
Да сам ее читай!»

– А тоже грамотеями
Считаетесь! – с досадою

Дворовый прошипел. —
На что вам книги умные?
Вам вывески питейные
Да слово «воспрещается»,
Что на столбах встречается,
Достаточно читать!

«Дорожки так загажены,
Что срам! у девок каменных
Отшибены носы!
Пропали фрукты-ягоды,
Пропали гуси-лебеди
У холуя в зобу!
Что церкви без священника,
Угодам без крестьянина,
То саду без помещика! —
Решили мужики. —
Помещик прочно строился,
Такую даль загадывал,
А вот...» (Смеются шестеро,
Седьмой повесил нос.)
Вдруг с вышины откуда-то
Как грянет песня! головы

Задрали мужики:
Вкруг башни по балкончику
Похаживал в подряснике
Какой-то человек
И пел… В вечернем воздухе,
Как колокол серебряный,
Гудел громовый бас…
Гудел – и прямо за сердце
Хватал он наших странников:
Не русские слова,
А горе в них такое же,
Как в русской песне слышалось,
Без берегу, без дна.
Такие звуки плавные,
Рыдающие… «Умница,
Какой мужчина там?» —
Спросил Роман у женщины,
Уже кормившей Митеньку
Горяченькой ухой.

– Певец Ново-Архангельской.
Его из Малороссии
Сманили господа.

Свезти его в Италию
Сулились, да уехали…
А он бы рад-радехонек —
Какая уж Италия? —
Обратно в Конотоп,
Ему здесь делать нечего…
Собаки дом покинули
(Озлилась круто женщина),
Кому здесь дело есть?..
Да у него ни спереди,
Ни сзади… кроме голосу…

«Зато уж голосок!»

– Не то еще услышите,
Как до утра пробудете:
Отсюда версты три
Есть дьякон… тоже с голосом…
Так вот они затеяли
По-своему здороваться
На утренней заре.
На башню как подымется
Да рявкнет наш: «Здо-ро-во ли

Жи-вешь, о-тец И-пат?»
Так стекла затрещат!
А тот ему, оттуда-то:
– Здо-ро-во, наш со-ло-ву-шко!
Жду вод-ку пить! – «И-ду!..»
«Иду»-то это в воздухе
Час целый откликается…
Такие жеребцы!..

Домой скотина гонится,
Дорога запылилася,
Запахло молоком.
Вздохнула мать Митюхина:
– Хоть бы одна коровушка
На барский двор вошла! —
«Чу! песня за деревнею,
Прощай, горю́шка бедная!
Идем встречать народ».

Легко вздохнули странники:
Им после дворни ноющей
Красива показалася
Здоровая, поющая

Толпа жнецов и жниц, —
Все дело девки красили
(Толпа без красных девушек
Что рожь без васильков).

«Путь добрый! А которая
Матрена Тимофеевна?»
– Что нужно, молодцы?

Матрена Тимофеевна
Осанистая женщина,
Широкая и плотная,
Лет тридцати осьми.
Красива; волос с проседью,
Глаза большие, строгие,
Ресницы богатейшие,
Сурова и смугла.
На ней рубаха белая,
Да сарафан коротенький,
Да серп через плечо.

– Что нужно вам, молодчики?

Помалчивали странники,
Покамест бабы прочие

Не поушли вперед,
Потом поклон отвесили:
«Мы люди чужестранные,
У нас забота есть,
Такая ли заботушка,
Что из домов повыжила,
С работой раздружила нас,
Отбила от еды.
Мы мужики степенные,
Из временнообязанных,
Подтянутой губерний,
Пустопорожней волости,
Из смежных деревень:
Несытова, Неелова,
Заплатова, Дырявина,
Горелок, Голодухина —
Неурожайка тож.
Идя путем-дорогою,
Сошлись мы невзначай,
Сошлись мы – и заспорили:
Кому живется счастливо,
Вольготно на Руси?

Роман сказал: помещику,
Демьян сказал: чиновнику,
Лука сказал: попу,
Купчине толстопузому, —
Сказали братья Губины,
Иван и Митродор.
Пахом сказал: светлейшему,
Вельможному боярину,
Министру государеву,
А Пров сказал: царю...
Мужик что бык: втемяшится
В башку какая блажь —
Колом ее оттудова
Не выбьешь! Как ни спорили,
Не согласились мы!
Поспоривши, повздорили,
Повздоривши, подралися,
Подравшися, удумали
Не расходиться врозь,
В домишки не ворочаться,
Не видеться ни с женами,
Ни с малыми ребятами,

Ни с стариками старыми,
Покуда спору нашему
Решенья не найдем,
Покуда не доведаем
Как ни на есть – доподлинно,
Кому жить любо-весело,
Вольготно на Руси?..

Попа уж мы доведали,
Доведали помещика,
Да прямо мы к тебе!
Чем нам искать чиновника,
Купца, министра царского,
Царя (еще допустит ли
Нас, мужичонков, царь?) —
Освободи нас, выручи!
Молва идет всесветная,
Что ты вольготно, счастливо
Живешь... Скажи по-божески:
В чем счастие твое?»

Не то чтоб удивилася
Матрена Тимофеевна,

А как-то закручинилась,
Задумалась она...

– Не дело вы затеяли!
Теперь пора рабочая,
Досуг ли толковать?..

«Полцарства мы промеряли,
Никто нам не отказывал!» —
Просили мужики.

– У нас уж колос сыпется,
Рук не хватает, милые...

«А мы на что, кума?
Давай серпы! Все семеро
Как станем завтра – к вечеру
Всю рожь твою сожнем!»

Смекнула Тимофеевна,
Что дело подходящее.
– Согласна, – говорит, —
Такие-то вы бравые,
Нажнете, не заметите,
Снопов по десяти.

«А ты нам душу выложи!»

– Не скрою ничего!

Покуда Тимофеевна
С хозяйством управлялася,
Крестьяне место знатное
Избрали за избой:
Тут рига, конопляники,
Два стога здоровенные,
Богатый огород.
И дуб тут рос – дубов краса.
Под ним присели странники:
«Эй, скатерь самобраная,
Попотчуй мужиков».

И скатерть развернулася,
Откудова ни взялися
Две дюжие руки,
Ведро вина поставили,
Горой наклали хлебушка
И спрятались опять…
Гогочут братья Губины:
Такую редьку схапали

На огороде – страсть!

Уж звезды рассажалися
По небу темно-синему,
Высоко месяц стал,
Когда пришла хозяюшка
И стала нашим странникам
«Всю душу открывать…»

Глава I
До замужества

– Мне счастье в девках выпало:
У нас была хорошая,
Непьющая семья.
За батюшкой, за матушкой
Как у Христа за пазухой
Жила я, молодцы.
Отец, поднявшись до свету,
Будил дочурку ласкою,
А брат веселой песенкой;
Покамест одевается,
Поет: «Вставай, сестра!

По избам обряжаются,
В часовенках спасаются —
Пора вставать, пора!
Пастух уж со скотиною
Угнался; за малиною
Ушли подружки в бор,
В полях трудятся пахари,
В лесу стучит топор!»
Управится с горшечками,
Все вымоет, все выскребет,
Посадит хлебы в печь —
Идет родная матушка,
Не будит – пуще кутает:
«Спи, милая, касатушка,
Спи, силу запасай!
В чужой семье – недолог сон!
Уложат спать позднехонько,
Придут будить до солнышка,
Лукошко припасут,
На донце бросят корочку:
Сгложи ее – да полное
Лукошко набери!..»

Да не в лесу родилася,
Не пеньям я молилася,
Не много я спала.
В день Симеона батюшка
Сажал меня на бурушку
И вывел из младенчества[3]
По пятому годку,
А на седьмом за бурушкой
Сама я в стадо бегала,
Отцу носила завтракать,
Утяточек пасла.
Потом грибы да ягоды,
Потом: «Бери-ка грабельки
Да сено вороши!»
Так к делу приобыкла я…
И добрая работница,
И петь-плясать охотница
Я смолоду была.
День в поле проработаешь,
Грязна домой воротишься,

---

[3] Примечания: 3
Обычай.

А банька-то на что?

Спасибо жаркой баенке,
Березовому веничку,
Студеному ключу, —
Опять бела, свежехонька,
За прялицей с подружками
До полночи поёшь!

На парней я не вешалась,
Наянов обрывала я,
А тихому шепну:
«Я личиком разгарчива,
А матушка догадлива,
Не тронь! уйди!..» – уйдет…

Да как я их ни бегала,
А выискался суженой,
На горе – чужанин!
Филипп Корчагин – питерщик,
По мастерству печник.
Родительница плакала:
«Как рыбка в море синее
Юркнёшь ты! как соловушко
Из гнездышка порхнешь!
Чужая-то сторонушка
Не сахаром посыпана,
Не медом полита!
Там холодно, там голодно,
Там холеную доченьку
Обвеют ветры буйные,
Обграют черны вороны,
Облают псы косматые
И люди засмеют!..»
А батюшка со сватами
Подвыпил. Закручинилась,
Всю ночь я не спала...

Ах! что ты, парень, в девице

Нашел во мне хорошего?
Где высмотрел меня?
О Святках ли, как с горок я
С ребятами, с подругами
Каталась, смеючись?
Ошибся ты, отецкий сын!
С игры, с катанья, с беганья,
С морозу разгорелося
У девушки лицо!
На тихой ли беседушке?
Я там была нарядная,
Дородства и пригожества
Понакопила за зиму,
Цвела, как маков цвет!
А ты бы поглядел меня,
Как лен треплю, как снопики
На риге молочу…
В дому ли во родительском?..
Ах! кабы знать! Послала бы
Я в город братца-сокола:
«Мил братец! шелку, гарусу
Купи – семи цветов,

Да гарнитуру синего!»
Я по углам бы вышила
Москву, царя с царицею,
Да Киев, да Царьград,
А посередке – солнышко,
И эту занавесочку
В окошке бы повесила,
Авось ты загляделся бы, —
Меня бы промигал!..

Всю ночку я продумала…
«Оставь, – я парню молвила, —
Я в подневолье с волюшки,
Бог видит, не пойду!»

– Такую даль мы ехали!
Иди! – сказал Филиппушка. —
Не стану обижать!

Тужила, горько плакала,
А дело девка делала:
На суженого искоса
Поглядывала втай.
Пригож-румян, широк-могуч,

Рус волосом, тих говором —
Пал на́ сердце Филипп!

«Ты стань-ка, добрый молодец,
Против меня прямехонько,
Стань на одной доске!
Гляди мне в очи ясные,
Гляди в лицо румяное,
Подумывай, смекай:
Чтоб жить со мной – не каяться,
А мне с тобой не плакаться…
Я вся тут такова!»

– Небось не буду каяться,
Небось не будешь плакаться! —
Филиппушка сказал.

Пока мы торговалися,
Филиппу я: «Уйди ты прочь!»
А он: – Иди со мной! —
Известно: – Ненаглядная,
Хорошая… пригожая… —
«Ай!..» – вдруг рванулась я…
– Чего ты? Эка силища! —

Не удержи – не видеть бы
Вовек ему Матренушки,
Да удержал Филипп!
Пока мы торговалися,
Должно быть, так я думаю,
Тогда и было счастьице…
А больше вряд когда!

Я помню, ночка звездная,
Такая же хорошая,
Как и теперь, была…

Вздохнула Тимофеевна,
Ко стогу приклонилася,
Унывным, тихим голосом
Пропела про себя:

«Ты скажи, за что,
Молодой купец,
Полюбил меня,
Дочь крестьянскую?
Я не в серебре,
Я не в золоте,
Жемчугами я

Не увешана!»

– Чисто серебро —
Чистота твоя,
Красно золото —
Красота твоя,
Бел-крупён жемчу́г —
Из очей твоих
Слезы катятся…

Велел родимый батюшка,
Благословила матушка,
Поставили родители
К дубовому столу,
С краями чары налили:
«Бери поднос, гостей-чужан
С поклоном обноси!»
Впервой я поклонилася —
Вздрогну́ли ноги резвые;
Второй я поклонилася —
Поблёкло бело личико;
Я в третий поклонилася,

И волюшка[4] *скатилася*
С девичьей головы…

———

«Так, значит, свадьба? Следует, —
Сказал один из Губиных, —
Поздравить молодых».

«Давай! Начни с хозяюшки».
«Пьешь водку, Тимофеевна?»

– Старухе – да не пить?..

Глава II
Песни

У суда стоять —
Ломит ноженьки,
Под венцом стоять —
Голова болит,
Голова болит,
Вспоминается
Песня старая,

---

[4] Примечания: 4
Во время последней вечеринки, или порученья, с невесты снимают *волю*, т. е. ленту, которую носят девицы до за-мужества.

Песня грозная.
На широкий двор
Гости въехали,
Молоду жену
Муж домой привез,
А роденька-то
Как набросится!
Деверек ее —
Расточихою,
А золовушка —
Щеголихою,
Свекор-батюшка —
Тот медведицей,
А свекровушка —
Людоедицей,
Кто неряхою,
Кто непряхою...

Все, что в песенке
Той певалося,
Все со мной теперь
То и сталося!
Чай, певали вы?

Чай, вы знаете?..

«Начинай, кума!
Нам подхватывать...»

Матрена

Спится мне, младенькой, дремлется,
Клонит голову на подушечку,
Свекор-батюшка по сеничкам похаживает,
Сердитый по новым погуливает.

Странники (хором)

Стучит, гремит, стучит, гремит,
Снохе спать не дает:
Встань, встань, встань, ты – сонливая!
Встань, встань, встань, ты – дремливая!
Сонливая, дремливая, неурядливая!

Матрена

Спится мне, младенькой, дремлется,
Клонит голову на подушечку,

Свекровь-матушка по сеничкам похаживает,
Сердитая по новым погуливает.

Странники (хором)

Стучит, гремит, стучит, гремит,
Снохе спать не дает:
Встань, встань, встань, ты – сонливая!
Встань, встань, встань, ты – дремливая!
Сонливая, дремливая, неурядливая!

———

– Семья была большущая,
Сварливая… попала я
С девичьей холи в ад!
В работу муж отправился,
Молчать, терпеть советовал:
Не плюй на раскаленное
Железо – зашипит!
Осталась я с золовками,
Со свекром, со свекровушкой,
Любить-голубить некому,

А есть кому журить!
На старшую золовушку,
На Марфу богомольную,
Работай, как раба;
За свекором приглядывай,
Сплошаешь – у кабатчика
Пропажу выкупай.
И встань и сядь с приметою,
Не то свекровь обидится;
А где их все-то знать?
Приметы есть хорошие,
А есть и бедокурные.
Случилось так: свекровь
Надула в уши свекору,
Что рожь добрее родится
Из краденых семян.
Поехал ночью Тихоныч,
Поймали, – полумертвого
Подкинули в сарай…

Как велено, так сделано:
Ходила с гневом на сердце,
А лишнего не молвила

Словечка никому.
Зимой пришел Филиппушка,
Привез платочек шелковой
Да прокатил на саночках
В Екатеринин день[5],
И горя словно не было!
Запела, как певала я
В родительском дому.
Мы были однолеточки,
Не трогай нас – нам весело,
Всегда у нас лады.
То правда, что и мужа-то
Такого, как Филиппушка,
Со свечкой поискать…

«Уж будто не колачивал?»

Замялась Тимофеевна:
– Раз только, – тихим голосом
Промолвила она.

«За что?» – спросили странники.

---

[5] Примечания: 5
Первое катание на санях.

– Уж будто вы не знаете,
Как ссоры деревенские
Выходят? К муженьку
Сестра гостить приехала,
У ней коты разбилися.
«Дай башмаки Оленушке,
Жена!» – сказал Филипп.
А я не вдруг ответила.
Корчагу подымала я,
Такая тяга: вымолвить
Я слова не могла.
Филипп Ильич прогневался,
Пождал, пока поставила
Корчагу на шесток,
Да хлоп меня в висок!
«Ну, благо ты приехала,
И так походишь!» – молвила
Другая, незамужняя
Филиппова сестра.

Филипп подбавил женушке.
«Давненько не видались мы,
А знать бы – так не ехать бы!» —

Сказала тут свекровь.

Еще подбавил Филюшка...
И всё тут! Не годилось бы
Жене побои мужнины
Считать; да уж сказала я:
Не скрою ничего!

«Ну, женщины! с такими-то
Змеями подколодными
И мертвый плеть возьмет!»
Хозяйка не ответила.
Крестьяне, ради случаю,
По новой чарке выпили
И хором песню грянули
Про шелковую плеточку,
Про мужнину родню.

———

Мой постылый муж
Подымается:
За шелкову плеть
Принимается.

Хор

Плетка свистнула,
Кровь пробрызнула…
Ах! лёли! лёли!
Кровь пробрызнула…

Свекру-батюшке
Поклонилася:
Свекор-батюшка,
Отними меня
От лиха мужа,
Змея лютого!
Свекор-батюшка
Велит больше бить,
Велит кровь пролить.

Хор

Плетка свистнула,
Кровь пробрызнула…
Ах! лёли! лёли!
Кровь пробрызнула…

Свекровь-матушке
Поклонилася:
Свекровь-матушка,
Отними меня
От лиха мужа,
Змея лютого!
Свекровь-матушка
Велит больше бить,
Велит кровь пролить…

Хор

Плетка свистнула,
Кровь пробрызнула…
Ах! лёли! лёли!
Кровь пробрызнула…

———

– Филипп на Благовещенье
Ушел, а на Казанскую
Я сына родила.
Как писаный был Демушка!
Краса взята у солнышка,
У снегу белизна,

У маку губы алые,
Бровь черная у соболя,
У соболя сибирского,
У сокола глаза!
Весь гнев с души красавец мой
Согнал улыбкой ангельской,
Как солнышко весеннее
Сгоняет снег с полей…
Не стала я тревожиться,
Что ни велят – работаю,
Как ни бранят – молчу.

Да тут беда подсунулась:
Абрам Гордеич Ситников,
Господский управляющий,
Стал крепко докучать:
«Ты писаная кралечка,
Ты наливная ягодка…»
– Отстань, бесстыдник! ягодка,
Да бору не того! —
Укланяла золовушку,
Сама нейду на барщину,
Так в избу прикатит!

В сарае, в риге спрячуся —
Свекровь оттуда вытащит:
«Эй, не шути с огнем!»
– Гони его, родимая,
По шее! – «А не хочешь ты
Солдаткой быть?» Я к дедушке:
«Что делать? Научи!»

Из всей семейки мужниной
Один Савелий, дедушка,
Родитель свекра-батюшки,
Жалел меня… Рассказывать
Про деда, молодцы?

«Вали всю подноготную!
Накинем по два снопика», —
Сказали мужики.

– Ну то-то! речь особая.
Грех промолчать про дедушку,
Счастливец тоже был…

Глава III

Савелий, богатырь святорусский

С большущей сивой гривою,
Чай, двадцать лет не стриженной,
С большущей бородой,
Дед на медведя смахивал,
Особенно как из лесу,
Согнувшись, выходил.

Дугой спина у дедушки.
Сначала все боялась я,
Как в низенькую горенку
Входил он: ну распрямится?
Пробьет дыру медведище
В светелке головой!
Да распрямиться дедушка
Не мог: ему уж стукнуло,
По сказкам, сто годов,
Дед жил в особой горнице,
Семейки недолюбливал,
В свой угол не пускал;
А та сердилась, лаялась,
Его «клейменым, каторжным»
Честил родной сынок.
Савелий не рассердится,
Уйдет в свою светелочку,
Читает святцы, крестится,
Да вдруг и скажет весело:
«Клейменый, да не раб!..»
А крепко досадят ему,
Подшутит: «Поглядите-тко,

К нам сваты!» Незамужняя
Золовушка – к окну:
Ан вместо сватов – нищие!
Из оловянной пуговки
Дед вылепил двугривенный,
Подбросил на полу —
Попался свекор-батюшка!
Не пьяный из питейного —
Побитый приплелся!
Сидят, молчат за ужином:
У свекра бровь рассечена,
У деда, словно радуга,
Усмешка на лице.

С весны до поздней осени
Дед брал грибы да ягоды,
Силóчки становил
На глухарей, на рябчиков.
А зиму разговаривал
На печке сам с собой.
Имел слова любимые,
И выпускал их дедушка
По слову через час.

. . . . . .
«Погибшие… пропащие…»
. . . . . .
«Эх вы, Аники-воины!
Со стариками, с бабами
Вам только воевать!»
. . . . . .
«Недотерпеть – пропасть,
Перетерпеть – пропасть!..»
. . . . . .
«Эх, доля святорусского
Богатыря сермяжного!
Всю жизнь его дерут,
Раздумается временем
О смерти – муки адские
В ту-светной жизни ждут».
. . . . . .
«Надумалась Корёжина,
Наддай! наддай! наддай!..»
. . . . . .
И много! да забыла я…
Как свекор развоюется,

Бежала я к нему.
Запремся. Я работаю,
А Дема, словно яблочко
В вершине старой яблони,
У деда на плече
Сидит румяный, свеженькой…
Вот раз и говорю:
«За что тебя, Савельюшка,
Зовут клейменым, каторжным?»

– Я каторжником был. —
«Ты, дедушка?»
– Я, внученька!
Я в землю немца Фогеля
Христьяна Христианыча
Живого закопал…

«И полно! шутишь, дедушка!»

– Нет, не шучу. Послушай-ка! —
И все мне рассказал.

– Во времена досюльные
Мы были тоже барские,
Да только ни помещиков,

Ни немцев-управителей
Не знали мы тогда.
Не правили мы барщины,
Оброков не платили мы,
А так, когда рассудится,
В три года раз пошлем.

«Да как же так, Савельюшка?»

– А были благодатные
Такие времена.

Недаром есть пословица,
Что нашей-то сторонушки
Три года черт искал.
Кругом леса дремучие,
Кругом болота топкие,
Ни конному проехать к нам,
Ни пешему пройти!
Помещик наш Шалашников
Через тропы звериные
С полком своим – военный был –
К нам доступиться пробовал,
Да лыжи повернул!

К нам земская полиция
Не попадала по́ году, —
Вот были времена!
А нынче – барин под боком,
Дорога скатерть скатертью…
Тьфу! прах ее возьми!..
Нас только и тревожили
Медведи… да с медведями
Справлялись мы легко.
С ножищем да с рогатиной
Я сам страшней сохатого,
По заповедным тропочкам
Иду: «Мой лес!» – кричу.
Раз только испугался я,
Как наступил на сонную
Медведицу в лесу.
И то бежать не бросился,
А так всадил рогатину,
Что словно как на вертеле
Цыпленок – завертелася
И часу не жила!
Спина в то время хрустнула,

Побаливала изредка,
Покуда молод был,
А к старости согнулася.
Не правда ли, Матренушка,
На очеп[6] *я похож?*

«Ты начал, так досказывай!
Ну, жили – не тужили вы,
Что ж дальше, голова?»

– По времени Шалашников
Удумал штуку новую,
Приходит к нам приказ:
«Явиться!» Не явились мы,
Притихли, не шелохнемся
В болотине своей.
Была засу́ха сильная,
Наехала полиция,
Мы дань ей – медом, рыбою!
Наехала опять,
Грозит с конвоем выправить,
Мы – шкурами звериными!

---

[6] Примечания: 6
Деревенский колодец.

А в третий – мы ничем!
Обули лапти старые,
Надели шапки рваные,
Худые армяки —
И тронулась Корёжина!..
Пришли… (В губернском городе
Стоял с полком Шалашников.)
«Оброк!» – Оброку нет!
Хлеба не уродилися,
Снеточки не ловилися… —
«Оброк!» – Оброку нет! —
Не стал и разговаривать:
«Эй, перемена первая!» —
И начал нас пороть.
Туга мошна корёжская!
Да стоек и Шалашников:
Уж языки мешалися,
Мозги уж потрясалися
В головушках – дерет!
Укрепа богатырская,
Не розги!.. Делать нечего!
Кричим: постой, дай срок!

Онучи распороли мы
И барину лобанчиков[7]
Полшапки поднесли.

Утих боец Шалашников!
Такого-то горчайшего
Поднес нам травнику,
Сам выпил с нами, чокнулся
С Корёгой покоренною:
«Ну, благо вы сдались!
А то – вот Бог! – решился я
Содрать с вас шкуру начисто…
На барабан напялил бы
И подарил полку!
Ха-ха, ха-ха! ха-ха! ха-ха!
(Хохочет – рад придумочке.)
Вот был бы барабан!»

Идем домой понурые…
Два старика кряжистые
Смеются… Ай кряжи!
Бумажки сторублевые

---

[7] Примечания: 7
Полуимпериалы.

Домой под подоплекою
Нетронуты несут!
Как уперлись: мы нищие,
Так тем и отбоярились!
Подумал я тогда:
«Ну, ладно ж! черти сивые,
Вперед не доведется вам
Смеяться надо мной!»
И прочим стало совестно,
На церковь побожилися:
«Вперед не посрамимся мы,
Под розгами умрем!»

Понравились помещику
Корёжские лобанчики,
Что год – зовет… дерет…

Отменно драл Шалашников,
А не ахти великие
Доходы получал:
Сдавались люди слабые,
А сильные за вотчину
Стояли хорошо.

Я тоже перетерпливал,
Помалчивал, подумывал:
«Как ни дери, собачий сын,
А все души не вышибешь,
Оставишь что-нибудь!»
Как примет дань Шалашников,
Уйдем – и за заставою
Поделим барыши:
«Что денег-то осталося!
Дурак же ты, Шалашников!»
И тешилась над барином
Корёга в свой черед!
Вот были люди гордые!
А нынче дай затрещину —
Исправнику, помещику
Тащат последний грош!

Зато купцами жили мы…

Подходит лето красное,
Ждем грамоты… Пришла…
А в ней уведомление,
Что господин Шалашников

Под Варною убит.
Жалеть не пожалели мы,
А пала дума на сердце:
«Приходит благоденствию
Крестьянскому конец!»
И точно: небывалое
Наследник средство выдумал:
К нам немца подослал.
Через леса дремучие,
Через болота топкие
Пешком пришел, шельмец!
Один как перст: фуражечка
Да тросточка, а в тросточке
Для уженья снаряд.
И был сначала тихонькой:
«Платите сколько можете».
– Не можем ничего! —
«Я барина уведомлю».
– Уведомь!.. – Тем и кончилось.
Стал жить да поживать;
Питался больше рыбою,
Сидит на речке с удочкой

Да сам себя то по носу,
То по лбу – бац да бац!
Смеялись мы:
– Не любишь ты
Корёжского комарика…
Не любишь, немчура?.. —
Катается по бережку,
Гогочет диким голосом,
Как в бане на полке́…

С ребятами, с девóчками
Сдружился, бродит по лесу…
Недаром он бродил!
«Коли платить не можете,
Работайте!» – А в чем твоя
Работа? – «Окопать
Канавами желательно
Болото…» Окопали мы…
«Теперь рубите лес…»
– Ну, хорошо! – Рубили мы,
А немчура показывал,
Где надобно рубить.
Глядим: выходит просека!

Как просеку прочистили,
К болоту поперечины
Велел по ней возить.
Ну, словом, спохватились мы,
Как уж дорогу сделали,
Что немец нас поймал!

Поехал в город парочкой!
Глядим, везет из города
Коробки, тюфяки;
Откудова ни взялися
У немца босоногого
Детишки и жена.
Повел хлеб-соль с исправником
И с прочей земской властию,
Гостишек полон двор!

И тут настала каторга
Корёжскому крестьянину —
До нитки разорил!

А драл… как сам Шалашников!
Да тот был прост: накинется
Со всей воинской силою,

Подумаешь: убьет!
А деньги сунь – отвалится,
Ни дать ни взять раздувшийся
В собачьем ухе клещ.
У немца – хватка мертвая:
Пока не пустит по миру,
Не отойдя сосет!

«Как вы терпели, дедушка?»

– А потому терпели мы,
Что мы – богатыри.
В том богатырство русское.
Ты думаешь, Матренушка,
Мужик – не богатырь?
И жизнь его не ратная,
И смерть ему не писана
В бою – а богатырь!

Цепями руки кручены,
Железом ноги кованы,
Спина… леса дремучие
Прошли по ней – сломалися.
А грудь? Илья-пророк

По ней гремит-катается
На колеснице огненной…
Все терпит богатырь!

И гнется, да не ломится,
Не ломится, не валится…
Ужли не богатырь?

«Ты шутишь шутки, дедушка! —
Сказала я. – Такого-то
Богатыря могучего,
Чай, мыши заедят!»

– Не знаю я, Матренушка.
Покамест тягу страшную
Поднять-то поднял он,
Да в землю сам ушел по грудь
С натуги! По лицу его
Не слезы – кровь течет!
Не знаю, не придумаю,
Что будет? Богу ведомо!
А про себя скажу:
Как выли вьюги зимние,
Как ныли кости старые,

Лежал я на печи;
Полеживал, подумывал:
Куда ты, сила, делася?
На что ты пригодилася? —
Под розгами, под палками
По мелочам ушла!

«А что же немец, дедушка?»

– А немец, как ни властвовал,
Да наши топоры
Лежали – до поры!

Осьмнадцать лет терпели мы.
Застроил немец фабрику,
Велел колодец рыть.
Вдевятером копали мы,
До полдня поработали,
Позавтракать хотим.
Приходит немец: «Только-то?..»
И начал нас по-своему,
Не торопясь, пилить.
Стояли мы голодные,
А немец нас поругивал

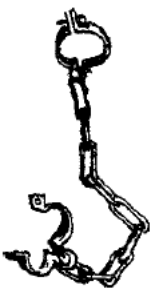
Да в яму землю мокрую
Пошвыривал ногой.
Была уж яма добрая…
Случилось, я легонечко
Толкнул его плечом,
Потом другой толкнул его
И третий… Мы посгрудились…
До ямы два шага…
Мы слова не промолвили,
Друг другу не глядели мы
В глаза… а всей гурьбой
Христьяна Христианыча
Поталкивали бережно
Всё к яме… всё на край…
И немец в яму бухнулся,
Кричит: «Веревку! лестницу!»
Мы девятью лопатами
Ответили ему.
«Наддай!» – я слово выронил, —
Под слово люди русские
Работают дружней.
«Наддай! наддай!» Так на́ддали,

Что ямы словно не было —
Сровнялася с землей!
Тут мы переглянулися…

Остановился дедушка.

«Что ж дальше?»
– Дальше – дрянь!
Кабак… острог в Буй-городе,
Там я учился грамоте,
Пока решили нас.
Решенье вышло: каторга
И плети предварительно;
Не выдрали – помазали,
Плохое там дранье!
Потом… бежал я с каторги…
Поймали! не погладили
И тут по голове.
Заводские начальники
По всей Сибири славятся —
Собаку съели драть.
Да нас дирал Шалашников
Больней – я не поморщился

С заводского дранья.
Тот мастер был – умел пороть!
Он так мне шкуру выделал,
Что носится сто лет.



А жизнь была нелегкая.
Лет двадцать строгой каторги,
Лет двадцать поселения.
Я денег прикопил,
По манифесту царскому
Попал опять на родину,
Пристроил эту горенку
И здесь давно живу.
Покуда были денежки,

Любили деда, холили,
Теперь в глаза плюют!
Эх вы, Аники-воины!
Со стариками, с бабами
Вам только воевать…

Тут кончил речь Савельюшка…

«Ну, что ж? – сказали странники. —
Досказывай, хозяюшка,
Свое житье-бытье!»

– Невесело досказывать.
Одной беды Бог миловал:
Холерой умер Ситников, —
Другая подошла.

«Наддай!» – сказали странники
(Им слово полюбилося)
И выпили винца…

Глава IV
Демушка

– Зажгло грозою дерево,

А было соловьиное
На дереве гнездо.
Горит и стонет дерево,
Горят и стонут птенчики:
«Ой матушка! где ты?
А ты бы нас похолила,
Пока не оперились мы:
Как крылья отрастим,
В долины, в рощи тихие
Мы сами улетим!»

Дотла сгорело дерево,
Дотла сгорели птенчики,
Тут прилетела мать.
Ни дерева… ни гнездышка…
Ни птенчиков!.. Поет-зовет…
Поет, рыдает, кружится,
Так быстро, быстро кружится,
Что крылышки свистят!..
Настала ночь, весь мир затих,
Одна рыдала пташечка,
Да мертвых не докликалась
До белого утра!..

Носила я Демидушку
По поженкам… лелеяла…
Да взъелася свекровь,
Как зыкнула, как рыкнула:
«Оставь его у дедушки,
Не много с ним нажнешь!»
Запугана, заругана,
Перечить не посмела я,
Оставила дитя.

Такая рожь богатая
В тот год у нас родилася,
Мы землю не ленясь
Удобрили, ухолили, —
Трудненько было пахарю,
Да весело жнее!
Снопами нагружала я
Телегу со стропилами
И пела, молодцы.
(Телега нагружается
Всегда с веселой песнею,
А сани с горькой думою:
Телега хлеб домой везет,

А сани – на базар!)
Вдруг стоны я услышала:
Ползком ползет Савелий-дед,
Бледнешенек как смерть:
«Прости, прости, Матренушка! —
И повалился в ноженьки. —
Мой грех – недоглядел!..»

Ой ласточка! ой глупая!

Не вей гнезда под берегом,
Под берегом крутым!
Что день – то прибавляется
Вода в реке: зальет она
Детенышей твоих.
Ой бедная молодушка!
Сноха в дому последняя,
Последняя раба!
Стерпи грозу великую,
Прими побои лишние,
А с глазу неразумного
Младенца не спускай!..

Заснул старик на солнышке,
Скормил свиньям Демидушку
Придурковатый дед!..
Я клубышком каталася,
Я червышком свивалася,
Звала, будила Демушку —
Да поздно было звать!..

Чу! конь стучит копытами,
Чу, сбруя золоченая

Звенит... еще беда!

Ребята испугалися,
По избам разбежалися,
У окон заметалися
Старухи, старики.
Бежит деревней староста,
Стучит в окошки палочкой,
Бежит в поля, в луга.
Собрал народ: идут – кряхтят!
Беда! Господь прогневался,
Наслал гостей непрошеных,
Неправедных судей!
Знать, деньги издержалися,
Сапожки притоптался,
Знать, голод разобрал!..

Молитвы Иисусовой
Не сотворив, уселися
У земского стола,
Налой и крест поставили,
Привел наш поп, отец Иван,
К присяге понятых.

Допрашивали дедушку,
Потом за мной десятника
Прислали. Становой
По горнице похаживал,
Как зверь в лесу порыкивал…
«Эй! женка! состояла ты
С крестьянином Савелием
В сожительстве? Винись!»
Я шепотком ответила:
– Обидно, барин, шутите!
Жена я мужу честная,
А старику Савелию
Сто лет… Чай, знаешь сам? —
Как в стойле конь подкованный,
Затопал; о кленовый стол
Ударил кулаком:
«Молчать! Не по согласью ли
С крестьянином Савелием
Убила ты дитя?..»
Владычица! что вздумали!
Чуть мироеда этого
Не назвала я нехристем,

Вся закипела я…
Да лекаря увидела:
Ножи, ланцеты, ножницы
Натачивал он тут.
Вздрогнула я, одумалась.
– Нет, – говорю, – я Демушку
Любила, берегла… —
«А зельем не поила ты?
А мышьяку не сыпала?»
– Нет! сохрани Господь!.. —
И тут я покорилася,
Я в ноги поклонилася:
– Будь жалостлив, будь добр!
Вели без поругания
Честному погребению
Ребеночка предать!
Я мать ему!.. – Упросишь ли?
В груди у них нет душеньки,
В глазах у них нет совести,
На шее – нет креста!

Из тонкой из пеленочки
Повыкатали Демушку

И стали тело белое
Терзать и пластовать.
Тут свету я невзвидела, —
Металась и кричала я:
– Злодеи! палачи!..
Падите мои слезоньки
Не на землю, не на воду,
Не на Господень храм!
Падите прямо на сердце
Злодею моему!
Ты дай же, Боже Господи!
Чтоб тлен пришел на платьице,
Безумье на головушку
Злодея моего!
Жену ему неумную
Пошли, детей – юродивых!
Прими, услыши, Господи,
Молитвы, слезы матери,
Злодея накажи!..[8] —
«Никак она помешана? —

---

[8] Примечания: 8
Взято почти буквально из народного причитанья.

Сказал начальник сотскому. —
Что ж ты не упредил?
Эй! не дури! связать велю!..»

Присела я на лавочку.
Ослабла, вся дрожу.
Дрожу, гляжу на лекаря:
Рукавчики засучены,
Грудь фартуком завешена,
В одной руке – широкий нож,
В другой ручник – и кровь на нем,
А на носу очки!
Так тихо стало в горнице…
Начальничек помалчивал,
Поскрипывал пером,
Поп трубочкой попыхивал,
Не шелохнувшись, хмурые
Стояли мужики.
– Ножом в сердцах читаете, —
Сказал священник лекарю,
Когда злодей у Демушки
Сердечко распластал.
Тут я опять рванулася…

«Ну так и есть – помешана!
Связать ее!» – десятнику
Начальник закричал.
Стал понятых опрашивать:
«В крестьянке Тимофеевой
И прежде помешательство
Вы примечали?»
– Нет!

Спросили свекра, деверя,
Свекровушку, золовушку:

– Не примечали, нет!

Спросили деда старого:

– Не примечал! ровна была…
Одно: к начальству кликнули,
Пошла… а ни целковика,
Ни новины, пропащая,
С собой и не взяла!

Заплакал на́взрыд дедушка.
Начальничек нахмурился,
Ни слова не сказал.
И тут я спохватилася!

Прогневался Бог: разуму
Лишил! была готовая
В коробке новина!
Да поздно было каяться.
В моих глазах по косточкам
Изрезал лекарь Демушку,
Циновочкой прикрыл.
Я словно деревянная
Вдруг стала: загляделась я,
Как лекарь руки мыл,
Как водку пил. Священнику
Сказал: «Прошу покорнейше!»
А поп ему: – Что просите?
Без прутика, без кнутика
Все ходим, люди грешные,
На этот водопой!

Крестьяне настоялися,
Крестьяне надрожалися.
(Откуда только бралися
У коршуна налетного
Корыстные дела!)
Без церкви намолилися,

Без образа накланялись!
Как вихорь налетел —
Рвал бороды начальничек,
Как лютый зверь наскакивал —
Ломал перстни злаченые…
Потом он кушать стал.
Пил-ел, с попом беседовал,
Я слышала, как шепотом
Поп плакался ему:
– У нас народ – всё голь да пьянь,
За свадебку, за исповедь
Должают по годам.
Несут гроши последние
В кабак! А благочинному
Одни грехи тащат! —
Потом я песни слышала,
Всё голоса знакомые,
Девичьи голоса:
Наташа, Глаша, Дарьюшка…
Чу, пляска! чу! гармония!..
И вдруг затихло все…
Заснула, видно, что ли, я?..

Легко вдруг стало: чудилось,
Что кто-то наклоняется
И шепчет надо мной:
«Усни, многокручинная!
Усни, многострадальная!»
И крестит… С рук скатилися
Веревки… Я не помнила
Потом уж ничего…

Очнулась я. Темно кругом,
Гляжу в окно – глухая ночь!
Да где же я? да что со мной?
Не помню, хоть убей!
Я выбралась на улицу —
Пуста. На небо глянула —
Ни месяца, ни звезд.
Сплошная туча черная
Висела над деревнею,
Темны дома крестьянские,
Одна пристройка дедова
Сияла, как чертог.
Вошла – и все я вспомнила:
Свечами воску ярого

Обставлен, среди горенки
Дубовый стол стоял,
На нем гробочек крохотный,
Прикрыт камчатной скатертью,
Икона в головах…
«Ой плотнички-работнички!
Какой вы дом построили
Сыночку моему?

Окошки не прорублены,
Стеколышки не вставлены,
Ни печи, ни скамьи!
Пуховой нет перинушки…
Ой, жестко будет Демушке,
Ой, страшно будет спать!..»
«Уйди!..» – вдруг закричала я.
Увидела я дедушку:
В очках, с раскрытой книгою
Стоял он перед гробиком,
Над Демою читал.
Я старика столетнего
Звала клейменым, каторжным,
Гневна, грозна, кричала я:

«Уйди! убил ты Демушку!
Будь проклят ты… уйди!..»

Старик ни с места. Крестится,
Читает… Уходилась я,
Тут дедко подошел:
– Зимой тебе, Матренушка,
Я жизнь мою рассказывал,
Да рассказал не всё:
Леса у нас угрюмые,
Озера нелюдимые,
Народ у нас дикарь.
Суровы наши промыслы:
Дави тетерю петлею,
Медведя режь рогатиной,
Сплошаешь – сам пропал!
А господин Шалашников
С своей воинской силою?
А немец-душегуб?
Потом острог да каторга…
Окаменел я, внученька,
Лютее зверя был.
Сто лет зима бессменная

Стояла. Растопил ее
Твой Дема-богатырь!
Однажды я качал его,
Вдруг улыбнулся Демушка…
И я ему в ответ!

Со мною чудо сталося:
Третьеводни прицелился
Я в белку: на суку
Качалась белка… лапочкой,
Как кошка, умывалася…
Не выпалил: живи!
Брожу по рощам, по́ лугу,
Любуюсь каждым цветиком.
Иду домой, опять
Смеюсь, играю с Демушкой…
Бог видит, как я милого
Младенца полюбил!
И я же, по грехам моим,
Сгубил дитя невинное…
Кори, казни меня!
А с Богом спорить нечего.
Стань! помолись за Демушку!
Бог знает, что творит:
Сладка ли жизнь крестьянина?

И долго, долго дедушка
О горькой доле пахаря
С тоскою говорил…

Случись купцы московские,
Вельможи государевы,
Сам царь случись: не надо бы
Ладнее говорить!

– Теперь в раю твой Демушка,
Легко ему, светло ему…

Заплакал старый дед.

«Я не ропщу, – сказала я, —
Что Бог прибрал младенчика,
А больно то, зачем они
Ругалися над ним?
Зачем, как черны вороны,
На части тело белое
Терзали?.. Неужли
Ни Бог, ни царь не вступится?..»

– Высоко Бог, далёко царь…

«Нужды нет: я дойду!»

– Ах! что ты? что ты, внученька?..
Терпи, многокручинная!
Терпи, многострадальная!

Нам правды не найти.

«Да почему же, дедушка?»

– Ты – крепостная женщина! —
Савельюшка сказал.

Я долго, горько думала…
Гром грянул, окна дрогнули,
И я вздрогнула… К гробику
Подвел меня старик:
– Молись, чтоб к лику ангелов
Господь причислил Демушку! —
И дал мне в руки дедушка
Горящую свечу.

Всю ночь до свету белого
Молилась я, а дедушка
Протяжным ровным голосом
Над Демою читал…

Глава V
Волчица

Уж двадцать лет, как Демушка

Дерновым одеялечком
Прикрыт, – все жаль сердечного!
Молюсь о нем, в рот яблока
До Спаса не беру[9].

Не скоро я оправилась.
Ни с кем не говорила я,
А старика Савелия
Я видеть не могла.
Работать не работала.
Надумал свекор-батюшка
Вожжами поучить,
Так я ему ответила:
«Убей!» Я в ноги кланялась:
«Убей! один конец!»
Повесил вожжи батюшка.
На Деминой могилочке
Я день и ночь жила.
Платочком обметала я
Могилу, чтобы травушкой

---

[9] Примечания: 9

Примета: если мать умершего младенца станет есть яблоки до Спаса (когда они поспевают), то Бог, в наказание, не даст на том свете ее умершему младенцу «яблочка поиграть».

Скорее поросла,
Молилась за покойничка,
Тужила по родителям:
Забыли дочь свою!
Собак моих боитеся?
Семьи моей стыдитеся?
«Ах, нет, родная, нет!
Собак твоих не боязно,
Семьи твоей не совестно,
А ехать сорок верст
Свои беды рассказывать,
Твои беды выспрашивать —
Жаль бурушку гонять!
Давно бы мы приехали,
Да ту мы думу думали:
Приедем – ты расплачешься,
Уедем – заревешь!»

Пришла зима: кручиною
Я с мужем поделилася,
В Савельевой пристроечке
Тужили мы вдвоем.

«Что ж, умер, что ли, дедушка?»

– Нет. Он в своей каморочке
Шесть дней лежал безвыходно,
Потом ушел в леса,
Так пел, так плакал дедушка,
Что лес стонал! А осенью
Ушел на покаяние
В Песочный монастырь.

У батюшки, у матушки
С Филиппом побывала я,
За дело принялась.
Три года, так считаю я,
Неделя за неделею,
Одним порядком шли,
Что год, то дети: некогда
Ни думать, ни печалиться,
Дай Бог с работой справиться
Да лоб перекрестить.
Поешь – когда останется
От старших да от деточек,
Уснешь – когда больна…

А на четвертый новое
Подкралось горе лютое —
К кому оно привяжется,
До смерти не избыть!

Впереди летит – ясным соколом,
Позади летит – черным вороном,
Впереди летит – не укатится,
Позади летит – не останется…

Лишилась я родителей…
Слыхали ночи темные,
Слыхали ветры буйные
Сиротскую печаль,
А вам нет нужды сказывать…
На Демину могилочку
Поплакать я пошла.

Гляжу: могилка прибрана.
На деревянном крестике
Складная золоченая
Икона. Перед ней
Я старца распростертого
Увидела. «Савельюшка!

Откуда ты взялся?»

– Пришел я из Песочного…
Молюсь за Дему бедного,
За все страдное русское
Крестьянство я молюсь!
Еще молюсь (не образу
Теперь Савелий кланялся),
Чтоб сердце гневной матери
Смягчил Господь… Прости!

«Давно простила, дедушка!»

Вздохнул Савелий… – Внученька!
А внученька! – «Что, дедушка?»
– По-прежнему взгляни! —
Взглянула я по-прежнему.
Савельюшка засматривал
Мне в очи; спину старую
Пытался разогнуть.
Совсем стал белый дедушка.
Я обняла старинушку,
И долго у креста
Сидели мы и плакали.

Я деду горе новое
Поведала свое...

Недолго прожил дедушка.
По осени у старого
Какая-то глубокая
На шее рана сделалась,
Он трудно умирал:
Сто дней не ел; хирел да сох,
Сам над собой подтрунивал:
– Не правда ли, Матренушка,
На комара корёжского
Костлявый я похож? —
То добрый был, сговорчивый,
То злился, привередничал,
Пугал нас: – Не паши,
Не сей, крестьянин! Сгорбившись
За пряжей, за полотнами,
Крестьянка, не сиди!
Как вы ни бейтесь, глупые,
Что на роду написано,
Того не миновать!
Мужчинам три дороженьки:

Кабак, острог да каторга,
А бабам на Руси
Три петли: шелку белого,
Вторая – шелку красного,
А третья – шелку черного,
Любую выбирай!..
В любую полезай... —
Так засмеялся дедушка,
Что все в каморке вздрогнули, —
И к ночи умер он.
Как приказал – исполнили:
Зарыли рядом с Демою...
Он жил сто семь годов.

———

Четыре года тихие,
Как близнецы похожие,
Прошли потом... Всему
Я покорилась: первая
С постели Тимофеевна,
Последняя – в постель;
За всех, про всех работаю, —
С свекрови, свекра пьяного,

С золовушки бракованной[10]
Снимаю сапоги…

Лишь деточек не трогайте!
За них горой стояла я…
Случилось, молодцы,
Зашла к нам богомолочка;
Сладкоречивой странницы
Заслушивались мы;
Спасаться, жить по-божески
Учила нас угодница,
По праздникам к заутрене
Будила… а потом
Потребовала странница,
Чтоб грудью не кормили мы
Детей по постным дням.
Село переполошилось!
Голодные младенчики
По середам, по пятницам
Кричат! Иная мать
Сама над сыном плачущим

---

[10] Примечания: 10
Если младшая сестра выйдет замуж ранее старшей, то первая называется бракованной.

Слезами заливается:
И Бога-то ей боязно,
И дитятка-то жаль!
Я только не послушалась,
Судила я по-своему:
Коли терпеть, так матери,
Я перед Богом грешница,
А не дитя мое!

Да, видно, Бог прогневался.
Как восемь лет исполнилось
Сыночку моему,
В подпаски свекор сдал его.
Однажды жду Федотушку —
Скотина уж пригналася,
На улицу иду.
Там видимо-невидимо
Народу! Я прислушалась
И бросилась в толпу.
Гляжу, Федота бледного
Силантий держит за ухо.
«Что держишь ты его?»
– Посечь хотим маненичко:

Овечками прикармливать
Надумал он волков! —
Я вырвала Федотушку
Да с ног Силантья-старосту
И сбила невзначай.

Случилось дело дивное:
Пастух ушел; Федотушка
При стаде был один.
«Сижу я, – так рассказывал
Сынок мой, – на пригорочке,
Откуда ни возьмись —
Волчица преогромная
И хвать овечку Марьину!
Пустился я за ней,
Кричу, кнутищем хлопаю,
Свищу, Валетку уськаю…
Я бегать молодец,
Да где бы окаянную
Нагнать, кабы не щенная:
У ней сосцы волочились,
Кровавым следом, матушка,
За нею я гнался!

Пошла потише серая,
Идет, идет – оглянется,
А я как припущу!
И села… Я кнутом ее:
«Отдай овцу, проклятая!»
Не отдает, сидит…
Я не сробел: «Так вырву же,
Хоть умереть!..» И бросился,
И вырвал… Ничего —
Не укусила серая!
Сама едва живехонька,
Зубами только щелкает
Да дышит тяжело.
Под ней река кровавая,
Сосцы травой изрезаны,
Все ребра на счету,
Глядит, поднявши голову,
Мне в очи… и завыла вдруг!
Завыла, как заплакала.
Пощупал я овцу:
Овца была уж мертвая…
Волчица так ли жалобно

Глядела, выла… Матушка!
Я бросил ей овцу!..»

Так вот что с парнем сталося.
Пришел в село да, глупенький,
Все сам и рассказал,
За то и сечь надумали.
Да благо подоспела я…
Силантий осерчал,
Кричит: – Чего толкаешься?
Самой под розги хочется? —
А Марья, та свое:
«Дай, пусть проучат глупого!» —
И рвет из рук Федотушку.
Федот как лист дрожит.

Трубят рога охотничьи,
Помещик возвращается
С охоты. Я к нему:
«Не выдай! Будь заступником!»
– В чем дело? – кликнул старосту
И мигом порешил:
– Подпаска малолетнего

По младости, по глупости
Простить… а бабу дерзкую
Примерно наказать! —
«Ай барин!» Я подпрыгнула:
«Освободил Федотушку!
Иди домой, Федот!»

– Исполним повеленное! —
Сказал мирянам староста. —
Эй! погоди плясать!

Соседка тут подсунулась.
«А ты бы в ноги старосте…»

«Иди домой, Федот!»

Я мальчика погладила:
«Смотри, коли оглянешься,
Я осержусь… Иди!»

Из песни слово выкинуть,
Так песня вся нарушится.
Легла я, молодцы…
. . . . . .
В Федотову каморочку,
Как кошка, я прокралася:

Спит мальчик, бредит, мечется;
Одна ручонка свесилась,
Другая на глазу
Лежит, в кулак зажатая:
«Ты плакал, что ли, бедненький?
Спи. Ничего. Я тут!»
Тужила я по Демушке,
Как им была беременна, —
Слабенек родился,
Однако вышел умница:
На фабрике Алферова
Трубу такую вывели
С родителем, что страсть!
Всю ночь над ним сидела я,
Я пастушка любезного
До солнца подняла,
Сама обула в лапотки,
Перекрестила; шапочку,
Рожок и кнут дала.
Проснулась вся семеюшка,
Да я не показалась ей,
На пожню не пошла.

Я пошла на речку быструю,
Избрала я место тихое
У ракитова куста.
Села я на серый камушек,
Подперла рукой головушку,
Зарыдала, сирота!

Громко я звала родителя:
Ты приди, заступник батюшка!
Посмотри на дочь любимую…
Понапрасну я звала.
Нет великой оборонушки!
Рано гостья бесподсудная,
Бесплемянная, безродная,
Смерть родного унесла!

Громко кликала я матушку.
Отзывались ветры буйные,
Откликались горы дальние,
А родная не пришла!
День денна моя печальница,
В ночь – ночная богомольница!
Никогда тебя, желанная,

Не увижу я теперь!
Ты ушла в бесповоротную,
Незнакомую дороженьку,
Куда ветер не доносится,
Не дорыскивает зверь…

Нет великой оборонушки!
Кабы знали вы да ведали,
На кого вы дочь покинули,
Что без вас я выношу?
Ночь – слезами обливаюся…
День – как травка пристилаюся…
Я потупленную голову,
Сердце гневное ношу!..

Глава VI
Трудный год

В тот год необычайная
Звезда играла на небе;
Одни судили так:
Господь по небу шествует,
И ангелы его

Метут метлою огненной[11]
Перед стопами Божьими
В небесном поле путь;
Другие то же думали,
Да только на Антихриста
И чуяли беду.
Сбылось: пришла бесхлебица!
Брат брату не уламывал
Куска! Был страшный год…
Волчицу ту Федотову
Я вспомнила – голодную,
Похожа с ребятишками
Я на нее была!
Да тут еще свекровушка
Приметой прислужилася,
Соседкам наплела,
Что я беду накликала,
А чем? Рубаху чистую
Надела в Рождество[12].

---

[11] Примечания: 11
Комета.

[12] Примечания: 12
Примета: не надевай чистую рубаху в Рождество, не то жди неурожая. (Есть у Даля.)

За мужем, за заступником,
Я дешево отделалась;
А женщину одну
Никак за то же самое
Убили насмерть кольями.
С голодным не шути!..

Одной бедой не кончилось:
Чуть справились с бесхлебицей —
Рекрутчина пришла.
Да я не беспокоилась:
Уж за семью Филиппову
В солдаты брат ушел.
Сижу одна, работаю,
И муж и оба деверя
Уехали с утра;
На сходку свекор-батюшка
Отправился, а женщины
К соседкам разбрелись.
Мне крепко нездоровилось,
Была я Лиодорушкой
Беременна: последние
Дохаживала дни.

Управившись с ребятами,
В большой избе под шубою
На печку я легла.
Вернулись бабы к вечеру,
Нет только свекра-батюшки,
Ждут ужинать его.
Пришел: «Ох-ох! умаялся,
А дело не поправилось,
Пропали мы, жена!
Где видано, где слыхано:
Давно ли взяли старшего,
Теперь меньшого дай!
Я по годам высчитывал,
Я миру в ноги кланялся,
Да мир у нас какой?
Просил бурмистра: бóжится,
Что жаль, да делать нечего!
И писаря просил,
Да правды из мошейника
И топором не вырубишь,
Что тени из стены!
Задарен... все задарены...

Сказать бы губернатору,
Так он бы задал им!
Всего и попросить-то бы,
Чтоб он по нашей волости
Очередные росписи
Проверить повелел.
Да сунься-ка!» Заплакали
Свекровушка, золовушка,
А я… То было холодно,
Теперь огнем горю!
Горю… Бог весть что думаю…
Не дума… бред… Голодные
Стоят сиротки-деточки
Передо мной… Неласково
Глядит на них семья,
Они в дому шумливые,
На улице драчливые,
Обжоры за столом…

И стали их пощипывать,
В головку поколачивать…
Молчи, солдатка-мать!
. . . . . .

Теперь уж я не дольщица
Участку деревенскому,
Хоромному строеньицу,
Одеже и скоту.
Теперь одно богачество:
Три озера наплакано
Горючих слез, засеяно
Три полосы бедой!
. . . . . .
Теперь, как виноватая,
Стою перед соседями:
Простите! я была
Спесива, непоклончива,
Не чаяла я, глупая,
Остаться сиротой...
Простите, люди добрые,
Учите уму-разуму,
Как жить самой? Как деточек
Поить, кормить, растить?..
. . . . . .
Послала деток по миру:
Просите, детки, ласкою,

Не смейте воровать!
А дети в слезы: «Холодно!
На нас одежа рваная,
С крылечка на крылечко-то
Устанем мы ступать,
Под окнами натопчемся,
Иззябнем... У богатого
Нам боязно просить.
«Бог даст!» – ответят бедные...
Ни с чем домой воротимся —
Ты станешь нас бранить!..»
. . . . . .
Собрала ужин; матушку
Зову, золовок, деверя,
Сама стою голодная
У двери, как раба.
Свекровь кричит: «Лукавая!
В постель скорей торопишься?»
А деверь говорит:
«Немного ты работала!
Весь день за деревиночкой
Стояла: дожидалася,

Как солнышко зайдет!»

. . . . . .

Получше нарядилась я,
Пошла я в церковь Божию,
Смех слышу за собой!

. . . . . .

Хорошо не одевайся,
Добела не умывайся,
У соседок очи зорки,
Востры языки!
Ходи улицей потише,
Носи голову пониже,
Коли весело – не смейся,
Не поплачь с тоски!

. . . . . .

Пришла зима бессменная,
Поля, луга зеленые
Попрятались под снег.
На белом, снежном саване
Ни талой нет талиночки —
Нет у солдатки-матери
Во всем миру дружка!

С кем думушку подумати?
С кем словом перемолвиться?
Как справиться с убожеством?
Куда обиду сбыть?
В леса – леса повяли бы,
В луга – луга сгорели бы!
Во быструю реку?
Вода бы остоялася!
Носи, солдатка бедная,
С собой ее по гроб!
. . . . . .
Нет мужа, нет заступника!
Чу, барабан! Солдатики
Идут… Остановилися…
Построились в ряды.
«Живей!» Филиппа вывели
На середину площади:
«Эй! перемена первая!» —
Шалашников кричит.
Упал Филипп: – Помилуйте! —
«А ты попробуй! слюбится!
Ха-ха! ха-ха! ха-ха! ха-ха!

Укрепа богатырская,
Не розги у меня!..»

И тут я с печи спрыгнула,
Обулась. Долго слушала, —
Все тихо, спит семья!
Чуть-чуть я дверью скрипнула
И вышла. Ночь морозная…
Из Домниной избы,
Где парни деревенские
И девки собирался,
Гремела песня складная,
Любимая моя…

На горе стоит елочка,
Под горою светелочка,
Во светелочке Машенька.
Приходил к ней батюшка,
Будил ее, побуживал:
Ты, Машенька, пойдем домой!
Ты, Ефимовна, пойдем домой!
Я нейду и не слушаю:
Ночь темна и немесячна,

Реки быстры, перевозов нет,
Леса тёмны, караулов нет...
На горе стоит елочка,
Под горою светелочка,
Во светелочке Машенька.
Приходила к ней матушка,
Будила, побуживала:
Машенька, пойдем домой!

Ефимовна, пойдем домой!
Я нейду и не слушаю:
Ночь темна и немесячна,
Реки быстры, перевозов нет,
Леса тёмны, караулов нет...
На горе стоит елочка,
Под горою светелочка,
Во светелочке Машенька.
Приходил к ней Петр,
Петр сударь Петрович,
Будил ее, побуживал:
Машенька, пойдем домой!
Душа Ефимовна, пойдем домой!
Я иду, сударь, и слушаю:

Ночь светла и месячна,
Реки тихи, перевозы есть,
Леса тёмны, караулы есть.

Глава VII
Губернаторша

Почти бегом бежала я
Через деревню, – чудилось,
Что с песней парни гонятся
И девицы за мной.
За Клином огляделась я:
Равнина белоснежная,
Да небо с ясным месяцем,
Да я, да тень моя…
Не жутко и не боязно
Вдруг стало, – словно радостью
Так и взмывало грудь…
Спасибо ветру зимнему!
Он, как водой студеною,
Больную напоил:
Обвеял буйну голову,

Рассеял думы черные,
Рассудок воротил.
Упала на колени я:
«Открой мне, Матерь Божия,
Чем Бога прогневила я?
Владычица! во мне
Нет косточки неломаной,
Нет жилочки нетянутой,
Кровинки нет непорченой, —
Терплю и не ропщу!
Всю силу, Богом данную,
В работу полагаю я,
Всю в деточек любовь!
Ты видишь все, Владычица,
Ты можешь все, Заступница!
Спаси рабу свою!..»

Молиться в ночь морозную
Под звездным небом Божиим
Люблю я с той поры.
Беда пристигнет – вспомните
И женам посоветуйте:
Усердней не помолишься

Нигде и никогда.
Чем больше я молилася,
Тем легче становилося,
И силы прибавлялося,
Чем чаще я касалася
До белой, снежной скатерти
Горящей головой…

Потом – в дорогу тронулась,
Знакомая дороженька!
Езжала я по ней.
Поедешь ранним вечером,
Так утром вместе с солнышком
Поспеешь на базар.
Всю ночь я шла, не встретила
Живой души, под городом
Обозы начались.
Высокие, высокие
Возы сенца крестьянского,
Жалела я коней:
Свои кормы законные
Везут с двора, сердечные,
Чтоб после голодать.

И так-то все, я думала:
Рабочий конь солому ест,
А пустопляс – овес!
Нужда с кулем тащилася, —
Мучица, чай, не лишняя,
Да подати не ждут!
С посада подгородного
Торговцы-колотырники
Бежали к мужикам;
Божба, обман, ругательство!

Ударили к заутрене,
Как в город я вошла.
Ищу соборной площади.
Я знала: губернаторский
Дворец на площади.
Темна, пуста площадочка,
Перед дворцом начальника
Шагает часовой.

«Скажи, служивый, рано ли
Начальник просыпается?»
– Не знаю. Ты иди!

Нам говорить не велено!
(Дала ему двугривенный.)
На то у губернатора
Особый есть швейцар. —
«А где он? как назвать его?»
– Макаром Федосеичем…
На лестницу поди! —
Пошла, да двери заперты,
Присела я, задумалась,
Уж начало светать.
Пришел фонарщик с лестницей,
Два тусклые фонарика
На площади задул.

– Эй! что ты тут расселася?

Вскочила, испугалась я:
В дверях стоял в халатике
Плешивый человек.
Скоренько я целковенькой
Макару Федосеичу
С поклоном подала:

«Такая есть великая
Нужда до губернатора,
Хоть умереть – дойти!»

– Пускать-то вас не велено,
Да… ничего!.. толкнись-ка ты
Так… через два часа…

Ушла. Бреду тихохонько…
Стоит из меди кованный,
Точь-в-точь Савелий-дедушка,
Мужик на площади.
«Чей памятник?» – Сусанина. —
Я перед ним помешкала,
На рынок побрела.
Там крепко испугалась я,
Чего? Вы не поверите,
Коли сказать теперь:
У поваренка вырвался
Матерый серый селезень,
Стал парень догонять его,
А он как закричит!
Такой был крик, что за душу

Хватил – чуть не упала я,
Так под ножом кричат!
Поймали! шею вытянул
И зашипел с угрозою,
Как будто думал повара,
Бедняга, испугать.
Я прочь бежала, думала:
Утихнет серый селезень
Под поварским ножом!

Теперь дворец начальника
С балконом, с башней, с лестницей,
Ковром богатым устланной,
Весь стал передо мной.
На окна поглядела я:
Завешаны. «В котором-то
Твоя опочиваленка?
Ты сладко ль спишь, желанный мой,
Какие видишь сны?..»

Сторонкой, не по коврику,
Прокралась я в швейцарскую.

– Раненько ты, кума!

Опять я испугалася,
Макара Федосеича
Я не узнала: выбрился,
Надел ливрею шитую,
Взял в руки булаву,
Как не бывало лысины.
Смеется: – Что ты вздрогнула? —
«Устала я, родной!»

– А ты не трусь! Бог милостив!
Ты дай еще целковенькой,
Увидишь – удружу!

Дала еще целковенькой.
– Пойдем в мою каморочку,
Попьешь пока чайку!

Каморочка под лестницей:
Кровать да печь железная,
Шандал да самовар.
В углу лампадка теплится,
А по стене картиночки.
– Вот он! – сказал Макар. —
Его превосходительство! —

И щелкнул пальцем бравого
Военного в звездах.

«Да добрый ли?» – спросила я.

– Как стих найдет! Сегодня вот
Я тоже добр, а временем,
Как пес, бываю зол.

«Скучаешь, видно, дяденька?»
– Нет, тут статья особая,
Не скука тут – война!
И сам, и люди вечером
Уйдут, а к Федосеичу
В каморку враг: поборемся!
Борюсь я десять лет.
Как выпьешь рюмку лишнюю,
Махорки как накуришься,
Как эта печь накалится
Да свечка нагорит —
Так тут устой!.. —
Я вспомнила
Про богатырство дедово:
«Ты, дядюшка, – сказала я, —

Должно быть, богатырь».

– Не богатырь я, милая,
А силой тот не хвастайся,
Кто сна не поборал!

В каморку постучалися,
Макар ушел… Сидела я,
Ждала, ждала, соскучилась,
Приотворила дверь.
К крыльцу карету подали.
«Сам едет?» – Губернаторша! —
Ответил мне Макар
И бросился на лестницу.
По лестнице спускалася
В собольей шубе барыня,
Чиновничек при ней.

Не знала я, что делала
(Да, видно, надоумила
Владычица!)… Как брошусь я
Ей в ноги: «Заступись!
Обманом, не по-божески
Кормильца и родителя

У деточек берут!»

– Откуда ты, голубушка?

Впопад ли я ответила —
Не знаю… Мука смертная
Под сердце подошла…

Очнулась я, молодчики,
В богатой, светлой горнице,
Под пологом лежу;
Против меня – кормилица,
Нарядная, в кокошнике,
С ребеночком сидит:
«Чье дитятко, красавица?»
– Твое! – Поцаловала я
Рожоное дитя…

Как в ноги губернаторше
Я пала, как заплакала,
Как стала говорить,
Сказалась усталь долгая,
Истома непомерная,
Упередилось времечко —
Пришла моя пора!

Спасибо губернаторше,
Елене Александровне,
Я столько благодарна ей,
Как матери родной!
Сама крестила мальчика
И имя Лиодорушка
Младенцу избрала…

«А что же с мужем сталося?»

– Послали в Клин нарочного,
Всю истину доведали —
Филиппушку спасли.
Елена Александровна
Ко мне его, голубчика,
Сама – дай Бог ей счастие! —
За руку подвела.
Добра была, умна была,
Красивая, здоровая,
А деток не дал Бог!
Пока у ней гостила я,
Все время с Лиодорушкой
Носилась, как с родным.

Весна уж начиналася,
Березка распускалася,
Как мы домой пошли…

Хорошо, светло
В мире Божием!
Хорошо, легко,
Ясно на́ сердце.

Мы идем, идем —
Остановимся,
На леса, луга
Полюбуемся,
Полюбуемся
Да послушаем,
Как шумят-бегут
Воды вешние,
Как поет-звенит
Жавороночек!
Мы стоим, глядим…
Очи встретятся —
Усмехнемся мы,
Усмехнется нам

Лиодорушка.

А увидим мы
Старца нищего —
Подадим ему
Мы копеечку:
«Не за нас молись, —
Скажем старому, —
Ты молись, старик,
За Еленушку,
За красавицу
Александровну!»

А увидим мы
Церковь Божию —
Перед церковью
Долго крестимся:
«Дай ей, Господи,
Радость-счастие,
Доброй душеньке
Александровне!»

Зеленеет лес,
Зеленеет луг,

Где низиночка —
Там и зеркало!
Хорошо, светло
В мире Божием,
Хорошо, легко,
Ясно на́ сердце.
По водам плыву
Белым лебедем,
По степям бегу
Перепелочкой.

Прилетела в дом
Сизым голубем...
Поклонился мне
Свекор-батюшка;
Поклонилася
Мать-свекровушка,
Деверья, зятья
Поклонилися,
Поклонилися,
Повинилися!
Вы садитесь-ка,
Вы не кланяйтесь,

Вы послушайте,
Что скажу я вам:
Тому кланяться,
Кто сильней меня, —
Кто добрей меня,
Тому славу петь.
Кому славу петь?
Губернаторше!
Доброй душеньке
Александровне!

Глава VIII
Бабья притча

Замолкла Тимофеевна.
Конечно, наши странники
Не пропустили случая
За здравье губернаторши
По чарке осушить.
И видя, что хозяюшка
Ко стогу приклонилася,
К ней подошли гуськом:

«Что ж дальше?»
– Сами знаете:
Ославили счастливицей,
Прозвали губернаторшей
Матрену с той поры…
Что дальше? Домом правлю я,
Ращу детей… На радость ли?
Вам тоже надо знать.
Пять сыновей! Крестьянские
Порядки нескончаемы,
Уж взяли одного!

Красивыми ресницами
Моргнула Тимофеевна,
Поспешно приклонилася
Ко стогу головой.
Крестьяне мялись, мешкали,
Шептались. «Ну, хозяюшка!
Что скажешь нам еще?»

– А то, что вы затеяли
Не дело – между бабами
Счастливую искать!..

«Да все ли рассказала ты?»

– Чего же вам еще?
Не то ли вам рассказывать,
Что дважды погорели мы,
Что Бог сибирской язвою
Нас трижды посетил?
Потуги лошадиные
Несли мы; погуляла я,
Как мерин, в бороне!..

Ногами я не топтана,
Веревками не вязана,
Иголками не колота...

Чего же вам еще?
Сулилась душу выложить,
Да, видно, не сумела я, —
Простите, молодцы!
Не горы с места сдвинулись,
Упали на головушку,
Не Бог стрелой громовою
Во гневе грудь пронзил,
По мне – тиха, невидима —

Прошла гроза душевная,
Покажешь ли ее?
По матери поруганной,
Как по змее растоптанной,
Кровь первенца прошла,
По мне обиды смертные
Прошли неотплаченные,
И плеть по мне прошла!
Я только не отведала —
Спасибо! умер Ситников —
Стыда неискупимого,
Последнего стыда!
А вы – за счастьем сунулись!
Обидно, молодцы!
Идите вы к чиновнику,
К вельможному боярину,
Идите вы к царю,
А женщин вы не трогайте, —
Вот Бог! ни с чем проходите
До гробовой доски!
К нам на ночь попросилася
Одна старушка Божия:

Вся жизнь убогой старицы –
Убийство плоти, пост;
У Гроба Иисусова
Молилась, на Афонские
Всходила высоты,
В Иордань-реке купалася…
И та святая старица
Рассказывала мне:
«Ключи от счастья женского,
От нашей вольной волюшки
Заброшены, потеряны
У Бога самого!

Отцы-пустынножители,
И жены непорочные,
И книжники-начетчики
Их ищут – не найдут!
Пропали! думать надобно,
Сглотнула рыба их…
В веригах, изможденные,
Голодные, холодные,
Прошли Господни ратники
Пустыни, города, —

И у волхвов выспрашивать
И по звездам высматривать
Пытались – нет ключей!
Весь Божий мир изведали,
В горах, в подземных пропастях
Искали… Наконец
Нашли ключи сподвижники!
Ключи неоценимые,
А всё – не те ключи!
Пришлись они – великое
Избранным людям Божиим
То было торжество, —
Пришлись к рабам-невольникам:
Темницы растворилися,
По миру вздох прошел,
Такой ли громкий, радостный!..
А к нашей женской волюшке
Все нет и нет ключей!
Великие сподвижники
И по сей день стараются —
На дно морей спускаются,
Под небо подымаются, —

Все нет и нет ключей!
Да вряд они и сыщутся…
Какою рыбой сглонуты
Ключи те заповедные,
В каких морях та рыбина
Гуляет – Бог забыл!..»

Последыш

Глава I

I

Петровки. Время жаркое.
В разгаре сенокос.

Минув деревню бедную,
Безграмотной губерний,
Старо-Вахлацкой волости,

Большие Вахлаки,
Пришли на Волгу странники…
Над Волгой чайки носятся;
Гуляют кулики
По отмели. А по́ лугу,
Что гол, как у подьячего
Щека, вчера побритая,
Стоят «князья Волконские»[13]
И детки их, что ранее
Родятся, чем отцы[14]*.*

«Прокосы широчайшие! —
Сказал Пахом Онисимыч. —
Здесь богатырь народ!»
Смеются братья Губины:
Давно они заметили
Высокого крестьянина
Со жбаном – на стогу;
Он пил, а баба с вилами,
Задравши кверху голову,

---

[13] Примечания: 13
Стоги.

[14] Примечания: 14
Копны.

Глядела на него.
Со стогом поравнялися —
Все пьет мужик! Отмерили
Еще шагов полста,
Все разом оглянулися:
По-прежнему, закинувшись,
Стоит мужик; посудина
Дном кверху поднята…

Под берегом раскинуты
Шатры; старухи, лошади
С порожними телегами
Да дети видны тут.
А дальше, где кончается
Отава подкошённая,
Народу тьма! Там белые
Рубахи баб, да пестрые
Рубахи мужиков,
Да голоса, да звяканье
Проворных кос. «Бог на́ помочь!»
– Спасибо, молодцы!

Остановились странники…

Размахи сенокосные
Идут чредою правильной:
Все разом занесенные
Сверкнули косы, звякнули,
Трава мгновенно дрогнула
И пала, прошумев!

По низменному берегу,
На Волге, травы рослые,
Веселая косьба.
Не выдержали странники:
«Давно мы не работали,
Давайте – покосим!»
Семь баб им косы отдали.
Проснулась, разогрелася
Привычка позабытая
К труду! Как зубы с голоду,
Работает у каждого
Проворная рука.
Валят траву высокую,
Под песню, незнакомую
Вахлацкой стороне;
Под песню, что навеяна

Метелями и вьюгами
Родимых деревень:
Заплатова, Дырявина,
Разутова, Знобишина,
Горелова, Неелова —
Неурожайка тож…

Натешившись, усталые,
Присели к стогу завтракать…

– Откуда, молодцы? —
Спросил у наших странников
Седой мужик (которого
Бабенки звали Власушкой). —
Куда вас Бог несет?

«А мы…» – сказали странники
И замолчали вдруг:
Послышалась им музыка!
– Помещик наш катается, —
Промолвил Влас – и бросился
К рабочим: – Не зевать!
Коси дружней! А главное:
Не огорчить помещика.

Рассердится – поклон ему!
Похвалит вас – «ура» кричи…
Эй, бабы! не галдеть! —
Другой мужик, присадистый,
С широкой бородищею,
Почти что то же самое
Народу приказал,
Надел кафтан – и барина
Бежит встречать. – Что за́ люди? —
Оторопелым странникам
Кричит он на бегу. —
Снимите шапки! —
К берегу
Причалили три лодочки.
В одной прислуга, музыка,
В другой – кормилка дюжая
С ребенком, няня старая
И приживалка тихая,
А в третьей – господа:
Две барыни красивые
(Потоньше – белокурая,
Потолще – чернобровая),

Усатые два барина,
Три ба́рченка-погодочки
Да старый старичок:
Худой! как зайцы зимние,
Весь бел, и шапка белая,
Высокая, с околышем
Из красного сукна.
Нос клювом, как у ястреба,
Усы седые, длинные
И – разные глаза:
Один здоровый – светится,
А левый – мутный, пасмурный,
Как оловянный грош!

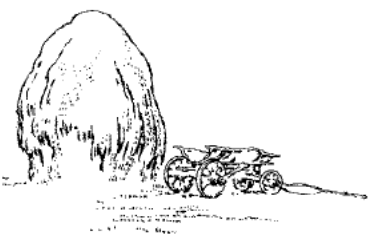
При них собачки белые,
Мохнатые, с султанчиком,
На крохотных ногах…

Старик, поднявшись на берег,
На красном мягком коврике
Долгонько отдыхал,
Потом покос осматривал:
Его водили под руки

То господа усатые,
То молодые барыни, —
И так, со всею свитою,
С детьми и приживалками,
С кормилкою и нянькою,
И с белыми собачками,
Все поле сенокосное
Помещик обошел.
Крестьяне низко кланялись,
Бурмистр (смекнули странники,
Что тот мужик присадистый
Бурмистр) перед помещиком,
Как бес перед заутреней,
Юлил: «Так точно! Слушаю-с!» —
И кланялся помещику
Чуть-чуть не до земли.

В один стожище ма́терый,
Сегодня только смётанный,
Помещик пальцем ткнул,
Нашел, что сено мокрое,
Вспылил: «Добро господское
Гноить? Я вас, мошейников,

Самих сгною на барщине!
Пересушить сейчас!..»
Засуетился староста:
– Недосмотрел маненичко!
Сыренько: виноват! —
Созвал народ – и вилами
Богатыря кряжистого,
В присутствии помещика,
По клочьям разнесли.
Помещик успокоился.



(Попробовали странники:
Сухохонько сенцо!)

Бежит лакей с салфеткою,
Хромает: «Кушать подано!»

Со всей своею свитою,
С детьми и приживалками,
С кормилкою и нянькою,
И с белыми собачками,
Пошел помещик завтракать,
Работы осмотрев.
С реки из лодки грянула
Навстречу барам музыка,
Накрытый стол белеется
На самом берегу…

Дивятся наши странники.
Пристали к Власу: «Дедушка!
Что за порядки чудные?
Что за чудной старик?»

– Помещик наш: Утятин-князь! —

«Чего же он куражится?
Теперь порядки новые,
А он дурит по-старому:
Сенцо сухим-сухохонько —
Велел пересушить!»

– А то еще диковинней,

Что и сенцо-то самое,
И пожня – не его!

«А чья же?»
– Нашей вотчины.
«Чего же он тут су́ется?
Ин вы у Бога не́ люди?»

– Нет, мы, по Божьей милости,
Теперь крестьяне вольные,
У нас, как у людей,
Порядки тоже новые,
Да тут статья особая…

«Какая же статья?»

Под стогом лег старинушка
И – больше ни словца!
К тому же стогу странники
Присели; тихо молвили:
«Эй, скатерть самобраная,
Попотчуй мужиков!»
И скатерть развернулася,
Откудова ни взялися
Две дюжие руки:

Ведро вина поставили,
Горой наклали хлебушка
И спрятались опять…

Налив стаканчик дедушке,
Опять пристали странники:
«Уважь! скажи нам, Власушка,
Какая тут статья?»
– Да пустяки! Тут нечего
Рассказывать… А сами вы
Что за́ люди? Откуда вы?
Куда вас Бог несет?

«Мы люди чужестранные,
Давно, по делу важному,
Домишки мы покинули,
У нас забота есть…
Такая ли заботушка,
Что из домов повыжила,
С работой раздружила нас,
Отбила от еды…»

Остановились странники…

– О чем же вы хлопочете?

«Да помолчим! Поели мы,
Так отдохнуть желательно».
И улеглись. Молчат!

– Вы так-то! а по-нашему,
Коль начал, так досказывай!

«А сам небось молчишь!
Мы не в тебя, старинушка!
Изволь, мы скажем: видишь ли,
Мы ищем, дядя Влас,
Непоротой губернии,
Непотрошенной волости,
Избыткова села!..»

И рассказали странники,
Как встретились нечаянно,
Как подрались, заспоривши,
Как дали свой зарок
И как потом шатались,
Искали по губерниям
Подтянутой, Подстреленной,
Кому живется счастливо,
Вольготно на Руси?

Влас слушал – и рассказчиков
Глазами мерял: – Вижу я,
Вы тоже люди странные! —
Сказал он наконец. —
Чудим и мы достаточно,
А вы – и нас чудней!

«Да что ж у вас-то деется?
Еще стаканчик, дедушка!»

Как выпил два стаканчика,
Разговорился Влас:

II

– Помещик наш особенный,
Богатство непомерное,
Чин важный, род вельможеский,
Весь век чудил, дурил,
Да вдруг гроза и грянула…
Не верит: врут, разбойники!
Посредника, исправника
Прогнал! дурит по-старому.
Стал крепко подозрителен,

Не поклонись – дерет!
Сам губернатор к барину
Приехал: долго спорили,
Сердитый голос барина
В застольной дворня слышала;
Озлился так, что к вечеру
Хватил его удар!
Всю половину левую
Отбило: словно мертвая
И, как земля, черна…
Пропал ни за копеечку!
Известно, не корысть,
А спесь его подрезала,
Соринку он терял.

«Что значит, други милые,
Привычка-то помещичья!» —
Заметил Митродор.
«Не только над помещиком,
Привычка над крестьянином
Сильна, – сказал Пахом. —
Я раз, по подозрению
В острог попавши, чудного

Там видел мужика.
За конокрадство, кажется,
Судился, звали Сидором,
Так из острога барину
Он посылал оброк!
(Доходы арестантские
Известны: подаяние,
Да что-нибудь сработает,
Да стащит что-нибудь.)
Ему смеялись прочие:
«А ну на поселение
Сошлют – пропали денежки!»
– Все лучше, – говорит...»

«Ну, дальше, дальше, дедушка!»

– Соринка – дело плевое,
Да только не в глазу:
Пал дуб на море тихое,
И море все заплакало —
Лежит старик без памяти
(Не встанет, так и думали!).
Приехали сыны,

Гвардейцы черноусые
(Вы их на пожне видели,
А барышни красивые —
То жены молодцов).
У старшего доверенность
Была: по ней с посредником
Установили грамоту…
Ан вдруг и встал старик!
Чуть заикнулись… Господи!
Как зверь метнулся раненый
И загремел, как гром!
Дела-то все недавние,
Я был в то время старостой,
Случился тут – так слышал сам,
Как он честил помещиков,
До слова помню все:
«Корят жидов, что предали
Христа… а вы что сделали?
Права свои дворянские,
Веками освященные,
Вы предали!..» Сынам
Сказал: «Вы трусы подлые!

Не дети вы мои!
Пускай бы люди мелкие,
Что вышли из поповичей
Да, понажившись взятками,
Купили мужиков,
Пускай бы… им простительно!
А вы… князья Утятины?
Какие вы У-тя-ти-ны!
Идите вон!.. подкидыши,
Не дети вы мои!»

Оробели наследники:
А ну как перед смертию
Лишит наследства? Мало ли
Лесов, земель у батюшки?
Что денег понакоплено,
Куда пойдет добро?
Гадай! У князя в Питере
Три дочери побочные
За генералов выданы,
Не отказал бы им!

А князь опять больнехонек…

Чтоб только время выиграть,
Придумать: как тут быть?
Которая-то барыня
(Должно быть, белокурая:
Она ему, сердечному,
Слыхал я, терла щеткою
В то время левый бок)
Возьми и брякни барину,
Что мужиков помещикам
Велели воротить!
Поверил! Проще малого
Ребенка стал старинушка,
Как паралич расшиб!
Заплакал! пред иконами
Со всей семьею молится,
Велел служить молебствие,
Звонить в колокола!

И силы словно прибыло,
Опять: охота, музыка,
Дворовых дует палкою,
Велит созвать крестьян.

С дворовыми наследники
Стакнулись, разумеется,
А есть один (он давеча
С салфеткой прибегал),
Того и уговаривать
Не надо было: барина
Столь много любит он!
Ипатом прозывается.
Как воля нам готовилась,
Так он не верил ей:
«Шалишь! Князья Утятины
Останутся без вотчины?
Нет, руки коротки!»
Явилось «Положение», —
Ипат сказал: «Балуйтесь вы!
А я князей Утятиных
Холоп – и весь тут сказ!»
Не может барских милостей
Забыть Ипат! Потешные
О детстве и о младости,
Да и о самой старости
Рассказы у него

(Придешь, бывало, к барину,
Ждешь, ждешь… Неволей слушаешь,
Сто раз я слышал их):
«Как был я мал, наш князюшка
Меня рукою собственной
В тележку запрягал;
Достиг я резвой младости:
Приехал в отпуск князюшка
И, подгулявши, выкупал
Меня, раба последнего,
Зимою в проруби!
Да так чудно! Две проруби:
В одну опустит в неводе,
В другую мигом вытянет —
И водки поднесет.
Клониться стал я к старости.
Зимой дороги узкие,
Так часто с князем ездили
Мы гусем в пять коней.
Однажды князь – затейник же! —
И посади фалетуром
Меня, раба последнего,

Со скрипкой – впереди.
Любил он крепко музыку.
«Играй, Ипат!» – А кучеру
Кричит: «Пошел живей!»
Метель была изрядная,
Играл я: руки заняты,
А лошадь спотыкливая —
Свалился я с нее!
Ну, сани, разумеется,
Через меня проехали,
Попридавили грудь.
Не то беда: а холодно,
Замерзнешь – нет спасения,
Кругом пустыня, снег...
Гляжу на звезды частые
Да каюсь во грехах.
Так что же, друг ты истинный?
Послышал я бубенчики,
Чу, ближе! чу, звончей!
Вернулся князь (Закапали
Тут слезы у дворового,
И сколько ни рассказывал,

Всегда тут плакал он!),
Одел меня, согрел меня
И рядом, недостойного,
С своей особой княжеской
В санях привез домой!»

Похохотали странники…
Глотнув вина (в четвертый раз),
Влас продолжал: – Наследники
Ударили и вотчине
Челом: «Нам жаль родителя,
Порядков новых, нонешних
Ему не перенесть.
Поберегите батюшку!
Помалчивайте, кланяйтесь
Да не перечьте хворому,
Мы вас вознаградим:
За лишний труд, за барщину,
За слово даже бранное —
За все заплатим вам.
Недолго жить сердечному,
Навряд ли два-три месяца,
Сам дохтур объявил!

Уважьте нас, послушайтесь,
Вы вам луга поемные
По Волге подарим;
Сейчас пошлем посреднику
Бумагу, дело верное!»

Собрался мир, галдит!

Луга-то (эти самые),
Да водка, да с три короба
Посулов то и сделали,
Что мир решил помалчивать
До смерти старика.
Поехали к посреднику:
Смеется! «Дело доброе,
Да и луга хорошие,
Дурачьтесь, Бог простит!
Нет на Руси, вы знаете,
Помалчивать да кланяться
Запрета никому!»
Однако я противился:
«Вам, мужикам, сполагоря,
А мне-то каково?

Что ни случится – к барину
Бурмистра! что ни вздумает,
За мной пошлет! Как буду я
На спросы бестолковые
Ответствовать? дурацкие
Приказы исполнять?»

– Ты стой пред ним без шапочки,
Помалчивай да кланяйся,
Уйдешь – и дело кончено.
Старик больной, расслабленный
Не помнит ничего!

Оно и правда: можно бы!
Морочить полоумного
Нехитрая статья.
Да быть шутом гороховым,
Признаться, не хотелося.
И так я на веку,
У притолоки стоючи,
Помялся перед барином
Досыта! «Коли мир
(Сказал я, миру кланяясь)

Дозволит покуражиться
Уволенному барину
В останные часы,
Молчу и я – покорствую,
А только что от должности
Увольте вы меня!»

Чуть дело не разладилось.
Да Климка Лавин выручил:
«А вы бурмистром сделайте
Меня! Я удовольствую
И старика, и вас.
Бог приберет Последыша
Скоренько, а у вотчины
Останутся луга.
Так будем мы начальствовать,
Такие мы строжайшие
Порядки заведем,
Что надорвет животики
Вся вотчина… Увидите!»

Долгонько думал мир.
Что ни на есть отчаянный

Был Клим мужик: и пьяница,
И на руку нечист.
Работать не работает,
С цыганами вожжается,
Бродяга, коновал!
Смеется над трудящимся:
С работы, как ни мучайся,
Не будешь ты богат!
А будешь ты горбат!
А впрочем, парень грамотный,
Бывал в Москве и в Питере,
В Сибирь езжал с купечеством,
Жаль, не остался там!
Умен, а грош не держится,
Хитер, а попадается
Впросак! Бахвал мужик!
Каких-то слов особенных
Наслушался: атечество,
Москва первопрестольная,
Душа великорусская.
«Я – русский мужичок!» —
Горланил диким голосом

И, кокнув в лоб посудою,
Пил залпом полуштоф!
Как рукомойник кланяться
Готов за водку всякому,
А есть казна – поделится,
Со встречным все пропьет!
Горазд орать, балясничать,
Гнилой товар показывать
С хазового конца.
Нахвастает с три короба,
А уличишь – отшутится
Бесстыжей поговоркою,
Что «за погудку правую
Смычком по роже бьют!»

Подумавши, оставили
Меня бурмистром: правлю я
Делами и теперь.
А перед старым барином
Бурмистром Климку назвали,
Пускай его! По барину
Бурмистр! перед Последышем
Последний человек!

У Клима совесть глиняна,
А бородища Минина,
Посмотришь, так подумаешь,
Что не найти крестьянина
Степенней и трезвей.
Наследники построили
Кафтан ему: одел его —
И сделался Клим Яковлич
Из Климки бесшабашного,
Бурмистр первейший сорт.

Пошли порядки старые!
Последышу-то нашему,
Как на беду, приказаны
Прогулки. Что ни день,
Через деревню катится
Рессорная колясочка:
Вставай! картуз долой!
Бог весть с чего накинется,
Бранит, корит; с угрозою
Подступит – ты молчи!
Увидит в поле пахаря
И за его же полосу

Облает: и лентяи-то
И лежебоки мы!
А полоса сработана,
Как никогда на барина
Не работáл мужик,
Да невдомек Последышу,
Что уж давно не барская,
А наша полоса!

Сойдемся – смех! У каждого
Свой сказ про юродивого
Помещика: икается,
Я думаю, ему!
А тут еще Клим Яковлич.
Придет, глядит начальником
(Горда свинья: чесалася
О барское крыльцо!),
Кричит: «Приказ по вотчине!»
Ну, слушаем приказ:
«Докладывал я барину,
Что у вдовы Терентьевны
Избенка развалилася,
Что баба побирается

Христовым подаянием,
Так барин приказал:
На той вдове Терентьевой
Женить Гаврилу Жохова,
Избу поправить заново,
Чтоб жили в ней, плодилися
И правили тягло!»
А той вдове – под семьдесят,
А жениху – шесть лет!
Ну, хохот, разумеется!..
Другой приказ: «Коровушки
Вчера гнались до солнышка
Близ барского двора
И так мычали, глупые,
Что разбудили барина, —
Так пастухам приказано
Впредь унимать коров!»
Опять смеется вотчина.
«А что смеетесь? Всякие
Бывают приказания:
Сидел на губернаторстве
В Якутске генерал.

Так на ко́л тот коровушек
Сажал! Долгонько слушались:
Весь город разукрасили,
Как Питер монументами,
Казенными коровами,
Пока не догадалися,
Что спятил он с ума!»
Еще приказ: «У сторожа,
У ундера Софронова,
Собака непочтительна:
Залаяла на барина,
Так ундера прогнать,
А сторожем к помещичьей
Усадьбе назначается
Еремка!..» Покатилися
Опять крестьяне со смеху:
Еремка тот с рождения
Глухонемой дурак!

Доволен Клим. Нашел-таки
По нраву должность! Бегает,
Чудит, во все мешается,
Пить даже меньше стал!

Бабенка есть тут бойкая,
Орефьевна, кума ему,
Так с ней Климаха барина
Дурачит заодно.
Лафа бабенкам! бегают
На барский двор с полотнами,
С грибами, с земляникою:
Все покупают барыни,
И кормят, и поят!

Шутили мы, дурачились,
Да вдруг и дошутилися
До сущей до беды:
Был грубый, непокладистый
У нас мужик Агап Петров,
Он много нас корил:
«Ай мужики! Царь сжалился,
Так вы в хомут охотою…
Бог с ними, с сенокосами!
Знать не хочу господ!..»
Тем только успокоили,
Что штоф вина поставили,
(Винцо-то он любил).

Да черт его со временем
Нанес-таки на барина:
Везет Агап бревно
(Вишь, мало ночи глупому,
Так воровать отправился
Лес – среди бела дня!),
Навстречу та колясочка
И барин в ней: «Откудова
Бревно такое славное
Везешь ты, мужичок?..»
А сам смекнул откудова.
Агап молчит: бревешко-то
Из лесу из господского,
Так что тут говорить!
Да больно уж окрысился
Старик: пилил, пилил его,
Права свои дворянские
Высчитывал ему!

Крестьянское терпение
Выносливо, а временем
Есть и ему конец.
Агап раненько выехал,

Без завтрака: крестьянина
Тошнило уж и так,
А тут еще речь барская,
Как муха неотвязная,
Жужжит под ухо самое…

Захохотал Агап!
«Ах шут ты, шут гороховый!
Нишкни!» – да и пошел!
Досталось тут Последышу
За дедов и за прадедов,
Не только за себя.
Известно, гневу нашему
Дай волю! Брань господская
Что жало камариное,
Мужицкая – обух!
Опешил барин! Легче бы
Стоять ему под пулями,
Под каменным дождем!
Опешили и сродники,
Бабенки было бросились
К Агапу с уговорами,
Так он вскричал: «Убью!..

Что брага, раскуражились
Подонки из поганого
Корыта… Цыц! Нишкни!
Крестьянских душ владение
Покончено. Последыш ты!
Последыш ты! По милости
Мужицкой нашей глупости
Сегодня ты начальствуешь,
А завтра мы Последышу
Пинка – и кончен бал!
Иди домой, похаживай,
Поджавши хвост, по горницам,
А нас оставь! Нишкни!..»

«Ты – бунтовщик!» – с хрипóтою
Сказал старик; затрясся весь
И полумертвый пал!
«Теперь конец!» – подумали
Гвардейцы черноусые
И барыни красивые;
Ан вышло – не конец!

Приказ: пред всею вотчиной,

В присутствии помещика,
За дерзость беспримерную
Агапа наказать.
Забегали наследники
И жены их – к Агапушке,
И к Климу, и ко мне!
«Спасите нас, голубчики!
Спасите!» Ходят бледные:
«Коли обман откроется,
Пропали мы совсем!»
Пошел бурмистр орудовать!
С Агапом пил до вечера,
Обнявшись, до полуночи
Деревней с ним гулял,
Потом опять с полуночи
Поил его – и пьяного
Привел на барский двор.
Все обошлось любехонько:
Не мог с крылечка сдвинуться
Последыш – так расстроился…
Ну, Климке и лафа!

В конюшню плут преступника

Привел, перед крестьянином
Поставил штоф вина:
«Пей да кричи: помилуйте!
Ой батюшки! ой матушки!»
Послушался Агап,
Чу, во́пит! Словно музыку,
Последыш стоны слушает;
Чуть мы не рассмеялися,
Как стал он приговаривать:
«Ка-тай его, раз-бой-ника,
Бун-тов-щи-ка… Ка-тай!»
Ни дать ни взять под розгами
Кричал Агап, дурачился,
Пока не допил штоф.
Как из конюшни вынесли
Его мертвецки пьяного
Четыре мужика,
Так барин даже сжалился:
«Сам виноват, Агапушка!» —
Он ласково сказал…

«Вишь, тоже добрый! сжалился», —
Заметил Пров, а Влас ему:

– Не зол… да есть пословица:
Хвали траву в стогу,
А барина – в гробу!
Все лучше, кабы Бог его
Прибрал… Уж нет Агапушки…

«Как! умер?»
– Да, почтенные:
Почти что в тот же день!
Он к вечеру разохался,
К полуночи попа просил,
К белу свету преставился.
Зарыли и поставили
Животворящий крест…
С чего? Один Бог ведает!
Конечно, мы не тронули
Его не только розгами —
И пальцем. Ну а все ж
Нет-нет – да и подумаешь:
Не будь такой оказии,
Не умер бы Агап!
Мужик сырой, особенный,
Головка непоклончива,

А тут: иди, ложись!
Положим: ладно кончилось,
А все Агап надумался:
Упрешься – мир осердится,
А мир дурак – доймет!
Все разом так подстроилось:
Чуть молодые барыни
Не цаловали старого,
Полсотни, чай, подсунули,
А пуще Клим бессовестный
Сгубил его, анафема,
Винищем!..

Вон от барина
Посол идет: откушали!
Зовет, должно быть, старосту,
Пойду взгляну камедь!

III

Пошли за Власом странники;
Бабенок тоже несколько
И пáрней с ними тронулось;
Был полдень, время отдыха,

Так набралось порядочно
Народу – поглазеть.
Все стали в ряд почтительно
Поодаль от господ…

За длинным белым столиком,
Уставленным бутылками
И кушаньями разными,
Сидели господа:
На первом месте – старый князь,
Седой, одетый в белое,
Лицо перекошённое
И – разные глаза.
В петлице крестик беленький
(Влас говорит: Георгия
Победоносца крест).
За стулом в белом галстуке
Ипат, дворовый преданный,
Обмахивает мух.
По сторонам помещика
Две молодые барыни:
Одна черноволосая,
Как свекла, губы красные,

По яблоку – глаза!
Другая белокурая,
С распущенной косой,
Ай косонька! как золото
На солнышке горит!
На трех высоких стульчиках
Три мальчика нарядные,
Салфеточки подвязаны
Под горло у детей.
При них старуха нянюшка,
А дальше – челядь разная:
Учительницы, бедные
Дворянки. Против барина —
Гвардейцы черноусые,
Последыша сыны.

За каждым стулом девочка,
А то и баба с веткою —
Обмахивает мух.
А под столом мохнатые
Собачки белошерстые.
Барчонки дразнят их...

Без шапки перед барином
Стоял бурмистр.
«А скоро ли, —
Спросил помещик, кушая, —
Окончим сенокос?»

– Да как теперь прикажете:
У нас по положению
Три дня в неделю барские,
С тягла: работник с лошадью,
Подросток или женщина
Да полстарухи в день.
Господский срок кончается…

«Тсс! тсс! – сказал Утятин-князь,
Как человек, заметивший,
Что на тончайшей хитрости
Другого изловил. —
Какой такой господский срок?
Откудова ты взял его?»
И на бурмистра верного
Навел пытливо глаз.

Бурмистр потупил голову.

– Как приказать изволите!
Два-три денька хорошие,
И сено вашей милости
Все уберем, Бог даст!
Не правда ли, ребятушки?.. —
(Бурмистр воротит к барщине
Широкое лицо.)
За барщину ответила
Проворная Орефьевна,
Бурмистрова кума:
– Вестимо так, Клим Яковлич,
Покуда вёдро держится,
Убрать бы сено барское,
А наше – подождет!

«Бабенка, а умней тебя! —
Помещик вдруг осклабился
И начал хохотать. —
Ха-ха! дурак!.. Ха-ха-ха-ха!
Дурак! дурак! дурак!
Придумали: господский срок!
Ха-ха... дурак! ха-ха-ха-ха!
Господский срок – вся жизнь раба!

Забыли, что ли, вы:
Я Божиею милостью,
И древней царской грамотой,
И родом и заслугами
Над вами господин!..»

Влас наземь опускается.
«Что так?» – спросили странники.
– Да отдохну пока!
Теперь не скоро князюшка
Сойдет с коня любимого!
С тех пор как слух прошел,
Что воля нам готовится,
У князя речь одна:
Что мужику у барина
До светопреставления
Зажату быть в горсти!..

И точно: час без малого
Последыш говорил!
Язык его не слушался:
Старик слюною брызгался,
Шипел! И так расстроился,

Что правый глаз задергало,
А левый вдруг расширился
И – круглый, как у филина, —
Вертелся колесом.
Права свои дворянские,
Веками освященные,
Заслуги, имя древнее
Помещик поминал,
Царевым гневом, Божиим
Грозил крестьянам, ежели
Взбунтуются они,
И накрепко приказывал,
Чтоб пустяков не думала,
Не баловалась вотчина,
А слушалась господ!

«Отцы! – сказал Клим Яковлич
С каким-то визгом в голосе,
Как будто вся утроба в нем
При мысли о помещиках
Заликовала вдруг. —
Кого же нам и слушаться?
Кого любить? надеяться

Крестьянству на кого?
Бедами упиваемся,
Слезами умываемся,
Куда нам бунтовать?
Все ваше, все господское —
Домишки наши ветхие,
И животишки хворые,
И сами – ваши мы!
Зерно, что в землю брошено,
И овощь огородная,
И волос на нечесаной
Мужицкой голове —
Все ваше, все господское!
В могилках наши прадеды,
На печках деды старые
И в зыбках дети малые —
Все ваше, все господское!
А мы, как рыба в неводе,
Хозяева в дому!»

Бурмистра речь покорная
Понравилась помещику:
Здоровый глаз на старосту

Глядел с благоговением,
А левый успокоился:
Как месяц в небе стал!
Налив рукою собственной
Стакан вина заморского,
«Пей!» – барин говорит.
Вино на солнце искрится,
Густое, маслянистое.
Клим выпил, не поморщился
И вновь сказал: «Отцы!
Живем за вашей милостью,
Как у Христа за пазухой:
Попробуй-ка без барина
Крестьянин так пожить!
(И снова, плут естественный,
Глотнул вина заморского.)
Куда нам без господ?
Бояре – кипарисовы,
Стоят, не гнут головушки!
Над ними – царь один!
А мужики вязовые —
И гнутся-то, и тянутся,

Скрипят! Где мат крестьянину,
Там барину сполагоря:
Под мужиком лед ломится,
Под барином трещит!
Отцы! руководители!
Не будь у нас помещиков,
Не наготовим хлебушка,
Не запасем травы!

Хранители! радетели!
И мир давно бы рушился
Без разума господского,
Без нашей простоты!
Вам на роду написано
Блюсти крестьянство глупое,
А нам работать, слушаться,
Молиться за господ!»

Дворовый, что у барина
Стоял за стулом с веткою,
Вдруг всхлипнул! Слезы катятся
По старому лицу.
«Помолимся же Господу

За долголетье барина!» —
Сказал холуй чувствительный
И стал креститься дряхлою,
Дрожащею рукой.
Гвардейцы черноусые
Кисленько как-то глянули
На верного слугу;
Однако – делать нечего! —
Фуражки сняли, крестятся.
Перекрестились барыни,
Перекрестилась нянюшка,
Перекрестился Клим…

Да и мигнул Орефьевне:
И бабы, что протискались
Поближе к господам,
Креститься тоже начали.
Одна так даже всхлипнула
Вподобие дворового.
(«Урчи! вдова Терентьевна!
Старуха полоумная!» —
Сказал сердито Влас.)
Из тучи солнце красное

Вдруг выглянуло; музыка
Протяжная и тихая
Послышалась с реки...

Помещик так растрогался,
Что правый глаз заплаканный
Ему платочком вытерла
Сноха с косой распущенной
И чмокнула старинушку
В здоровый этот глаз.
«Вот! – молвил он торжественно
Сынам своим наследникам
И молодым снохам. —
Желал бы я, чтоб видели
Шуты, врали столичные,
Что обзывают дикими
Крепостниками нас,
Чтоб видели, чтоб слышали...»

Тут случай неожиданный
Нарушил речь господскую:
Один мужик не выдержал —
Как захохочет вдруг!

Задергало Последыша.
Вскочил, лицом уставился
Вперед! Как рысь, высматривал
Добычу. Левый глаз
Заколесил… «Сы-скать его!
Сы-скать бун-тов-щи-ка!»

Бурмистр в толпу отправился;
Не ищет виноватого,
А думает: как быть?
Пришел в ряды последние,
Где были наши странники,
И ласково сказал:
«Вы люди чужестранные,
Что с вами он поделает?
Подите кто-нибудь!»
Замялись наши странники,
Желательно бы выручить
Несчастных вахлаков,
Да барин глуп: судись потом,
Как влепит сотню добрую
При всем честном миру!
«Иди-ка ты, Романушка! —

Сказали братья Губины. —
Иди! ты любишь бар!»

– Нет, сами вы попробуйте! —
И стали наши странники
Друг дружку посылать.
Клим плюнул. «Ну-ка, Власушка,
Придумай, что тут сделаем?
А я устал; мне мочи нет!»

– Ну да и врал же ты! —

«Эх, Влас Ильич! где враки-то? —
Сказал бурмистр с досадою. —
Не в их руках мы, что ль?..
Придет пора последняя:
Заедем все в ухаб[15],
Не выедем никак,
В кромешный ад провалимся,
Так ждет и там крестьянина
Работа на господ!»

– Что ж там-то будет, Климушка?

---

[15] Примечания: 15
Могила.

«А будет, что назначено:
Они в котле кипеть,
А мы дрова подкладывать!»

(Смеются мужики.)

Пришли сыны Последыша
«Эх! Клим-чудак! до смеху ли?
Старик прислал нас; сердится,
Что долго нет виновного…
Да кто у вас сплошал?»

– А кто сплошал, и надо бы
Того тащить к помещику,
Да все испортит он!
Мужик богатый… Питерщик…
Вишь, принесла нелегкая
Домой его на грех!
Порядки наши чудные
Ему пока в диковину,
Так смех и разобрал!
А мы теперь расхлебывай!

«Ну… вы его не трогайте,
А лучше киньте жребий.

Заплатим мы: вот пять рублей...»

– Нет! разбегутся все...

«Ну, так скажите барину,
Что виноватый спрятался».
– А завтра как? Забыли вы
Агапа неповинного?

«Что ж делать?.. Вот беда!»

– Давай сюда бумажку ту!
Постойте! я вас выручу!
Вдруг объявила бойкая
Бурмистрова кума
И побежала к барину;
Бух в ноги: – Красно солнышко!
Прости, не погуби!
Сыночек мой единственный,
Сыночек надурил!
Господь его без разуму
Пустил на свет! Глупешенек:
Идет из бани – чешется!
Лаптишком, вместо ковшика,
Напиться норовит!

Работать не работает,
Знай скалит зубы белые,
Смешлив… так Бог родил!
В дому-то мало радости:
Избенка развалилася,
Случается, есть нечего —
Смеется, дурачок!
Подаст ли кто копеечку,
Ударит ли по темени —
Смеется дурачок!
Смешлив… что с ним поделаешь?
Из дурака, родименький,
И горе смехом прет!

Такая баба ловкая!
Орет, как на девишнике,
Цалует ноги барину.
«Ну, Бог с тобой! Иди! —
Сказал Последыш ласково. —
Я не сержусь на глупого,
Я сам над ним смеюсь!»
«Какой ты добрый!» – молвила
Сноха черноволосая

И старика погладила
По белой голове.
Гвардейцы черноусые
Словечко тоже вставили:
Где ж дурню деревенскому
Понять слова господские,
Особенно Последыша
Столь умные слова?
А Клим полой суконною
Отер глаза бесстыжие
И пробурчал: «Отцы!
Отцы! сыны атечества!
Умеют наказать,
Умеют и помиловать!»

Повеселел старик!
Спросил вина шипучего.
Высоко пробки прянули,
Попадали на баб.
С испугу бабы взвизгнули,
Шарахнулись. Старинушка
Захохотал! За ним
Захохотали барыни,

За ними – их мужья,
Потом дворецкий преданный,
Потом кормилки, нянюшки,
А там – и весь народ!
Пошло веселье! Барыни,
По приказанью барина,
Крестьянам поднесли,
Подросткам дали пряников,
Девицам сладкой водочки,
А бабы тоже выпили
По рюмке простяку…

Последыш пил да чокался,
Красивых снох пощипывал.
(– Вот так-то! чем бы старому
Лекарство пить, – заметил Влас, —
Он пьет вино стаканами.
Давно уж меру всякую
Как в гневе, так и в радости
Последыш потерял.)

Гремит на Волге музыка,
Поют и пляшут девицы —

Ну, словом, пир горой!
К девицам присоседиться
Хотел старик, встал на ноги
И чуть не полетел!
Сын поддержал родителя.
Старик стоял: притоптывал,
Присвистывал, прищелкивал,
А глаз свое выделывал —
Вертелся колесом!

«А вы что ж не танцуете? —
Сказал Последыш барыням
И молодым сынам. —
Танцуйте!» Делать нечего!
Прошлись они под музыку.
Старик их осмеял!
Качаясь, как на палубе
В погоду непокойную,
Представил он, как тешились
В его-то времена!
«Спой, Люба!» Не хотелося
Петь белокурой барыне,
Да старый так пристал!

Чудесно спела барыня!
Ласкала слух та песенка,
Негромкая и нежная,
Как ветер летним вечером,
Легонько пробегающий
По бархатной муравушке,
Как шум дождя весеннего
По листьям молодым!

Под песню ту прекрасную
Уснул Последыш. Бережно
Снесли его в ладью
И уложили сонного.
Над ним с зеленым зонтиком
Стоял дворовый преданный,
Другой рукой отмахивал
Слепней и комаров.
Сидели молча бравые
Гребцы; играла музыка
Чуть слышно… лодка тронулась
И мерно поплыла…
У белокурой барыни
Коса, как флаг распущенный,

Играла на ветру…

«Уважил я Последыша! —
Сказал бурмистр. – Господь с тобой!
Куражься, колоброд!
Не знай про волю новую,
Умри, как жил, помещиком,
Под песни наши рабские,
Под музыку холопскую —
Да только поскорей!
Дай отдохнуть крестьянину!
Ну, братцы! поклонитесь мне,
Скажи спасибо, Влас Ильич:
Я миру порадел!
Стоять перед Последышем
Напасть… язык примелется,
А пуще смех долит.
Глаз этот… как завертится,
Беда! Глядишь да думаешь:
«Куда ты, друг единственный?
По надобности собственной
Аль по чужим делам?
Должно быть, раздобылся ты

Курьерской подорожною!..»
Чуть раз не прыснул я.
Мужик я пьяный, ветреный,
В амбаре крысы с голоду
Подохли, дом пустехонек,
А не взял бы, свидетель Бог,
Я за такую каторгу
И тысячи рублей,
Когда б не знал доподлинно,
Что я перед последышем
Стою… что он куражится
По воле по моей…»

Влас отвечал задумчиво:
– Бахвалься! А давно ли мы,
Не мы одни – вся вотчина…
(Да… все крестьянство русское!)
Не в шутку, не за денежки,
На три-четыре месяца,
А целый век… Да что уж тут!
Куда уж нам бахвалиться,
Недаром Вахлаки!

Однако Клима Лавина
Крестьяне полупьяные
Уважили: «Качать его!»
И ну качать… «ура!»
Потом вдову Терентьевну
С Гаврилкой, малолеточком,
Клим посадил рядком
И жениха с невестою
Поздравил! Подурачились
Досыта мужики.
Приели все, все припили,
Что господа оставили,
И только поздним вечером
В деревню прибрели.
Домашние их встретили
Известьем неожиданным:
Скончался старый князь!
«Как так?» – Из лодки вынесли
Его уж бездыханного —
Хватил второй удар!

Крестьяне пораженные
Переглянулись… крестятся…

Вздохнули… Никогда
Такого вздоха дружного,
Глубокого-глубокого
Не испускала бедная
Безграмотной губернии
Деревня Вахлаки…

———

Но радость их вахлацкая
Была непродолжительна.
Со смертию Последыша
Пропала ласка барская:
Опохмелиться не дали
Гвардейцы вахлакам!
А за луга поемные
Наследники с крестьянами
Тягаются доднесь.
Влас за крестьян ходатаем,
Живет в Москве… был в Питере…
А толку что-то нет!

Пир на весь мир
(Посвящается Сергею Петровичу Боткину)

В конце села под ивою,
Свидетельницей скромною
Всей жизни вахлаков,
Где праздники справляются,

Где сходки собираются,
Где днем секут, а вечером
Цалуются, милуются, —
Всю ночь огни и шум.

На бревна, тут лежавшие,
На сруб избы застроенной
Уселись мужики;
Тут тоже наши странники
Сидели рядом с Власушкой;
Влас водку наливал.
«Пей, вахлачки, погуливай!» —
Клим весело кричал.
Как только пить надумали,
Влас сыну-малолеточку
Вскричал: «Беги за Трифоном!»

С дьячком приходским Трифоном,
Гулякой, кумом старосты,
Пришли его сыны,
Семинаристы: Саввушка
И Гриша, парни добрые,
Крестьянам письма к сродникам

Писали; «Положение»,
Как вышло, толковали им,
Косили, жали, сеяли
И пили водку в праздники
С крестьянством наравне.
Теперь же Савва дьяконом
Смотрел, а у Григория
Лицо худое, бледное
И волос тонкий, вьющийся,
С оттенком красноты.
Тотчас же за селением
Шла Волга, а за Волгою
Был город небольшой
(Сказать точнее, города
В ту пору тени не было,
А были головни:
Пожар все снес третьеводни).
Так люди мимоезжие,
Знакомцы вахлаков,
Тут тоже становилися,
Парома поджидаючи,
Кормили лошадей.

Сюда брели и нищие,
И тараторка-странница,
И тихий богомол.

В день смерти князя старого
Крестьяне не предвидели,
Что не луга поемные,
А тяжбу наживут.
И, выпив по стаканчику,
Первей всего заспорили:
Как им с лугами быть?

Не вся ты, Русь, обмеряна
Землицей; попадаются
Углы благословенные,
Где ладно обошлось.
Какой-нибудь случайностью —
Неведеньем помещика,
Живущего вдали,
Ошибкою посредника,
А чаще изворотами
Крестьян-руководителей —
В надел крестьянам изредка

Попало и леску.
Там горд мужик, попробуй-ка
В окошко стукнуть староста
За податью – осердится!
Один ответ до времени:
«А ты леску продай!»
И вахлаки надумали
Свои луга поёмные
Сдать старосте – на подати.
Все взвешено, рассчитано,
Как раз – оброк и подати,
С залишком. «Так ли, Влас?
А коли подать справлена,
Я никому не здравствую!
Охота есть – работаю,
Не то – валяюсь с бабою,
Не то – иду в кабак!»

– Так! – вся орда вахлацкая
На слово Клима Лавина
Откликнулась. – На подати!
Согласен, дядя Влас?

– У Клима речь короткая
И ясная, как вывеска,
Зовущая в кабак, —
Сказал шутливо староста. —
Начнет Климаха бабою,
А кончит – кабаком!

«А чем же? не острогом же
Кончать тут? Дело верное,
Не каркай, пореши!»

Но Власу не до карканья,
Влас был душа добрейшая,
Болел за всю вахлачину —
Не за одну семью.
Служа при строгом барине,
Нес тяготу на совести
Невольного участника
Жестокостей его.
Как молод был, ждал лучшего,
Да вечно так случалося,
Что лучшее кончалося
Ничем или бедой.

И стал бояться нового,
Богатого посулами,
Неверующий Влас.
Не столько в Белокаменной
По мостовой проехано,
Как по душе крестьянина
Прошло обид… до смеху ли?..
Влас вечно был угрюм.
А тут – сплошал старинушка!
Дурачество вахлацкое
Коснулось и его!
Ему невольно думалось:
«Без барщины… без подати…
Без палки… Правда ль, Господи?»
И улыбнулся Влас.
Так солнце с неба знойного
В лесную глушь дремучую
Забросит луч – и чудо там:
Роса горит алмазами,
Позолотился мох.
«Пей, вахлачки, погуливай!»
Не в меру было весело:

У каждого в груди
Играло чувство новое,
Как будто выносила их
Могучая волна
Со дна бездонной пропасти
На свет, где нескончаемый
Им уготован пир!
Еще ведро поставили,
Галденье непрерывное
И песни начались.
Так, схоронив покойника,
Родные и знакомые
О нем лишь говорят,
Покамест не управятся
С хозяйским угощением
И не начнут зевать, —
Так и галденье долгое
За чарочкой, под ивою,
Все, почитай, сложилося
В поминки по подрезанным
Помещичьим «крепям».

К дьячку с семинаристами

Пристали: «Пой „Веселую“!»
Запели молодцы.
(Ту песню – не народную —
Впервые спел сын Трифона,
Григорий, вахлакам,
И с «Положенья» царского,
С народа крепи снявшего,
Она по пьяным праздникам
Как плясовая пелася
Попами и дворовыми, —
Вахлак ее не пел,
А, слушая, притопывал,
Присвистывал; «Веселою»
Не в шутку называл.)

Веселая

«Кушай тюрю, Яша!
Молочка-то нет!»
– Где ж коровка наша? —
«Увели, мой свет!
Барин для приплоду

Взял ее домой».
Славно жить народу
На Руси святой!

– Где же наши куры? —
Девчонки орут.
«Не орите, дуры!
Съел их земский суд;
Взял еще подводу
Да сулил постой...»
Славно жить народу
На Руси святой!

Разломило спину,
А квашня не ждет!
Баба Катерину
Вспомнила – ревет:
В дворне больше году
Дочка... нет родной!
Славно жить народу
На Руси святой!

Чуть из ребятишек,
Глядь, и нет детей!

Царь возьмет мальчишек,
Барин – дочерей!
Одному уроду
Вековать с семьей.
Славно жить народу
На Руси святой!
и т. д.

———

Потом свою вахлацкую,
Родную, хором грянули,
Протяжную, печальную, —
Иных покамест нет.
Не диво ли? широкая
Сторонка Русь крещеная,
Народу в ней тьма тём,
А ни в одной-то душеньке
Спокон веков до нашего
Не загорелась песенка
Веселая и ясная,
Как ведреной денек.
Не дивно ли? не страшно ли?
О время, время новое!

Ты тоже в песне скажешься,
Но как?.. Душа народная,
Воссмейся ж наконец!..

Барщинная

Беден, нечесан Калинушка,
Нечем ему щеголять,
Только расписана спинушка,
Да за рубахой не знать.
С лаптя до ворота
Шкура вся вспорота,
Пухнет с мякины живот.
Верченый, крученой,
Сеченый, мученой,
Еле Калина бредет:
В ноги кабачнику стукнется,
Горе потопит в вине,
Только в субботу аукнется
С барской конюшни жене…

«Ай песенка!.. Запомнить бы!..»

Тужили наши странники,
Что память коротка,
А вахлаки бахвалились:
«Мы барщинные! С наше-то
Попробуй потерпи!
Мы барщинные! выросли
Под рылом у помещика;
День – каторга, а ночь?
Что сраму-то! За девками
Гонцы скакали тройками
По нашим деревням.
В лицо позабывали мы
Друг дружку, в землю глядючи,
Мы потеряли речь.
В молчанку напивалися,
В молчанку цаловалися,
В молчанку драка шла».
– Ну, ты насчет молчанки-то
Не очень! нам молчанка та
Досталась солоней! —
Сказал соседней волости
Крестьянин, с сеном ехавший

(Нужда пристала крайняя,
Скосил – и на базар!).

Решила наша барышня
Гертруда Александровна,
Кто скажет слово крепкое,
Того нещадно драть.
И драли же! покудова
Не перестали лаяться,
А мужику не лаяться —
Едино, что молчать.
Намаялись! уж подлинно
Отпраздновали волю мы,
Как праздник: так ругалися,
Что поп Иван обиделся
За звоны колокольные,
Гудевшие в тот день.

Такие сказы чудные
Посыпались… И диво ли?
Ходить далеко за́ словом
Не надо – все прописано
На собственной спине.

«У нас была оказия, —
Сказал детина с черными
Большими бакенбардами, —
Так нет ее чудней».
(На малом шляпа круглая,
С значком, жилетка красная,
С десятком светлых пуговиц,
Посконные штаны
И лапти: малый смахивал
На дерево, с которого
Кору подпасок крохотный
Всю снизу ободрал,
А выше – ни царапины,
В вершине не побрезгует
Ворона свить гнездо.)
– Так что же, брат, рассказывай! —
«Дай прежде покурю!»
Покамест он покуривал,
У Власа наши странники
Спросили: «Что за гусь?»
– Так, подбегало-мученик,
Приписан к нашей волости,

Барона Синегузина[16]
Дворовый человек,
Викентий Александрович.
С запяток в хлебопашество
Прыгну́л! За ним осталася
И кличка «выездной».
Здоров, а ноги слабые,
Дрожат; его-то барыня
В карете цугом ездила
Четверкой по грибы…
Расскажет он! послушайте!
Такая память знатная,
Должно быть (кончил староста),
Сорочьи яйца ел[17].

Поправив шляпу круглую,
Викентий Александрович
К рассказу приступил.

---

[16] Примечания: 16
Тизенгаузена.

[17] Примечания: 17
Примета: чтоб иметь хорошую память, нужно есть сорочьи яйца.

Про холопа примерного – Якова верного

Был господин невысокого рода,
Он деревнишку на взятки купил,
Жил в ней безвыездно тридцать три года,
Вольничал, бражничал, горькую пил,
Жадный, скупой, не дружился с дворянами,
Только к сестрице езжал на чаек;
Даже с родными, не только с крестьянами,
Был господин Поливанов жесток;
Дочь повенчав, муженька благоверного
Высек – обоих прогнал нагишом,
В зубы холопа примерного,
Якова верного,
Походя дул каблуком.

Люди холопского звания —
Сущие псы иногда:

Чем тяжелей наказания,
Тем им милей господа.
Яков таким объявился из младости,
Только и было у Якова радости:
Барина холить, беречь, ублажать
Да племяша-малолетка качать.
Так они оба до старости дожили.
Стали у барина ножки хиреть,
Ездил лечиться, да ноги не ожили…
Полно кутить, баловаться и петь!
Очи-то ясные,
Щеки-то красные,
Пухлые руки как сахар белы,
Да на ногах – кандалы!
Смирно помещик лежит под халатом,
Горькую долю клянет,
Яков при барине: другом и братом
Верного Якова барин зовет.
Зиму и лето вдвоем коротали,
В карточки больше играли они,
Скуку рассеять к сестрице езжали
Верст за двенадцать в хорошие дни.

Вынесет сам его Яков, уложит,
Сам на долгуше свезет до сестры,
Сам до старушки добраться поможет.
Так они жили ладком – до поры…

Вырос племянничек Якова, Гриша,
Барину в ноги: «Жениться хочу!»
– Кто же невеста? – «Невеста – Аришa».
Барин ответствует: – В гроб вколочу!
—
Думал он сам, на Аришу-то глядя:
«Только бы ноги Господь воротил!»
Как ни просил за племянника дядя,
Барин соперника в рекруты сбыл.
Крепко обидел холопа примерного,
Якова верного,
Барин, – холоп задурил!
Мертвую запил… Неловко без Якова,
Кто ни послужит – дурак, негодяй!
Злость-то давно накипела у всякого,
Благо есть случай: груби, вымещай!
Барин то просит, то пессни ругается,

Так две недели прошли.
Вдруг его верный холоп возвращается…

Первое дело: поклон до земли.
Жаль ему, видишь ты, стало безногого:
Кто-де сумеет его соблюсти?
«Не поминай только дела жестокого,
Буду свой крест до могилы нести!»
Снова помещик лежит под халатом,
Снова у ног его Яков сидит,
Снова помещик зовет его братом.
– Что ты нахмурился, Яша? – «Мутит!»
Много грибов нанизали на нитки,
В карты сыграли, чайку напились,
Ссыпали вишни, малину в напитки
И поразвлечься к сестре собрались.

Курит помещик, лежит беззаботно,
Ясному солнышку, зелени рад,
Яков угрюм, говорит неохотно,
Вожжи у Якова дрожмя дрожат,
Крестится: «Чур меня, сила нечистая!»
Шепчет: «Рассыпься!» (мутил его враг),

Едут… Направо трущоба лесистая,
Имя ей исстари: Чертов овраг;
Яков свернул и поехал оврагом,
Барин опешил: – Куда ж ты, куда? —
Яков ни слова. Проехали шагом
Несколько верст; не дорога – беда!
Ямы, валежник; бегут по оврагу
Вешние воды, деревья шумят…
Стали лошадки – и дальше ни шагу,
Сосны стеной перед ними торчат.

Яков, не глядя на барина бедного,
Начал коней отпрягать,
Верного Яшу, дрожащего, бледного,
Начал помещик тогда умолять.
Выслушал Яков посулы – и грубо,
Зло засмеялся: «Нашел душегуба!
Стану я руки убийством марать,
Нет, не тебе умирать!»
Яков на сосну высокую прянул,
Вожжи в вершине ее укрепил,
Перекрестился, на солнышко глянул,
Голову в петлю – и ноги спустил!..

Экие страсти Господни! висит
Яков над барином, мерно качается.
Мечется барин, рыдает, кричит,
Эхо одно откликается!
Вытянул голову, голос напряг
Барин – напрасные крики!
В саван окутался Чертов овраг,
Ночью там росы велики,
Зги не видать! только совы снуют,
Оземь ширяясь крылами,
Слышно, как лошади листья жуют,
Тихо звеня бубенцами.
Словно чугунка подходит – горят
Чьи-то два круглые яркие ока,
Птицы какие-то с шумом летят,
Слышно, посели они недалеко.
Ворон над Яковом каркнул один,
Чу! их слетелось до сотни!
Ухнул, грозит костылем господин.
Экие страсти Господни!

Барин в овраге всю ночь пролежал,
Стонами птиц и волков отгоняя,

Утром охотник его увидал.
Барин вернулся домой, причитая:
– Грешен я, грешен! Казните меня! —
Будешь ты, барин, холопа примерного,
Якова верного,
Помнить до судного дня!

«Грехи, грехи! – послышалось
Со всех сторон. – Жаль Якова,
Да жутко и за барина, —
Какую принял казнь!»
– Жалей!.. – Еще прослушали
Два-три рассказа страшные
И горячо заспорили
О том, кто всех грешней?
Один сказал: кабатчики,
Другой сказал: помещики,
А третий – мужики.
То был Игнатий Прохоров,
Извозом занимавшийся,
Степенный и зажиточный
Мужик – не пустослов.
Видал он виды всякие,

Изъездил всю губернию
И вдоль и поперек.
Его послушать надо бы,
Однако вахлаки
Так обозлились, не дали
Игнатью слова вымолвить,
Особенно Клим Яковлев
Куражился: «Дурак же ты!..»
– А ты бы прежде выслушал... —
«Дурак же ты...»
– И все-то вы,
Я вижу, дураки! —
Вдруг вставил слово грубое
Ерёмин, брат купеческий,
Скупавший у крестьян
Что ни попало, лапти ли,
Теленка ли, бруснику ли,
А главное – мастак
Подстерегать оказии,
Когда сбирались подати
И собственность вахлацкая
Пускалась с молотка.

– Затеять спор затеяли,
А в точку не утрафили!
Кто всех грешней? подумайте! —
«Ну, кто же? говори!»
– Известно кто: разбойники! —
А Клим ему в ответ:
«Вы крепостными не были,
Была капель великая,
Да не на вашу плешь!
Набил мошну: мерещатся
Везде ему разбойники;
Разбой – статья особая,
Разбой тут ни при чем!»
– Разбойник за разбойника
Вступился! – прасол вымолвил,
А Лавин – скок к нему!
«Молись!» – и в зубы прасола.
– Прощайся с животишками! —
И прасол в зубы Лавина.
«Ай драка! молодцы!»
Крестьяне расступилися,
Никто не подзадоривал,

Никто не разнимал.
Удары градом сыпались:
– Убью! пиши к родителям!
«Убью! зови попа!»
Тем кончилось, что прасола
Клим сжал рукой, как обручем,
Другой вцепился в волосы
И гнул со словом «кланяйся»
Купца к своим ногам.
– Ну, баста! – прасол вымолвил.
Клим выпустил обидчика,
Обидчик сел на бревнышко,
Платком широким клетчатым
Отерся и сказал:
– Твоя взяла! и диво ли?
Не жнет, не пашет – шляется
По коновальской должности,
Как сил не нагулять? —
(Крестьяне засмеялися.)
«А ты еще не хочешь ли?» —
Сказал задорно Клим.
– Ты думал, нет? Попробуем! —

Купец снял чуйку бережно
И в руку поплевал.

«Раскрыть уста греховные
Пришел черед: прослушайте!
И так вас помирю!» —
Вдруг возгласил Ионушка,
Весь вечер молча слушавший,
Вздыхавший и крестившийся
Смиренный богомол.
Купец был рад; Клим Яковлев
Помалчивал. Уселися,
Настала тишина.

———

Бездомного, безродного
Немало попадается
Народу на Руси.

Не жнут, не сеют – кормятся
Из той же общей житницы,
Что кормит мышку малую
И воинство несметное:
Оседлого крестьянина
Горбом ее зовут.
Пускай народу ведомо,
Что целые селения
На попрошайство осенью,

Как на доходный промысел,
Идут: в народной совести
Уставилось решение,
Что больше тут злосчастия,
Чем лжи, – им подают.
Пускай нередки случаи,
Что странница окажется
Воровкой; что у баб
За просфоры афонские,
За «слезки Богородицы»
Паломник пряжу выманит,
А после бабы сведают,
Что дальше Тройцы-Сергия
Он сам-то не бывал.
Был старец, чудным пением
Пленял сердца народные;
С согласья матерей,
В селе Крутые Заводи
Божественному пению
Стал девок обучать;
Всю зиму девки красные
С ним в риге запирался,

Оттуда пенье слышалось,
А чаще смех и визг.
Однако чем же кончилось?
Он петь-то их не выучил,
А перепортил всех.
Есть мастера великие
Подлаживаться к барыням;
Сначала через баб
Доступится до девичьей,
А там – и до помещицы.
Бренчит ключами, по двору
Похаживает барином,
Плюет в лицо крестьянину,
Старушку богомольную
Согнул в бараний рог!..
Но видит в тех же странниках
И лицевую сторону
Народ. Кем церкви строятся?
Кто кружки монастырские
Наполнил через край?
Иной добра не делает
И зла за ним не видится,

Иного не поймешь.
Знаком народу Фомушка:
Вериги двупудовые
По телу опоясаны,
Зимой и летом бос,
Бормочет непонятное,
А жить – живет по-божески:
Доска да камень в головы,
А пища – хлеб один.
Чудён ему и памятен
Старообряд Кропильников,
Старик, вся жизнь которого
То воля, то острог.
Пришел в село Усолово:
Корит мирян безбожием,
Зовет в леса дремучие
Спасаться. Становой
Случился тут, все выслушал:
«К допросу сомустителя!»
Он то же и ему:
– Ты враг Христов, антихристов
Посланник! – Сотский, староста

Мигали старику:
«Эй, покорись!» – не слушает!
Везли его в острог,
А он корил начальника
И, на телеге стоючи,
Усоловцам кричал:
– Горе вам, горе, пропащие головы!
Были оборваны, будете голы вы,
Били вас палками, розгами, кнутьями,
Будете биты железными прутьями!..

Усоловцы крестилися,
Начальник бил глашатая:
«Попомнишь ты, анафема,
Судью ерусалимского!»
У парня у подводчика
С испугу вожжи выпали
И волос дыбом стал!
И, как на грех, воинская
Команда утром грянула:
В Убой, село недальное,
Солдатики прошли.
Допросы! усмирение!

Тревога! по спопутности
Досталось и усоловцам:
Пророчество строптивого
Чуть в точку не сбылось.

Вовек не позабудется
Народом Евфросиньюшка,
Посадская вдова:
Как Божия посланница,
Старушка появляется
В холерные года;
Хоронит, лечит, возится
С больными. Чуть не молятся
Крестьянки на нее…

Стучись же, гость неведомый!
Кто б ни был ты, уверенно
В калитку деревенскую
Стучись! Не подозрителен
Крестьянин коренной,
В нем мысль не зарождается,
Как у людей достаточных,
При виде незнакомого,

Убогого и робкого:
Не стибрил бы чего?
А бабы – те радехоньки.
Зимой перед лучиною
Сидит семья, работает,
А странничек гласит.
Уж в баньке он попарился,
Ушицы ложкой собственной,
С рукой благословляющей,
Досыта похлебал.
По жилам ходит чарочка,
Рекою льется речь.
В избе все словно замерло:
Старик, чинивший лапотки,
К ногам их уронил;
Челнок давно не чикает,
Заслушалась работница
У ткацкого станка;
Застыл уж на уколотом
Мизинце у Евгеньюшки,
Хозяйской старшей дочери,
Высокий бугорок,

А девка и не слышала,
Как укололась до крови;
Шитье к ногам спустилося,
Сидит – зрачки расширены,
Руками развела…
Ребята, свесив головы
С полатей, не шелохнутся:
Как тюленята сонные
На льдинах за Архангельском,
Лежат на животе.
Лиц не видать, завешены
Спустившимися прядями
Волос – не нужно сказывать,
Что желтые они.
Постой! уж скоро странничек
Доскажет быль афонскую,
Как турка взбунтовавшихся
Монахов в море гнал,
Как шли покорно иноки
И погибали сотнями —
Услышишь шепот ужаса,
Увидишь ряд испуганных,

Слезами полных глаз!
Пришла минута страшная —
И у самой хозяюшки
Веретено пузатое
Скатилося с колен.
Кот Васька насторожился —
И прыг к веретену!
В другую пору то-то бы
Досталось Ваське шустрому,
А тут и не заметили,
Как он проворной лапкою
Веретено потрогивал,
Как прыгал на него
И как оно каталося,
Пока не размоталася
Напряденная нить!

Кто видывал, как слушает
Своих захожих странников
Крестьянская семья,
Поймет, что ни работою,
Ни вечною заботою,
Ни игом рабства долгого,

Ни кабаком самим
Еще народу русскому
Пределы не поставлены:
Пред ним широкий путь!
Когда изменят пахарю
Поля старозапашные,
Клочки в лесных окраинах
Он пробует пахать.
Работы тут достаточно,
Зато полоски новые
Дают без удобрения
Обильный урожай.

Такая почва добрая —
Душа народа русского…
О сеятель! приди!..

Иона (он же Ляпушкин)
Сторонушку вахлацкую
Издавна навещал.
Не только не гнушалися
Крестьяне Божьим странником,
А спорили о том,

Кто первый приютит его?
Пока их спорам Ляпушкин
Конца не положил:
«Эй! бабы! выносите-ка
Иконы»! Бабы вынесли;
Пред каждою иконою
Иона падал ниц:
«Не спорьте! дело Божие,
Котора взглянет ласковей,
За тою и пойду!»
И часто за беднейшею
Иконой шел Ионушка
В беднейшую избу.
И к той избе особое
Почтенье: бабы бегают
С узлами, сковородками
В ту избу. Чашей полною,
По милости Ионушки,
Становится она.

Негромко и неторопко
Повел рассказ Ионушка
«О двух великих грешниках»,

Усердно покрестясь.

О двух великих грешниках

Господу Богу помолимся,
Древнюю быль возвестим,
Мне в Соловках ее сказывал
Инок, отец Питирим.

Было двенадцать разбойников,
Был Кудеяр-атаман,
Много разбойники пролили
Крови честных христиан,

Много богатства награбили,
Жили в дремучем лесу,
Вождь Кудеяр из-под Киева
Вывез девицу-красу.

Днем с полюбовницей тешился,
Ночью набеги творил,
Вдруг у разбойника лютого
Совесть Господь пробудил.

Сон отлетел; опротивели

Пьянство, убийство, грабеж,
Тени убитых являются,
Целая рать – не сочтешь!

Долго боролся, противился
Господу зверь-человек,
Голову снес полюбовнице
И есаула засек.

Совесть злодея осилила,
Шайку свою распустил,
Роздал на церкви имущество,
Нож под ракитой зарыл.

И прегрешенья отмаливать
К Гробу Господню идет,
Странствует, молится, кается,
Легче ему не стает.

Старцем, в одежде монашеской,
Грешник вернулся домой,
Жил под навесом старейшего
Дуба, в трущобе лесной.

Денно и нощно Всевышнего
Молит: грехи отпусти!

Тело предай истязанию,
Дай только душу спасти!

Сжалился Бог и к спасению
Схимнику путь указал:
Старцу в молитвенном бдении
Некий угодник предстал,

Рек: «Не без Божьего промысла
Выбрал ты дуб вековой,
Тем же ножом, что разбойничал,
Срежь его, той же рукой!

Будет работа великая,
Будет награда за труд,
Только что рухнется дерево —
Цепи греха упадут».

Смерил отшельник страшилище:
Дуб – три обхвата кругом!
Стал на работу с молитвою,
Режет булатным ножом,

Режет упругое дерево,
Господу славу поет,
Годы идут – подвигается

Медленно дело вперед.

Что с великаном поделает
Хилый, больной человек?
Нужны тут силы железные,
Нужен не старческий век!

В сердце сомнение крадется,
Режет и слышит слова:
«Эй, старина, что ты делаешь?»
Перекрестился сперва,

Глянул – и пана Глуховского
Видит на борзом коне,
Пана богатого, знатного,
Первого в той стороне.

Много жестокого, страшного
Старец о пане слыхал
И в поучение грешнику
Тайну свою рассказал.

Пан усмехнулся: «Спасения
Я уж не чаю давно,
В мире я чту только женщину,
Золото, честь и вино.

Жить надо, старче, по-моему:
Сколько холопов гублю,
Мучу, пытаю и вешаю,
А поглядел бы, как сплю!»

Чудо с отшельником сталося:
Бешеный гнев ощутил,
Бросился к пану Глуховскому,
Нож ему в сердце вонзил!

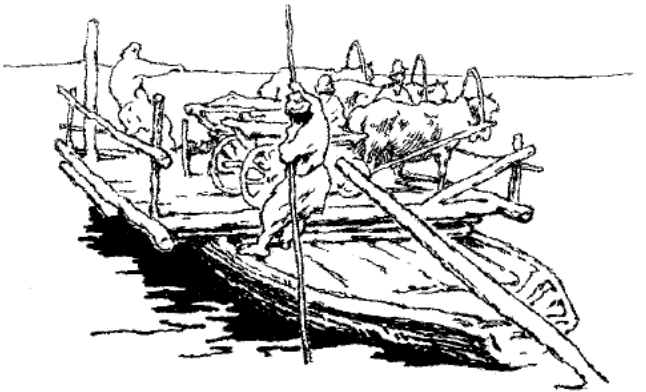
Только что пан окровавленный
Пал головой на седло,
Рухнуло древо громадное,
Эхо весь лес потрясло.

Рухнуло древо, скатилося
С инока бремя грехов!..
Слава Творцу вездесущему
Днесь и во веки веков!

———

Иона кончил; крестится;
Народ молчит. Вдруг прасола
Сердитым криком прорвало:
– Эй вы, тетери сонные!

Па-ром, живей, па-ром!



«Парома не докличешься
До солнца! перевозчики
И днем-то трусу празднуют,
Паром у них худой,
Пожди! про Кудеяра-то...»
– Паром! пар-ром! пар-ром! —
Ушел, с телегой возится,
Корова к ней привязана —
Он пнул ее ногой;
В ней курочки курлыкают,

Сказал им: – Дуры! цыц! —
Теленок в ней мотается —
Досталось и теленочку
По звездочке на лбу.
Нажег коня саврасого
Кнутом – и к Волге двинулся.
Плыл месяц над дорогою,
Такая тень потешная
Бежала рядом с прасолом
По лунной полосе!
«Отдумал, стало, драться-то?
А спорить – видит – не о чем, —
Заметил Влас. – Ой, Господи!
Велик дворянский грех!»
– Велик, а все не быть ему
Против греха крестьянского, —
Опять Игнатий Прохоров
Не вытерпел – сказал.
Клим плюнул: «Эк, приспичило!
Кто с чем, а нашей галочке
Родные галченяточки
Всего милей... ну, сказывай,

Что за великой грех?»

Крестьянской грех

Аммирал-вдовец по морям ходил,
По морям ходил, корабли водил,
Под Ачаковым бился с туркою,
Наносил ему поражение,
И дала ему государыня
Восемь тысяч душ в награждение.

В той ли вотчине припеваючи
Доживает век аммирал-вдовец,
И вручает он, умираючи,
Глебу-старосте золотой ларец.
«Гой ты, староста! береги ларец!
Воля в нем моя сохраняется:
Из цепей-крепей на свободушку
Восемь тысяч душ отпускается!»
Аммирал-вдовец на столе лежит,
Дальний родственник хоронить катит.
Схоронил, забыл! Кличет старосту

И заводит с ним речь окольную;
Все повыведал, насулил ему
Горы золота, выдал вольную…
Глеб – он жаден был – соблазняется:
Завещание сожигается!
На десятки лет, до недавних дней
Восемь тысяч душ закрепил злодей,
С роду, с племенем; что народу-то!
Что народу-то! с камнем в воду-то!
Все прощает Бог, а Иудин грех
Не прощается.
Ой мужик! мужик! ты грешнее всех,
И за то тебе вечно маяться!

———

Суровый и рассерженный,
Громовым, грозным голосом
Игнатий кончил речь.
Толпа вскочила на ноги,
Пронесся вздох, послышалось:
«Так вот он, грех крестьянина!
И впрямь страшенный грех».
– И впрямь: нам вечно маяться,

Ох-ох!.. – сказал сам староста,
Опять убитый, в лучшее
Не верующий Влас.
И скоро поддававшийся,
Как горю, так и радости,
«Великий грех! великий грех!» —
Тоскливо вторил Клим.
Площадка перед Волгою,
Луною освещенная,
Переменилась вдруг.
Пропали люди гордые,
С уверенной походкою,
Остались вахлаки,
Досыта не едавшие,
Несолоно хлебавшие,
Которых вместо барина
Драть будет волостной,
К которым голод стукнуться
Грозит: засуха долгая,
А тут еще – жучок!
Которым прасол-выжига
Урезать цену хвалится

На их добычу трудную,
Смолу, слезу вахлацкую, —
Урежет, попрекнет:
«За что платить вам много-то?
У вас товар некупленный,
Из вас на солнце топится
Смола, как из сосны!»
Опять упали бедные
На дно бездонной пропасти,
Притихли, приубожились,
Легли на животы;
Лежали, думу думали
И вдруг запели. Медленно,
Как туча надвигается,
Текли слова тягучие.
Так песню отчеканили,
Что сразу наши странники
Упомнили ее:

Голодная

Стоит мужик —

Колышется,
Идет мужик —
Не дышится!

С коры его
Распучило,
Тоска-беда
Измучила.

Темней лица
Стеклянного
Не видано
У пьяного.

Идет – пыхтит,
Идет – и спит,
Прибрел туда,
Где рожь шумит.

Как идол стал
На полосу,
Стоит, поет
Без голосу:

«Дозрей, дозрей,
Рожь-матушка!

Я пахарь твой,
Панкратушка!

Ковригу съем
Гора горой,
Ватрушку съем
Со стол большой!

Все съем один,
Управлюсь сам.
Хоть мать, хоть сын
Проси – не дам!»

———

«Ой батюшки, есть хочется!» —
Сказал упалым голосом
Один мужик; из пещура
Достал краюху – ест.
«Поют они без голосу,
А слушать – дрожь по волосу!» —
Сказал другой мужик.
И правда, что не голосом —
Нутром – свою «Голодную»
Пропели вахлаки.

Иной во время пения
Стал на ноги, показывал,
Как шел мужик расслабленный,
Как сон долил голодного,
Как ветер колыхал,
И были строги, медленны
Движенья. Спев «Голодную»,
Шатаясь, как разбитые,
Гуськом пошли к ведерочку
И выпили певцы.

«Дерзай!» – за ними слышится
Дьячково слово; сын его
Григорий, крестник старосты,
Подходит к землякам.
«Хошь водки?» – Пил достаточно,
Что тут у вас случилося?
Как в воду вы опущены?.. —
«Мы?.. что ты?..» – Насторожились,
Влас положил на крестника
Широкую ладонь.
– Неволя к вам вернулася?
Погонят вас на барщину?

Луга у вас отобраны? —
«Луга-то?.. Шутишь, брат!»
– Так что ж переменилося?..
Закаркали «Голодную»,
Накликать голод хочется? —
«Никак, и впрямь ништо!» —
Клим как из пушки выпалил;
У многих зачесалися
Затылки, шепот слышится:
«Никак, и впрямь ништо!»

«Пей, вахлачки, погуливай!
Все ладно, все по-нашему,
Как было ждано-гадано,
Не вешай головы!»

– По-нашему ли, Климушка?
А Глеб-то?..

Потолковано
Немало: в рот положено,
Что не они ответчики
За Глеба окаянного,
Всему виною: крепь!

– Змея родит змеенышей,
А крепь – грехи помещика,
Грех Якова несчастного,
Грех Глеба родила!
Нет крепи – нет помещика,
До петли доводящего
Усердного раба,
Нет крепи – нет дворового
Самоубийством мстящего
Злодею своему,
Нет крепи – Глеба нового
Не будет на Руси!

Всех пристальней, всех радостней
Прослушал Гришу Пров:
Осклабился товарищам
Сказал победным голосом:
«Мотайте-ка на ус!»
Пошло, толпой подхвачено,
О крепи слово верное
Трепаться: «Нет змеи —
Не будет и змеенышей!»
Клим Яковлев Игнатия

Опять ругнул: «Дурак же ты!»
Чуть-чуть не подрались!
Дьячок рыдал над Гришею:
«Создаст же Бог головушку!
Недаром порывается
В Москву, в новорситет!»
А Влас его поглаживал:
«Дай Бог тебе и серебра,
И золотца, дай умную,
Здоровую жену!»
– Не надо мне ни серебра,
Ни золота, а дай, Господь,
Чтоб землякам моим
И каждому крестьянину
Жилось вольготно-весело
На всей святой Руси! —
Зардевшись, словно девушка,
Сказал из сердца самого
Григорий – и ушел.

———

Светает. Снаряжаются
Подводчики. «Эй, Влас Ильич!

Иди сюда, гляди, кто здесь!» —
Сказал Игнатий Прохоров,
Взяв к бревнам приваленную
Дугу. Подходит Влас,
За ним бегом Клим Яковлев;
За Климом – наши странники
(Им дело до всего):
За бревнами, где нищие
Вповалку спали с вечера,
Лежал какой-то смученной,
Избитый человек;
На нем одежа новая,
Да только вся изорвана,
На шее красный шелковый
Платок, рубаха красная,
Жилетка и часы.
Нагнулся Лавин к спящему,
Взглянул и с криком: «Бей его!» —
Пнул в зубы каблуком.
Вскочил детина, мутные
Протер глаза, а Влас его
Тем временем в скулу.

Как крыса прищемленная,
Детина пискнул жалобно —
И к лесу! Ноги длиные,
Бежит – земля дрожит!
Четыре парня бросились
В погоню за детиною.
Народ кричал им: «Бей его!» —
Пока в лесу не скрылися
И парни, и беглец.

«Что за мужчина? – старосту
Допытывали странники. —
За что его тузят?»

– Не знаем, так наказано
Нам из села Тискова,
Что буде где покажется
Егорка Шутов – бить его!
И бьем. Подъедут тисковцы,
Расскажут. Удоволили? —
Спросил старик вернувшихся
С погони молодцов.

«Догнали, удоволили!

Побег к Кузьмо-Демьянскому,
Там, видно, переправиться
За Волгу норовит».

«Чудной народ! бьют сонного,
За что про что не знаючи...»

– Коли всем миром велено:
«Бей!» – стало, есть за что! —
Прикрикнул Влас на странников. —
Не ветрогоны тисковцы,
Давно ли там десятого
Пороли? Не до шуток им.
Гнусь-человек! Не бить его,
Так уж кого и бить?
Не нам одним наказано,
От Тискова по Волге-то
Тут деревень четырнадцать, —
Чай, через все четырнадцать
Прогнали, как сквозь строй!

Притихли наши странники.
Узнать-то им желательно,
В чем штука? да прогневался

И так уж дядя Влас.

———

Совсем светло. Позавтракать
Мужьям хозяйки вынесли:
Ватрушки с творогом,
Гусятина (прогнали тут
Гусей; три затомилися,
Мужик их нес подмышкою:
«Продай! помрут до городу!» —
Купили ни за что).
Как пьет мужик, толковано
Немало, а не всякому
Известно, как он ест.
Жаднее на говядину,
Чем на вино, бросается.
Был тут непьющий каменщик,
Так опьянел с гусятины,
На что твое вино!
Чу! слышен крик: «Кто едет-то!
Кто едет-то!» Наклюнулось
Еще подспорье шумному
Веселью вахлаков.

Воз с сеном приближается,
Высоко на возу
Сидит солдат Овсяников,
Верст на двадцать в окружности
Знакомый мужикам,
И рядом с ним Устиньюшка,
Сироточка-племянница,
Поддержка старика.
Райком кормился дедушка,
Москву да Кремль показывал,
Вдруг инструмент испортился,
А капиталу нет!
Три желтенькие ложечки
Купил – так не приходятся
Заученные натвердо
Присловья к новой музыке.
Народа не смешат!
Хитер солдат! по времени
Слова придумал новые,
И ложки в ход пошли.
Обрадовались старому:
«Здорово, дедко! спрыгни-ка,

Да выпей с нами рюмочку,
Да в ложечки ударь!»
– Забраться-то забрался я,
А как сойду, не ведаю:
Ведет! – «Небось до города
Опять за полной пенцией?
Да город-то сгорел!»
– Сгорел? И поделом ему!

Сгорел? так я до Питера! —
«Чай, по чугунке тронешься?»
Служивый посвистал:
– Недолго послужила ты
Народу православному,
Чугунка бусурманская!
Была ты нам люба,
Как от Москвы до Питера
Возила за три рублика,
А коли семь-то рубликов
Платить, так черт с тобой!

«А ты ударь-ка в ложечки, —
Сказал солдату староста, —

Народу подгулявшего
Покуда тут достаточно,
Авось дела поправятся.
Орудуй живо, Клим!»
(Влас Клима недолюбливал,
А чуть делишко трудное,
Тотчас к нему: «Орудуй, Клим!» —
А Клим тому и рад.)

Спустили с возу дедушку.
Солдат был хрупок на ноги,
Высок и тощ до крайности;
На нем сюртук с медалями
Висел, как на шесте.
Нельзя сказать, чтоб доброе
Лицо имел, особенно
Когда сводило старого —
Черт чертом! Рот ощерится,
Глаза – что угольки!

Солдат ударил в ложечки,
Что было вплоть до берегу
Народу – все сбегается.

Ударил – и запел:

Тошен свет,
Правды нет,
Жизнь тошна,
Боль сильна.

Пули немецкие,
Пули турецкие,
Пули французские,
Палочки русские!

Тошен свет,
Хлеба нет,
Крова нет,
Смерти нет.

Ну-тка, с редута-то с первого номеру,
Ну-тка, с Георгием – по́ миру, по́ миру!

У богатого,
У богатины
Чуть не подняли
На рогатину!
Весь в гвоздях забор
Ощетинился,

А хозяин-вор
Оскотинился.

Нет у бедного
Гроша медного:
«Не взыщи, солдат!»
– И не надо, брат! —

Тошен свет,
Хлеба нет,
Крова нет,
Смерти нет!

Только трех Матрен
Да Луку с Петром
Помяну добром.
У Луки с Петром
Табачку нюхнем,
А у трех Матрен
Провиант найдем.

У первой Матрены
Груздочки ядрены,
Матрена вторая
Несет каравая,

У третьей водицы попью из ковша:
Вода ключевая, а мера – душа!

Тошен свет,
Правды нет,
Жизнь тошна,
Боль сильна.

———

Служивого задергало,
Опершись на Устиньюшку,
Он поднял ногу левую
И стал ее раскачивать,
Как гирю на весу;
Проделал то же с правою,
Ругнулся: «Жизнь проклятая!» —
И вдруг на обе стал.

«Орудуй, Клим!» По-питерски
Клим дело оборудовал:
По блюдцу деревянному
Дал дяде и племяннице,
Поставил их рядком,
А сам вскочил на бревнышко

И громко крикнул: «Слушайте!»
(Служивый не выдерживал
И часто в речь крестьянина
Вставлял словечко меткое
И в ложечки стучал.)

Клим

Колода есть дубовая
У моего двора,
Лежит давно: из младости
Колю на ней дрова,
Так та не столь изранена,
Как господин служивенькой.
Взгляните: в чем душа!

Солдат

Пули немецкие,
Пули турецкие,
Пули французские,
Палочки русские.

Клим

А пенциону полного
Не вышло, забракованы
Все раны старика;
Взглянул помощник лекаря,
Сказал: «Второразрядные!
По ним и пенцион».

Солдат

Полного выдать не велено:
Сердце насквозь не прострелено!

(Служивый всхлипнул; в ложечки
Хотел ударить – скорчило!
Не будь при нем Устиньюшки,
Упал бы старина.)

Клим

Солдат опять с прошением.
Вершками раны смерили
И оценили каждую
Чуть-чуть не в медный грош.

Так мерил пристав следственный
Побои на подравшихся
На рынке мужиках:
«Под правым глазом ссадина,
Величиной с двугривенной,
В средине лба пробоина
В целковый. Итого:
На рубль пятнадцать с деньгою
Побоев...» Приравняем ли
К побоищу базарному
Войну под Севастополем,
Где лил солдатик кровь?

Солдат

Только горами не двигали,
А на редуты как прыгали!
Зайцами, белками, дикими кошками,
Там и простился я с ножками,
С адского грохоту, свисту оглох,
С русского голоду чуть не подох.

Клим

Ему бы в Питер надобно
До Комитета раненых.
Пеш до Москвы дотянется,
А дальше как? Чугунка-то
Кусаться начала!

Солдат

Важная барыня! гордая барыня!
Ходит, змеею шипит;
«Пусто вам! пусто вам! пусто вам!» —
Русской деревне кричит;
В рожу крестьянину фыркает,
Давит, увечит, кувыркает,
Скоро весь русский народ
Чище метлы подметет!

———

Солдат слегка притопывал
И слышалось, как стукалась
Сухая кость о кость,
А Клим молчал: уж двинулся

К служивому народ.
Все дали: по копеечке,
По грошу, на тарелочках
Рублишко набрался...

———

Пир кончился, расходится
Народ. Уснув, осталися
Под ивой наши странники,
И тут же спал Ионушка
Да несколько упившихся
Не в меру мужиков.
Качаясь, Савва с Гришею
Вели домой родителя
И пели; в чистом воздухе
Над Волгой, как набатные,
Согласные и сильные
Гремели голоса:

Доля народа,
Счастье его,
Свет и свобода
Прежде всего!

Мы же немного
Просим у Бога:
Честное дело
Делать умело
Силы нам дай!

Жизнь трудовая —
Другу прямая
К сердцу дорога,
Прочь от порога,
Трус и лентяй!
То ли не рай?

Доля народа,
Счастье его,
Свет и свобода
Прежде всего!..

Эпилог
Гриша Добросклонов

I

Беднее захудалого
Последнего крестьянина
Жил Трифон. Две каморочки:
Одна с дымящей печкою,
Другая в сажень – летняя,
И вся тут недолга;
Коровы нет, лошадки нет,
Была собака Зудушка,
Был кот – и те ушли.

Спать уложив родителя,
Взялся за книгу Саввушка,
А Грише не сиделося,
Ушел в поля, в луга.

У Гриши – кость широкая,
Но сильно исхудалое
Лицо – их недокармливал

Хапуга эконом.
Григорий в семинарии
В час ночи просыпается
И уж потом до солнышка
Не спит – ждет жадно ситника,
Который выдавался им
Со сбитнем по утрам.
Как ни бедна вахлачина,
Они в ней отъедалися,
Спасибо Власу-крестному
И прочим мужикам!
Платили им молодчики,
По мере сил, работою,
По их делишкам хлопоты
Справляли в городу.
Дьячок хвалился детками,
А чем они питаются —
И думать позабыл.
Он сам был вечно голоден,
Весь тратился на поиски,
Где выпить, где поесть.
И был он нрава легкого,

А будь иного, вряд ли бы
И дожил до седин.
Его хозяйка Домнушка
Была куда заботлива,
Зато и долговечности
Бог не дал ей. Покойница
Всю жизнь о соли думала:
Нет хлеба – у кого-нибудь
Попросит, а за соль
Дать надо деньги чистые,
А их во всей вахлачине,
Сгоняемой на барщину,
По году гроша не было!
Вахлак тянул «Голодную»
И без соли – приправленный
Корою – хлеб жевал.
И то уж благо: с Домною
Делился им; младенцами
Давно в земле истлели бы
Ее родные деточки,
Не будь рука вахлацкая
Щедра чем Бог послал.

Батрачка безответная
На каждого, кто чем-нибудь
Помог ей в черный день,
Всю жизнь о соли думала,
О соли пела Домнушка,
Стирала ли, косила ли,
Баюкала ли Гришеньку,
Любимого сынка.
Как сжалось сердце мальчика,
Когда крестьянки вспомнили
И спели песню Домнину
(Прозвал ее «Соленою»
Находчивый вахлак).

Соленая

Никто, как Бог!
Не ест, не пьет
Меньшой сынок,
Гляди – умрет!

Дала кусок,
Дала другой —

Не ест, кричит:
«Посыпь сольцой!»

А соли нет,
Хоть бы щепоть!
«Посыпь мукой», —
Шепнул Господь.

Раз-два куснул,
Скривил роток.
«Соли еще!» —
Кричит сынок.

Опять мукой...
А на кусок
Слеза рекой!
Поел сынок!

Хвалилась мать —
Сынка спасла...
Знать, солона
Слеза была!..

Запомнил Гриша песенку
И голосом молитвенным
Тихонько в семинарии,

Где было тёмно, холодно,
Угрюмо, строго, голодно,
Певал – тужил о матушке
И обо всей вахлачине,
Кормилице своей.
И скоро в сердце мальчика
С любовью к бедной матери
Любовь ко всей вахлачине
Слилась, – и лет пятнадцати
Григорий твердо знал уже,
Кому отдаст всю жизнь свою
И за кого умрет.

Довольно демон ярости
Летал с мечом карающим
Над Русскою землей.
Довольно рабство тяжкое
Одни пути лукавые
Открытыми, влекущими
Держало на Руси!
Над Русью оживающей

Святая песня слышится,

То ангел милосердия,
Незримо пролетающий
Над нею, души сильные
Зовет на честный путь.

———

Средь мира дольного
Для сердца вольного
Есть два пути.

Взвесь силу гордую,
Взвесь волю твердую:
Каким идти?

Одна просторная —
Дорога торная,
Страстей раба,

По ней громадная,
К соблазну жадная,
Идет толпа.

О жизни искренней,
О цели выспренней
Там мысль смешна.

Кипит там вечная
Бесчеловечная
Вражда-война

За блага бренные…
Там души пленные
Полны греха.

На вид блестящая,
Там жизнь мертвящая
К добру глуха.

Другая – тесная
Дорога, честная,
По ней идут

Лишь души сильные,
Любвеобильные
На бой, на труд

За обойденного,
За угнетенного,
Умножь их круг,

Иди к униженным,
Иди к обиженным —

И будь им друг!

———

И ангел милосердия
Недаром песнь призывную
Поет – ей внемлют чистые, —
Немало Русь уж выслала
Своих сынов, отмеченных
Печатью дара Божьего,
На честные пути,
Немало их оплакала
(Увы! звездой падучею
Проносятся они!).
Как ни темна вахлачина,
Как ни забита барщиной
И рабством – и она,
Благословясь, поставила
В Григорье Добросклонове
Такого посланца...

II

Григорий шел задумчиво
Сперва большой дорогою

(Старинная: с высокими
Курчавыми березами,
Прямая, как стрела).
Ему то было весело,
То грустно. Возбужденная
Вахлацкою пирушкою,
В нем сильно мысль работала
И в песне излилась:

В минуты унынья, о Родина-мать!
Я мыслью вперед улетаю,
Еще суждено тебе много страдать,
Но ты не погибнешь, я знаю.

Был гуще невежества мрак над тобой,
Удушливей сон непробудной,
Была ты глубоко несчастной страной,
Подавленной, рабски бессудной.

Давно ли народ твой игрушкой служил
Позорным страстям господина?
Потомок татар, как коня, выводил
На рынок раба-славянина,

И русскую деву влекли на позор,

Свирепствовал бич без боязни,
И ужас народа при слове «набор»
Подобен был ужасу казни?

Довольно! Окончен с прошедшим расчет,
Окончен расчет с господином!
Сбирается с силами русский народ
И учится быть гражданином,

И ношу твою облегчила судьба,
Сопутница дней славянина!
Еще ты в семействе раба,
Но мать уже вольного сына!..

———

Сманила Гришу узкая,
Извилистая тропочка,
Через хлеба бегущая,
В широкий луг подкошенный
Спустился он по ней.
В лугу траву сушившие
Крестьянки Гришу встретили
Его любимой песнею.

Взгрустнулось крепко юноше
По матери-страдалице,
А пуще злость брала.
Он в лес ушел. Аукаясь,
В лесу, как перепелочки
Во ржи, бродили малые
Ребята (а постарше-то
Ворочали сенцо).
Он с ними кузов рыжиков
Набрал. Уж жжется солнышко;
Ушел к реке. Купается, —
Обугленного города
Картина перед ним:
Ни дома уцелевшего,
Одна тюрьма спасенная,
Недавно побеленная,
Как белая коровушка
На выгоне, стоит.

Начальство там попряталось,
А жители под берегом,
Как войско, стали лагерем.
Все спит еще, не многие
Проснулись: два подьячие,
Придерживая полочки
Халатов, пробираются
Между шкафами, стульями,
Узлами, экипажами
К палатке-кабаку.
Туда ж портняга скорченный
Аршин, утюг и ножницы

Несет – как лист дрожит.
Восстав от сна с молитвою,
Причесывает голову
И держит наотлет,
Как девка, косу длинную
Высокий и осанистый
Протоиерей Стефан.
По сонной Волге медленно
Плоты с дровами тянутся,
Стоят под правым берегом
Три барки нагружённые, —
Вчера бурлаки с песнями
Сюда их привели.
А вот и он – измученный
Бурлак! походкой праздничной
Идет, рубаха чистая,
В кармане медь звенит.
Григорий шел, поглядывал
На бурлака довольного,
А с губ слова срывалися
То шепотом, то громкие.
Григорий думал вслух:

Бурлак

Плечами, грудью и спиной
Тянул он барку бечевой,
Полдневный зной его палил,
И пот с него ручьями лил.
И падал он, и вновь вставал,
Хрипя, «Дубинушку» стонал.
До места барку дотянул
И богатырским сном уснул,
И, в бане смыв поутру пот,
Беспечно пристанью идет.
Зашиты в пояс три рубля.
Остатком – медью – шевеля,
Подумал миг, зашел в кабак
И молча кинул на верстак
Трудом добытые гроши
И, выпив, крякнул от души,
Перекрестил на церковь грудь:
Пора и в путь! пора и в путь!
Он бодро шел, жевал калач,

В подарок нес жене кумач,
Сестре платок, а для детей
В сусальном золоте коней.
Он шел домой – не близкий путь.
Дай Бог дойти и отдохнуть!

———

С бурлака мысли Гришины
Ко всей Руси загадочной,
К народу перешли.
(В те времена хорошие
В России дома не было,
Ни школы, где б не спорили
О русском мужике.)
Ему все разом вспомнилось,
Что видывал, что слыхивал,
Живя с народом, сам,
Что думывал, что читывал,
Все – даже и учителя,
Отца Аполлинария,
Недавние слова:
«Издревле Русь спасалася
Народными порывами».

(Народ с Ильею Муромцем
Сравнил ученый поп.)
И долго Гриша берегом
Бродил, волнуясь, думая,
Покуда песней новою
Не утолил натруженной,
Горящей головы.

Русь

Ты и убогая,
Ты и обильная,
Ты и могучая,
Ты и бессильная,
Матушка-Русь!

В рабстве спасенное
Сердце свободное —
Золото, золото
Сердце народное!

Сила народная,
Сила могучая —
Совесть спокойная,
Правда живучая!

Сила с неправдою
Не уживается,
Жертва неправдою
Не вызывается, —

Русь не шелохнется,
Русь – как убитая!
А загорелась в ней
Искра сокрытая, —

Встали – не бужены,
Вышли – не прошены,
Жита по зернышку
Горы наношены!

Рать подымается —
Неисчислимая,
Сила в ней скажется
Несокрушимая!

Ты и убогая,
Ты и обильная,
Ты и забитая,
Ты и всесильная,
Матушка-Русь!..

III

«Удалась мне песенка! – молвил Гриша, прыгая. —

Горячо сказалася правда в ней великая!

Вахлачков я выучу петь ее – не всё же им

Петь свою «Голодную»... Помогай, о Боже, им!

Как с игры да с беганья щеки разгораются,

Так с хорошей песенки духом поднимаются

Бедные, забитые...» Прочитав торжественно

Брату песню новую (брат сказал: «Божественно!»),

Гриша спать попробовал. Спалося, не спалося,

Краше прежней песенка в полусне слагалася;

Быть бы нашим странникам под одною крышею,

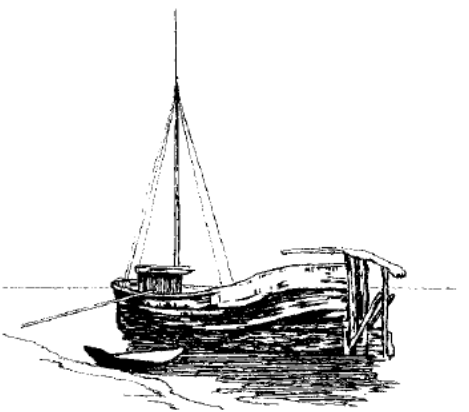
Если б знать могли они, что творилось с Гришею.

Слышал он в груди своей силы необъятные,

Услаждали слух его звуки благодатные,

Звуки лучезарные гимна благородного —

Пел он воплощение счастия народного!..



Комментарии Ю. Лебедева

Текст «Кому на Руси жить хорошо» печатается по пятому тому «Полного собрания сочинений и писем Н. А. Некрасова в пятнадцати томах» (Л.: Наука, 1981–2000).

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Впервые опубликовано:

«Пролог» — Современник. 1866. № 1;

«Поп» — Отечественные записки. 1869. № 1;

«Сельская ярмонка» — Отечественные записки. 1869. № 2;

«Пьяная ночь» — там же;

«Счастливые» — Отечественные записки. 1870. № *2;*

«Помещик» — там же.

После публикации первой части Некрасов, обдумывая дальнейший план работы, 26 февраля 1870 года обратился с письмом к поэту А. М. Жемчужникову, мнение которого высоко ценил: «Напишите мне, пожалуйста, Ваше мнение о последних главах „Кому на Руси жить хорошо“ во 2 № „Отечественных записок“. Продолжать ли

эту штуку? Еще впереди две трети работы».

Жемчужников отвечал: «Две последние главы вашей поэмы „Кому на Руси жить хорошо“, и в особенности „Помещик“, — превосходны. Поверьте, что я не желаю расточать перед Вами учтивость и комплименты. Вы желаете узнать мое мнение, и я сообщаю Вам его правдиво и серьезно. Эта поэма есть вещь капитальная, и, по моему мнению, в числе Ваших произведений она занимает место в передовых рядах. Основная мысль очень счастливая; рама обширная, вроде рамы „Мертвых душ“. Вы можете поместить в ней очень много. *Продолжайте*; без всякого сомнения *продолжайте*! И не торопитесь окончить, и не суживайте размеров поэмы. Как из Вашего вопроса: продолжать ли поэму, так и из разных других современных литературных признаков, я заключаю, что Вы не находите вокруг себя несомненной, энергичной поддержки. Не обращайте на это внимания и делайте свое дело… В первый раз я не мог прочесть всего без остановки, спокойно. Я несколько раз вскакивал со стула и прерывал чтение в избытке удовольствия. Глава „Помещик“ мне понравилась особенно, как я уже сказал. Не буду перечислять тех мест в обеих главах, которые, по моему мнению, в особенности

хороши, но укажу только на одно превосходное место; а именно — на три стиха: *удар искросыпительный* и проч., именно потому, что я прочел неодобрительный отзыв об этих трех стихах. Рецензент высказал здесь, по моему убеждению, поразительное непонимание. Этот крепостнический пафос, до которого незаметно для себя самого дошел Ваш помещик; эта лирическая высота, на которой он очутился так неожиданно и так некстати и с которой, опомнившись, сейчас же поспешил сбежать вниз, — это великолепно!»

Жемчужников прав: критические отклики на первую часть действительно не могли вдохновить Некрасова. В. Г. Авсеенко называл ее «длинной и водянистой вещью», которую «даже ревностнейшие друзья и поклонники г. Некрасова отнесли… к числу неудачнейших произведений их любимого поэта». Критик отмечал ее фельетонный характер, считая, что поэзия Некрасова является иллюстрацией «идей петербургского журнализма» и в изображении жизни слепо следует «квазинародной литературе» Решетниковых и Успенских.

Критик «Нового времени» В. П. Буренин снисходительно отнесся к «Последышу», а главы первой части назвал «слабыми и прозаичными

в целом, беспрестанно отдающими пошлостью и только местами представляющими некоторые достоинства». «Рубленые стихи» ее «режут ухо прозаичностью».

Иначе подошел к оценке эпопеи обозреватель «Киевского телеграфа». Он отмечал правдивость Некрасова в освещении народной жизни: «…Поэт перестал бы быть верным истине, потому что светлые явления в простонародье чрезвычайно редки, а поэзия, по справедливому выражению одного нашего писателя, заключается в *правде жизни*». Цитируя речь Якима Нагого, рецензент писал: «Сколько здравого смысла и жизненной правды заключается в этих немногих словах и сколько снисходительности и сочувствия могут вселить эти строки к простому и незатейливому горю крестьянина, которое, однако, вследствие его невежества, находит исход только в пьянстве».

Нельзя не заметить, что и в этом, будто бы положительном, отзыве проявляется поразительная критическая глухота к эпической широте в освещении Некрасовым народной темы. Поэма трактуется как рядовое обличительное произведение в духе старой «натуральной школы». Критик не видит масштабности созданных

Некрасовым народных характеров, жизнеутверждающего пафоса изображаемых им народных картин.

Отмечается как недостаток и свойственная природе эпического повествования композиционная рыхлость и расслабленность поэмы. Один из критиков пишет: «Поэма эта несколько растянута, в ней вы встречаете многие сцены совершенно излишние, мешающие общему впечатлению, напрасно утомляющие читателя и тем немало вредящие цельности впечатления. Но при всем том поэма Некрасова имеет неотъемлемые достоинства; в ней столько чувства, столько глубокого понимания жизни, что как-то невольно забываются все мелкие недостатки. Многие сцены этой поэмы прочувствованы и выражены так ярко и сильно, что невольно пробегаешь их по нескольку раз, и чем больше вчитываешься в них, тем прекраснее они кажутся».

Обратим внимание: критик противоречит сам себе, ведь полное понимание жизни как раз и достигается за счет полноты ее охвата вследствие нежесткой, расслабленной композиции произведения. Не замечает критика и подлинного пафоса Некрасова, подчеркивая в качестве достоинства в его произведении авторские сим-

патии к «несчастному русскому народу». Такое приземленное и одностороннее восприятие поэзии Некрасова вообще и «Кому на Руси жить хорошо» в частности опровергал Достоевский в «Дневнике писателя за 1877 год»: «Он болел о страданиях его (народа. — *Ю. Л.)* всей душою, но видел в нем не один лишь униженный рабством образ, звериное подобие, но мог силой любви своей постичь почти бессознательно и *красоту народную, и силу его, и ум его, и страдальческую кротость его и даже частию уверовать и в будущее предназначение его».*

Пролог (с. 45)

На столбовой дороженьке… — Столбовой дорогой назывался почтовый тракт с верстовыми столбами.

Семь временнообязанных… — Реформой 1861 года земля признавалась собственностью помещика, а не крестьянина, и крестьяне должны были выкупать у него усадебную землю и полевые наделы. Переход к выкупу полевого надела зависел не от желания крестьян, а от воли помещика. Крестьяне, не перешедшие на выкуп земли, назывались временнообязанными, так как обязаны были нести все повинности в пользу

помещика, как и при крепостном праве. Выкуп земли крестьянами затянулся на многие годы и был отменен лишь аграрной реформой П. А. Столыпина в 1906 году.

Подтянутой губернии <…> Неурожайна тож… — Примечательно, что, показывая через эти названия тяжелое положение крестьянства в пореформенное время, Некрасов пользовался не только услугами собственного воображения. Такие названия деревень ему подсказывала и сама жизнь. В Ярославской губернии, например, были деревни Горелово, Погорелово, Пожарово, Гари, Голодухино, Дымоглотово. В Нижегородской губернии — Горелово, Заплатино, Дырино, Несытово.

Прием символической характеристики с помощью говорящих названий употреблялся и в устном народном творчестве. В «Пословицах русского народа», собранных В. И. Далем, встречаются, например, такие поговорки: «Обыватель Голодалкиной волости, села Обнищухина».

Сошлися и заспорили… — Здесь и далее ощутимы переклички «Пролога» со сказкой «Правда и Кривда», где возникает спор о том, чем лучше жить, Правдой или Кривдой, и в поисках ответа на вопрос герои сказки пускаются в путеше-

ствие.

Мужик что бык: втемяшится <…> Всяк на своем стоит! — В стихах используются пословицы и поговорки: «Мужик что бык — упрется, не своротишь», «У упрямого на голове хоть кол теши!», «Хоть кол на голове теши — он все свое».

Так просто с недоуздочком… — Недоуздочек — узда без удил.

Так шли, куда не ведая… — Сказочный мотив: «Поди туда, не знаю куда, принеси то, не знаю что» — название одной из народных сказок.

Когда б им баба встречная, Корявая Дурандиха… — На Руси существовало поверье: если встретится женщина, то в предпринятом пути успеха не будет.

Хлестнула ведьма мерина… — «Ведьма, колдунья в деревнях XIX–XX вв. как бы персонифицирует беды, опасности и случайности, подстерегающие и преследующие крестьян. Часто ведьма является в образе женщины-всадницы» (см.: *Власова М.* Новая абевега русских суеверий. СПб., 1995. С. 70–78).

Ой тени! тени черные!.. <…> Нельзя поймать-обнять… — Стихи основаны на загадках про тень: «Что с земли не поднимешь?», «Что глазами видеть можно, а руками взять нельзя?», «Чего

не догонишь?» *Тень* — распространенная форма появления домового, особенно духа лесной избушки, хозяина лесного жилья, который может «шутить» над людьми, останавливающимися в лесу на ночлег. Появление домового-тени — дурное предзнаменование (*Власова М.* Указ. соч. С. 323).

Ну! леший шутку славную Над нами подшутил! — «Леший „водит“, сбивает с пути людей, пугает их шумом, хохотом, свистом… Кознями лешего крестьяне объясняли непонятные, трагические происшествия; в тех случаях, когда человек без видимой причины долго блуждал в лесу, говорили, что он попал „на дорогу лешего“, которая и увела его прочь с человеческих путей» (*Власова М.* Указ. соч. С. 211–212).

Косушки по три выпили… — *Косушка* — полбутылки водки.

Потом кукушка старая <…> Кому-то куковать! — По кукованию кукушек гадают о сроке наступления смерти. Когда слышат весной первую кукушку, стараются быть веселыми и позванивать имеющимися в кармане монетами или ключами — тогда весь год будешь счастливым, веселым и не иметь нужды в деньгах (Славянская мифология. М., 1995. С. 237).

Слетелися семь филинов… — «Эта птица в народе считается пагубною, потому что предвещает несчастье» (*Забелин М.* Русский народ. Его обычаи, обряды, предания, суеверия и поэзия. М., 1989. С. 281).

И ворон, птица умная… — Ворон в народных представлениях — нечистая, зловещая птица, живущая сто лет и владеющая тайнами: предсказывает смерть, войну, дает советы героям в былинах, в сказках указывает клад, в песнях приносит матери весть о гибели сына. Ворона считают нечистым оттого, что он связан с дьяволом. В народном восприятии ворон связывается с войной и кровопролитием. Если ворон каркает над головой путника, путник скоро умрет (Славянская мифология. С. 116–117).

Корова с колокольчиком, Что с вечера отбилася От стада… — Вероятно, подобно мужикам, корова попала под влияние «лешего», на его «тропу», и отбилась от стада. В славянской мифологии корова — одно из наиболее почитаемых домашних животных, требующее особой защиты от нечистой силы. В «шальных речах» мужиков ей слышится что-то недоброе.

А эхо вторит им <…> *Без языка кричит!* — Некрасов дает здесь художественную обработку

народной загадки: «Живет без тела, говорит без языка, плачет без души, смеется без радости; никто его не видит, а всяк слышит».

Ему одна заботушка — Честных людей поддразнивать, Пугать ребят и баб… — Существует поверье, что эхо в лесу — это проделки лешего: «Невидимый леший ведет себя очень шумно: он свистит, щелкает, кричит на разные голоса, визжит, дразнится, хлопает в ладоши, сродни эху и шумящему под ветром лесу» (*Власова М.* Указ. соч. С. 204).

Сова — замоскворецкая Княгиня… — В былине «Каково птицам жить на море» птицы уподобляются людям разных сословий: княгиня — лебедушка, купеческая жена — утушка, воевода — орел и т. д. *Княгиня замоскворецкая* — купеческая жена, так как Замоскворечье издревле было купеческой частью Москвы.

И молвил: «Пташка малая, А ноготок востер!» — Ср. народную пословицу: «Невелика птичка, да ноготок остер».

Не прели бы онученьки… — *Онучи* — портянки, обвертки на ноги под сапоги или лапти.

ГЛАВА I

Поп (с. 56)

Широкая дороженька, Березками обставлена… — Некрасоведы считают, что поэт здесь описывает «низовой» Ярославско-Костромской тракт, проходивший через Грешнево.

Пришла весна — сказался снег! <…> *Когда умрет, тогда ревет.* — Ср. народную загадку о снеге: «Лежит — молчит, сядет — молчит, а помрет да сгниет, так и заревет».

…Строит вас Не лишняя копеечка, А кровная беда!.. — Речь идет о пожарах, частых в русских деревнях. В тексте чернового автографа далее шли строки: «Ой вы! пожары лютые, Что вы пустили на ветер Крестьянского труда!»

Солдаты шилом бреются, Солдаты дымом греются… — Народная пословица: «Солдат шилом бреется, дымом греется».

Лука похож на мельницу <…> *Небось не полетит…* — Поэтическая вариация Некрасова на тему загадки про мельницу: «Птица-юстрица на девяти ногах стоит, на ветер глядит, крыльями машет, а улететь не может».

В чем счастие, по-вашему?.. — Священник в

данном случае отделяет христианское представление о счастье от того, какое имеют в виду странники-мужики.

Какой ценой поповичем Священство покупается… — До 1869 года существовало правило, по которому место священника предоставлялось выпускнику семинарии лишь при условии его женитьбы на дочери или наследнице своего предшественника, умершего или ушедшего на покой по возрасту.

О ком слагаете Вы сказки балагурные И песни непристойные, Кого вы называете Породой жеребячьею?.. — Положение духовного сословия в послепетровской России, где церковь оказалась в полной зависимости от светской власти, превращало священника в глазах народа в представителя этой власти. Рождались недоверие крестьян к священнослужителям, насмешка над ними, появились сказки, песни, бывальщины, в которых поп превращался в лицо комическое.

С кем встречи вы боитеся… — Народная примета: «Встретил попа — не хорош выход».

Смеется солнце красное, Как девка из снопов… — Некрасов использует здесь народное сравнение из загадки про солнце: «Красная девушка в окошко глядит».

Там с золотыми нитками Развешаны мотки… — «…Одновременно с уподоблением облаков и туч спутанным волосам возникло представление их мохнатой волною овец (руном) и куделями, из которых прядутся нити; сверх того, облака, как небесные покровы-одежда, признавались тканями, приготовленными из легкой пряжи поднимающихся с земли паров и туманов. Отсюда становится вполне понятною связь облачных дев с девами прядения и тканья и с возделыванием льна… В великорусских губерниях уверяют, что на краю света — там, где небо сходится с землею, бабы затыкают свои прялки и вальки за облака» (*Афанасьев А. Н.* Поэтические воззрения славян на природу. В 3 т. М., 1994. Т. 3. С. 128–129).

Как племя иудейское, Рассеялись помещики… — В пореформенный период значительная часть помещичьих имений разорилась и была продана. Да и преуспевающие господа предпочитали жить в столицах, нанимая для ведения хозяйства управляющих. Поэтому Некрасов сравнивает образ жизни помещиков пореформенного времени с рассеянием еврейского народа по многим странам Европы, Азии и Америки.

Законы, прежде строгие К раскольникам, смягчилися… — До 1864 года раскольники под-

вергались жестким притеснениям и находились под надзором местного духовенства, которое должно было следить за регулярностью посещения ими церковных служб. Раскольники часто откупались от этой обязанности, поэтому присутствие их в сельском приходе превращалось в негласную доходную статью для духовенства. С 1864 года надзор за раскольниками был передан гражданским властям.

Никто не вышьет во́здухов… — *Воздух* — большой покров на чашу, в которую вливается вино с водою, и на дискос — небольшое круглое блюдо на подставке, на которое полагается хлеб для освящения. Этот покров называется «воздухом», так как он знаменует то воздушное пространство, в котором явилась звезда, приведшая волхвов к яслям Спасителя.

Родится хлеб сам-друг… — то есть всего лишь вдвое по сравнению с посеянным.

Да женщины печальницы <…> И труженицы вечные… — В местах распространения отхожих промыслов все заботы по хозяйству и воспитанию детей падали на женские плечи.

За требу воздаяние… — *Треба* — отправление таинства, или священного обряда.

Дворяне колокольные <…> Поповы терема… —

Поэт использует здесь народные поговорки о священнослужителях: «Из высоких дворян, чьи терема под небеса ушли», «Из колокольных дворян».

ГЛАВА II

Сельская ярмонка (с. 68)

И облака дождливые, Как дойные коровушки… — сравнение, восходящее к индоевропейской мифологии. «В ведических гимнах говорится, „что облачные коровы струят из своих сосцов светлый мед“ (*Афанасьев А. Н.* Поэтическое воззрение славян на природу. Т. 1. С. 372). «Дождевые облака… представлялись небесными коровами, а дождь и роса метафорически назывались молоком» (*там же*. Т. 3. С. 487).

Земля не одевается <…> Печальна и нага… — Образ взят из народной загадки: «Не хилела, не болела, а саван надела». В основе этого образа — древний праславянский миф о брачном союзе Неба и Земли, Солнца и Земли: «В зимнюю пору она каменеет от стужи и делается неплодною; с приходом же весны земля, по народному выражению, „принимается за свой род“. „Не земля родит, а небо“, — выражается пахарь пословицею,

обозначая тем, что без влияния благоприятных условий, посылаемых небом, земля бессильна дать урожай». На древнем поэтическом языке травы, цветы, кустарники и деревья назывались *волосами земли.* «Признавая землю за существо живое, самодействующее (она *родит* из своей материнской утробы, *пьет* дождевую воду, судорожно *дрожит* при землетрясениях, *засыпает* зимою и *просыпается* с возвратом весны), первобытные племена сравнивали широкие пространства суши с исполинским телом, в твердых скалах и камнях видели его кости, в водах — кровь, в древесных корнях — жилы, и, наконец, в травах и растениях — волоса» (*Афанасьев А. Н.* Указ, соч. Т. 1. С. 127, 138–139).

Лишь на Николу вешнего… — Весенний Николин день празднуется 22 мая по новому стилю (Никола зимний — 19 декабря). В народной пословице сказано: «Два Николы: один с травой, другой с морозом».

Замок — собачка верная <…> А не пускает в дом… — Использована народная загадка про замок: «Черненькая собачка свернувшись лежит: не лает, не кусает, а в дом не пускает».

И праздник храмовой… — то есть праздник того святого, в честь которого в селе выстроен храм.

Есть лавки постоянные Вподобие уездного Гостиного двора… — *Гостиный двор* — торговые ряды, в которых под одной крышей располагается множество торговых лавок с разными товарами. *Гостинодворец* — купец или его помощник, торгующий в рядах.

Крестьянские шлыки… — *Шлык* — здесь в значении плохой, измятой шапки.

Десятка штофных лавочек… — *Штоф* — четырехугольная бутыль, равная $^1/_{10}$ части ведра (1 л). В штофной лавочке продавалось вино на разлив (распивочно).

Да «ренскового» погреба… — то есть лавки иностранных («рейнских») и русских виноградных вин с продажей их на вынос.

Гляди, что протянулося Крестьянских рук со шляпами… — Под предлогом занятости подносчики брали сперва под залог какую-нибудь вещь, а расплату вели уже с подвыпившими мужиками, которых легче было обмануть, обсчитать или подтолкнуть к новым питейным «подвигам».

Штаны на парнях плисовы. — *Плис* — бумажный бархат по льняной основе.

Подол на обручах! — Имитация модного в 1860-х годах кринолина: в пышную юбку для поддержания ее формы вшивались полосы из металла или

китового уса.

Стоит до Петрова! — Петров день (29 июня старого стиля) был началом сенокосной поры. «С Петрова дня красное лето, зеленый покос», — говорит народная пословица.

А ситцы те французские Собачьей кровью крашены... — Газета «Русская речь» от 7 сентября 1861 года (№ 72) писала: «В Вятском, Орловском, Котельническом, Яранском и Нолинском уездах Вятской губернии прошла молва, что хлеба плохи оттого, что многие из крестьян и крестьянок носят рубахи и головные уборы из ситца, что Бог за это прогневался, и, для умилостивления его, общества присудили отобрать у всех наряды из красного ситца, снести их в лес и закопать там в землю. Многие добровольно согласились на такую жертву и отдали свои наряды в полном убеждении, что *красная краска для ситцев приготовляется из собачьей крови* и поэтому в одежде, сшитой из этого ситца, нельзя ходить в церковь. Сказано — сделано: наряды закопали в лесу, откуда сами проповедники их вскоре украли. Узнав об этом, народ стал закапывать наряды, предварительно *изрубив их*, а другие продавали их за бесценок. Но явилось возражение, что вещь, приобретенная на деньги, полученные

через продажу *нечистой вещи*, в свою очередь становится нечистою. Крестьяне стали портить свои ситцевые наряды и бросать их в негодном к употреблению виде в реки» (с. 310).

По конной потолкалися… — Конная — место на ярмарке, где продаются лошади, а рядом — сбруя, телеги и прочие товары, обеспечивающие крестьянский труд на земле.

Косули, грабли, бороны… — Косуля — употребляемая в северо-восточной части Нечерноземного края тяжелая соха с одним лемехом, отваливающим пласт земли на одну сторону.

Там шла торговля бойкая С божбою, с прибаутками… — «Без божбы не продашь», — утверждает народная поговорка, придуманная, по-видимому, коробейниками — мелкими торговцами.

Подлец ты, не топор! <…> А ласков не бывал! — В речь мужика Некрасов вплетает образы народной загадки про топор: «Кланяется, кланяется, придет домой — растянется».

Издельем кимряков… — Село Кимры Тверской губернии издревле славилось на всю Россию производством обуви.

Башмачки козловые… — то есть сшитые из выделанной козьей шкуры (сафьяна).

Да был тут человек, Павлуша Веретенни-

ков... — В первоначальных набросках образ Павлуши Веретенникова соотносился с известными собирателями устных произведений народа, кропотливыми исследователями и знатоками его жизни и быта — П. Н. Рыбниковым и П. И. Якушкиным. Но в окончательном варианте Некрасов это сходство устранил, подчеркнув в герое юношеское верхоглядство: «миляга», «горазд <...> балясничать», «в поддевочке», с «книжечкой», «башка порожняя», готовый мерять крестьян «на мерочку господскую». В поэме показан серьезный урок, который дает Веретенникову-собирателю умный крестьянин. Именно потому, что перед нами юный энтузиаст, еще наивный и легковерный, Некрасов и дал ему фамилию П. Веретенникова, автора статей о торговле и промышленности в «Московских ведомостях» 1840-х годов.

Так рады, словно каждого Он подарил рублем! — Некрасов дает здесь авторскую вариацию известной народной поговорки: «Что взглянет, рублем подарит».

А генералов надобно? <...> А статских не желаете? — Речь идет о лубочных картинках (раскрашенных гравюрах) для народа, получивших название «лубочных» потому, что они гравировались на липовых досках (лубках). В XIX веке они

были постоянным украшением крестьянских, купеческих и мещанских изб. Картинки печатались преимущественно в Москве мастерами, жившими в подмосковном селе Измайлове. При громадном распространении лубочных картин в народе был установлен надзор духовной и светской цензуры за их производством: следили, чтобы в листах религиозного содержания не было ереси, а в изображении царских особ не нарушалось благообразие. Однако предписания на этот счет не выполнялись.

С Лубянки — первый вор! — В Москве, близ Лубянской площади, существовал знаменитый Никольский рынок, где офени и коробейники оптом покупали у московских купцов лубочные картины. Но в дни больших ярмарок и сами купцы с Лубянки приезжали на них с лубочным товаром.

Спустил по сотне Блюхера… — Речь идет о лубочной картине с изображением прусского генерала Г. Л. Блюхера (1742–1819), отличившегося в битве при Ватерлоо в 1815 году.

Архимандрита Фотия… — лубочный портрет архимандрита Фотия (в миру Петра Никитича Спасского; 1792–1838), сына новгородского дьячка, консерватора в своих религиозных убеждениях,

оказавшего большое влияние на Александра I в последний период его царствования.

Разбойника Сипко… — авантюриста середины XIX века, занимавшегося со своей шайкой подделкой денежных документов и выдававшего себя за австрийского графа Мошинского, подпоручика Скорякова или за богатого украинского помещика И. А. Сипко. В 1859 году он поселился в Петербурге и женился на богатой тверской помещице, а потом выкрал у нее весь капитал. В 1860 году он был арестован, следствие по его делу вызвало огромный интерес у жителей Петербурга, широко освещалось в печати. Вскоре, на потребу широкой и невзыскательной публики, вышла книга «Мнимый капитан Сипко» (СПб., 1860).

Сбыл книги «Шут Балакирев» и «Английский милорд»… — В 1836 году К. А. Полевой выпустил в свет «Полные избранные анекдоты о придворном шуте Балакиреве», будто бы любимце Петра I, куда на самом деле Полевой включил собрание шутовских острот всех стран, переведенных в 1780 году с немецкого Васильевым. Книга Полевого приобрела большую популярность в народе, неоднократно переиздавалась дешевыми народными изданиями. С тех пор Балакирев стал пользоваться славой остроумного шута,

не имевшего ничего общего с реальным И. А. Балакиревым (1699–1763), слугой Петра I, произведенным в шуты лишь при императрице Анне Иоанновне и сыгравшим недобрую роль в казнях и ссылках многих чиновных особ.

Книга «Повесть о приключениях английского милорда Георга и бранденбургской маркграфини Фредерики Луизы» была издана в 1782 году Матвеем Комаровым, автором многих книг, ставших популярными в народе лубочными изданиями.

И рад бы в рай, да дверь-то где? — перефразированная пословица: «И рад бы в рай, да грехи не пускают».

Комедию с Петрушкою, С козою с барабанщицей… — На сельских ярмарках и народных гуляниях пользовались особой любовью комические кукольные представления, главным героем которых был Петрушка — кукла с большим крючковатым носом, смеющимся ртом и колпаке с кисточкой. Кукольник говорил за Петрушку, применяя так называемый пищик, благодаря которому металлический, резкий голос Петрушки был слышен на далекое расстояние. Пьеса состояла, как правило, из юмористических сценок и диалогов сатирического содержания о том, как Петрушка торговал у цыгана-барышника беззу-

бую клячу и «расплачивался» с ним дубинкой, как побоями расправлялся с капралом, вербовавшим его в рекруты, с квартальным и другими представителями власти. М. Горький, характеризуя образ Петрушки, писал: «Была создана фигура, тоже известная всем народам: в Италии — это Пульчинелло, в Англии — Понч, в Турции — Карапет, у нас — Петрушка. Это непобедимый герой народной кукольной комедии, он побеждает всех и всё: полицию, попов, даже черта и смерть, сам же остается бессмертен. В грубом и наивном образе этом трудовой народ воплотил сам себя и свою веру в то, что в конце концов именно он преодолеет всё и всех» (*Горький М.* Собр. соч. М., 1953. Т. 24. С. 494). *Коза-барабанщица* — народная медвежья потеха, обязательным персонажем которой была Коза-барабанщица. «Коза», которую изображал ряженый, била в ложки или барабан, а ее действия сопровождались смешными, а чаще сатирическими рифмованными пояснениями хозяина, вожака медведя. В рифмованных монологах высмеивались знатные господа, их кичливость, преклонение перед всем иностранным, взяточничество чиновников и полиции. Вожаками и их спутниками обычно были люди из среды городских ремесленников, отставных

солдат — остроумных, бывалых людей, знающих цену шутке.

ГЛАВА III

Пь яная ночь (с. 78)

За тем этапным зданием… — зданием, где останавливались для ночлега идущие «по этапу» в Сибирь арестанты.

Победные головушки… — головушки, претерпевшие много бед и несчастий.

Ночь тихая спускается <…> Ни глупым не прочесть. — Некрасов поэтически перерабатывает здесь народную загадку про небо и звезды: «Написана грамотка по синему бархату, и не прочесть этой грамотки ни попам, ни дьякам, ни умным мужикам». В свою очередь, сама эта загадка восходит к трудам церковных писателей, уподоблявших небесный свод раскрытому свитку, на котором Божественный перст начертал таинственные письмена о своем величии и бытии мира. «Небесный свод наводил человека на вопросы: откуда солнце, луна и звезды, зори — утренняя и вечерняя, облака, дождь, ветры, день и ночь? И потому с народным стихом, посвященным космогоническим преданиям («Голубиная

книга»), соединено сказание о гигантской книге, в которой записаны все мировые тайны и которой ни обозреть, ни вычитать невозможно. С этим представлением неба книгою слилась христианская мысль о Священном Писании как о книге, писанной Святым Духом и открывшей смертным тайны создания и кончины мира; так как голубь служит символом Святого Духа, то необъятной небесной книге было присвоено название *голубиной:*

Выпадала книга голубиная,
Божественная книга, евангельская.

(*Афанасьев А. Н.* Указ. соч. Т. 1. С. 51–52).

Куда же ты, Оленушка? <…> Погладить не далась! — Стихи используют мотивы народных загадок про блоху: «Мала, а проворна; где бывает — там повелевает. Пои, корми, а погладить не дается».

Добра ты, царска грамота, Да не при нас ты писана… — Здесь сказывается критическое отношение народа к официальным документам, «царским грамотам». Это отразилось в пословице: «При нас читано, да не про нас писано». Вероятно, под «царской грамотой» тут имеются в виду Манифест 19 февраля 1861 года и «Положе-

ния об освобождении крестьян». Эти «грамоты», с одной стороны, давали прежним крепостным мужикам «права состояния свободных сельских обывателей», а с другой — относили крестьян к «податному сословию» и ставили их в зависимость от помещиков вплоть до полного выкупа нарезанной им надельной земли.

Акцизные чиновники <…> С базара пронеслись… — Служащие акцизных управлений, осуществляющие контроль за продажей спиртных напитков, собирающие питейные налоги и наживающиеся на взятках за допущенные ими «послабления».

И веник дрянь, Иван Ильич <…> Куда как напылит! — В основе этой реплики, возможно имеющей отношение к «царской грамоте», лежит народная загадка про веник: «Не велик мужичок, ножки жиденькие, подпоясан коротенько, а по избе пройдет — так пыль столбом».

Кричит священник сотскому… — *Сотский* — низший полицейский чин, выбиравшийся мужиками на деревенской сходке от каждых ста дворов. Находился в подчинении у станового пристава, возглавлявшего местную полицейскую власть в пределах административной единицы — стана.

Не веретенце, друг! <…> Пузатее становится… — Ср. народную загадку про веретено: «Чем больше я верчусь, тем больше толстею».

Кряхтят — на скалке тянутся… — Скалка — деревянный гладкий валик, служащий для раскатывания теста или катания (глажения) белья.

Умны крестьяне русские, Одно нехорошо, Что пьют до одурения… — В пореформенное время либеральные статисты, толпами бродившие по Подмосковью, собиравшие всевозможные сведения о жизни крестьянства, писали, например, в «Современной летописи „Русского вестника“ за 1862 год», что русский народ — «глубоко испорченный народ», и доказывали эту «испорченность» его «склонностью к пьянству». Именно против таких «статистов» и восстает Яким Нагой, отстаивающий далее крестьянские честь и достоинство.

Весь век пила железная Жует, а есть не ест! — В основе образа — народная загадка про пилу: «Скоро ест и мелко жует, сама не глотает и другим не дает!»

Да брюхо-то не зеркало… — Ср. народную пословицу: «Брюхо — не зеркало: что попало в него, то и чисто».

А есть еще губитель-татъ <…> Все слопает

один! — Имеется в виду пожар, опустошающий деревню. *Тать* — вор, грабитель.

По кочкам, по зажоринам… — Зажорины — здесь в значении топкого места, покрытого тонким слоем болотной растительности.

Ползком ползет с плетюхами… — Плетюха — большая высокая корзина (берестяная или лубочная) с двумя ручками для носки сена и мелкого корма.

Целковых тридцать пять… — Целковый — серебряная монета достоинством в один рубль.

Рука — кора древесная, А волосы — песок. — В духовном стихе «О Егории Хоробром» мысль о единстве человека и природы выражена так: «Волоса у них яко ковыль-трава, Тело на них — кора яловая». В «Голубиной книге» читаем: «Телеса наши от сырой земли, Кости крепкие взяты от камени, Кровь-руда от черна моря».

А свиньи ходят по́ земи — Не видят неба век!.. — Поэтическая обработка Некрасовым народной загадки про свинью: «По земле ходит, неба не видит».

Привстал — и бабу за косу, Как редьку за вихор! — Ср. загадку про редьку: «Кто ни подошел — всяк меня за вихор».

Иван кричит: «Я спать хочу!» <…> А Марьюшка:

«Угреемся!» — Использован фрагмент свадебной величальной песни.

ГЛАВА IV

Счастливые (с. 90)

Что счастие не в пажитях… — то есть не в земельных угодьях.

Весь вертоград Христов! — *Вертоград* — сад; вертоград Христов — рай. Здесь употребляется в значении «весь Божий мир».

А вся гряда — сажени три, А в поперечь — аршин! — *Сажень* — три аршина, или 213 см. *Аршин* — 71 см.

Каменотес-олончанин… — Жители Олонецкой губернии добывали и обрабатывали природный мрамор, песчаник, известняк.

Четырнадцать пудов… — то есть 224 кг, один *пуд* — 16 кг.

Что режу пеунов… — *Пеун* — петух.

Дворовый человек — при крепостном праве — человек, находившийся в услужении у помещика при барском дворе.

По да грой именуется! — *Подагра* (от *гр.* podagra — «капкан для ног») — болезнь суставов ног.

С французским лучшим трюфелем… — *Трю-*

фель — гриб, растущий под землей и употребляемый для приготовления приправы к различным блюдам.

С мякиною, с кострикою… — *Мякина* — полова, пелева, плевелы — избитый цепом хлебный колос, от которого отвеяли зерно; отходы при обмолоте хлебных злаков. *Кострика* — здесь в значении сорной травы — метелицы, овсеца, житняка.

Досыта у Губонина… — *П. И. Губонин* (1827–1894) — крупный подрядчик, занимавшийся строительством шоссейных и железных дорог. Стремился прослыть человеком, участливым к судьбе бедняков, организовавший благотворительные столовые.

Спросить Ермилу Гирина… — Одним из прототипов Ермилы Гирина был сельский староста Алексей Дементьевич Потанин (1797–1853), славившийся в народе своей честностью, отменивший решение односельчан сдать в рекруты вместо его сына вне очереди сына вдовы-крестьянки. Местность, где располагалось его село Фоминка, называлась в народе значащим меткким определением «Адовщина» (некогда она была вотчиной князей Одоевских). Некрасов, отдыхая во владимирском имении отца Але-

шунине, навещал село Фоминка и был лично знаком с Потаниным. Образ его он воссоздал в повести «Тонкий человек». В ранней редакции «Счастливых» Гирин, как и Потанин, живет под Владимиром. В окончательной редакции это указание Некрасов снял. К тому же вместо смирения и кротости Потанина он придал Ермилу Гирину твердость и непреклонность (см.: *Некрасов Н. К.* По их следам, по их дорогам // В кн.: Н. А. Некрасов и его герои. 2-е изд. М., 1979. С. 158–161).

…сиротскую Держал Ермила мельницу… — то есть мельницу, которая была взята в опеку Сиротским судом по слабоумию или смерти владельца, не имевшего наследников.

Унжа — река в Костромской губернии, впадающая в Волгу.

В палату на торги… — казенная палата, находившаяся в губернском городе и устраивавшая публичные торги, на которых вещь доставалась тому, кто назвал высшую сумму.

На площадь на торговую Пришел Ермило… — К. И. Чуковский обратил внимание, что сцена на торговой площади с рассказом о «щедрости народной» могла быть заимствована Некрасовым у П. И. Мельникова-Печерского, который в «Отчете о современном положении раскола» (1854)

рассказал о такой истории, случившейся с нижегородским купцом П. Е. Бугровым. Эту историю впоследствии использовал и сам Мельников-Печерский в первой главе романа «В лесах».

Сказали: с переторжкою… — то есть с вторичными торгами, на которых и будет установлена окончательная цена.

Целковиков, лобанчиков… — *Лобанчик* — монета с изображением головы царя, соответствующая по ценности половине империала — 5 рублям.

Крестьянской ассигнации… — *Ассигнациями* назывались тогда бумажные деньги.

Иная гривна медная… — *Гривна* — здесь в значении десятикопеечной монеты.

Весь день с мошной раскрытою… — *Мошна* — кошель, сумка, денежный мешок на вздержке или с завязью.

Слыхали про Адовщину, Юрлова-князя вотчину? — *«Адовщина»* в эпоху Некрасова принадлежала уже не Одоевским, а супруге генерал-адъютанта, графа А. Ф. Орлова, которого Некрасов превращает в Юрлова из цензурных соображений.

Тут ни строки без трешника, Ни слова без семишника, Прожженный, из кутейников… — *Трешник* — копейка серебром (три с половиной

копейки в переводе на бумажные ассигнации). *Семишник* — двухкопеечная монета (семь копеек на ассигнации). *Кутейник* — от слова «кутья» — насмешливое прозвище семинаристов и лиц духовного звания. Кутья — рисовая каша с изюмом и медом, подаваемая на поминках.

Бурмистра выбирать… — Бурмистр — поставленный от помещика над вотчиной староста из крестьян, исполняющий одновременно должность управляющего имением. В данном случае Ермила Гирин сменил на этом посту «корпуса жандармского полковника со звездой».

В семь лет мирской копеечки… — Мирской — то есть принадлежащий крестьянскому миру, кому-то из крестьян, входивших в «мир» данной вотчины.

Что в деннике с веревкою… — Денник — просторное стойло в конюшне, с затвором, где лошадь стоит без привязи.

Чтоб мы им помирволили… — Мирволить — давать волю на худое, баловать, давать потачку, поблажку. От слова «мир» в значении крестьянской сходки, «мира», где сообща решались семейные конфликты, судились по совести мелкие преступления.

Сам государев посланный К народу речь дер-

жал… — После обнародования Манифеста 19 февраля 1861 года в стране начались стихийные крестьянские волнения, охватившие около двух тысяч помещичьих имений. Александр II командировал тогда в губернии флигель-адъютантов и генерал-майоров из своей свиты, дав им право «действовать именем высочайшей власти». Бунтующие мужики заявляли: «Земля наша, леса, луга, господские строения — все наше, а барину нет ничего».

ГЛАВА V

Помещик (с. 111)

Гаврилу Афанасьича Оболта-Оболдуева… — Помещики с фамилией Оболдуевы существовали во Владимирской губернии, где Некрасов часто охотился, проживая в Алешунине. Ярославский историк и писатель К. Ф. Яковлев показал, что в рассказе помещика проскальзывают биографические мотивы, связанные с жизнью, повадками и привычками отца поэта, Алексея Сергеевича Некрасова.

Венгерка с бранденбурами… — куртка для верховой езды, расшитая золотыми шнурами, как у венгерских гусар.

Он пистолетик выхватил… И дуло шестиствольное На странников навел… — Имеется в виду не пистолет, а револьвер архаической конструкции: шестизарядный, представляющий из себя вращающийся шестиствольный барабан с зарядами в укороченных стволах.

С медведями Немало их шатается, Прохвостов, и теперь… — Мужики комически снижают пафос помещика, сравнивая его пращура с современными скоморохами, вожаками медведей по сельским ярмаркам.

А ты, примерно, яблочко С того выходишь дерева? — Иронический смысл крестьянского вопроса раскрывает пословица, которую мужики держат в подтексте своего вопроса: «Каково деревце, таковы и яблочки» или «Яблоко от яблони недалеко падает».

Борзовщики-разбойники… — *Борзовщик* — охотник, стоящий с борзыми собаками в поле на опушке и спускающий их с поводка при появлении зайца, волка или лисы.

А там, в лесу, выжлятники… — *Выжлятник* — старший псарь, который водит стаю гончих, напуская ее на поиск зверя и сзывая по окончании травли.

Сто гончих в напуску… — сто гончих в смычке,

готовых к спуску на поиск зверя.

Я в воскресенье Светлое… — Имеется в виду великий праздник Пасхи — Воскресения Христова.

Двунадесятым праздником… — Двунадесятыми назывались двенадцать важнейших христианских праздников после Пасхи: Рождество Богородицы, Введение во храм, Благовещение, Рождество Христово, Сретение, Крещение, Преображение, Вход в Иерусалим, Вознесение, День Св. Троицы, Успение Божией Матери и Воздвижение.

Крестьяне всё подрядчики… — то есть крестьяне, подряжавшиеся на работы, уходившие в отхожие промыслы.

Небось не к Кривоногову… — Имеется в виду Я. А. Кривоногов — петербургский купец-виноторговец, торговавший под видом иностранных винами собственного изготовления.

Поляки пересыльные… — Имеются в виду ссылаемые в Сибирь поляки, участники Польского восстания 1863 года.

Да глупые посредники… — Речь идет о «мировых посредниках», призванных способствовать «полюбовным соглашениям» между помещиками и крестьянами по разделу земли и подписанию «уставных грамот». В «мировые посредники»

первого призыва попало немало людей передового образа мысли, отстаивавших интересы крестьян. Туда вошли многие из вернувшихся с поселений в Сибири декабристов. Отсюда идет уничижительная их характеристика из уст помещика-крепостника.

Дормезов шестерней… — *Дормез* — длинная дорожная карета, в которой можно было лежать, вытянувшись во весь рост, и в которую цугом (гуськом) впрягалось шесть лошадей.

Носил ливрею царскую… — то есть носил одежду царского слуги, служил царю и отечеству в военной или другой государственной службе.

КРЕСТЬЯНКА

Впервые опубликовано: Отечественные записки. 1874. № 1, с подзаголовком: «Кому на Руси жить хорошо (Из третьей части)».

Замысел «Крестьянки» возник у Некрасова в самом начале работы. Исследователи его творчества обратили внимание, что в раннем наброске глав и эпизодов встречаются две записи: «Баба — конь в корене» и «Губернаторша». Первая запись говорит о намерении показать волевой и независимый женский характер, а вторая —

подчеркнуть его исключительность в мнении односельчан.

Обратим внимание, что в рассказе Матрены Тимофеевны о жизни «до замужества» Некрасов использует автобиографию народной сказительницы Ирины Федосовой, включенную в собранную Е. В. Барсовым и вышедшую в 1872 году книгу «Причитания Северного края». Некрасов читает эту книгу вместе с «Песнями, собранными П. Н. Рыбниковым» (СПб., 1861–1867. Т. 1–4), делает выписки и в творчески переработанном виде включает причитания и бытовые песни в рассказ героини. Установили, что в главе «Демушка» поэт использует плачи Ирины Федосовой «О старосте», «О писаре», «Об убитом громом-молнией», а в главе «Трудный год» звучат мотивы «Плача по мужу» (см.: Беседина Т. А. Крестьянка Матрена Корчагина (О приемах типизации в творчестве Н. А. Некрасова)// В кн.: Очерки по истории русской литературы. Л., 1966; *Чуковский К. И.* Мастерство Некрасова. 4-е изд. М., 1962. С. 424–670).

В то же время Н. Н. Скатов справедливо утверждает, что создать активный женский характер, складывающийся в борьбе и преодолениях, нельзя, исходя «только из устного народного творчества, даже из такой оперативной его

формы, как песня, не говоря о более архаичных причитаниях». Исследователь считает, что «образ героини поэмы вырос на вполне реальной жизненной основе, которую во многом дал Ярославско-Костромской край».

Действие «Крестьянки» «совершается в Костромской губернии на реке Корёге, впадающей в реку Кострому в Буйском уезде. Известно, что бассейн реки Костромы был местом постоянных охотничьих скитаний поэта». Но дело не только во внешних приметах, но еще и в том, что сам «женский тип этой местности был благодатным материалом, отвечающим сущности некрасовского замысла». Особые условия жизни формировали особый тип людей, и, в частности, особый тип русской женщины-крестьянки. Важнейшим из этих условий Н. Н. Скатов считает отходничество, ведь муж Матрены Тимофеевны — «Филипп Корчагин — питерщик, по мастерству печник». Как влиял отход на женский характер? В качестве исторического свидетельства Н. Н. Скатов приводит описание женского типа в соседнем с Буйским Солигаличском уезде Костромской губернии, сделанное известным костромским статистиком прошлого века Д. Н. Жбанковым.

«Солигаличская крестьянка и ее жизнь резко

отличается от крестьянок оседлых уездов… Всякому, посетившему летом северо-западную часть Костромской губернии, невольно вспомнится мифологическое царство амазонок. Всегда и везде, во всех проявлениях крестьянской жизни, на всех работах наблюдается поразительное преобладание женщин. И действительно, благодаря отсутствию в это время мужчин женщины являются главными хозяйками и почти единственными работницами. Привыкшая обходиться одна, без мужской власти и помощи, солигаличанка вовсе не похожа на забитую крестьянку земледельческой полосы: она независима, самостоятельна, полная хозяйка дому не только без мужа, но и при нем, так как мало сведущие в хозяйстве мужья невольно подчиняются женам. И вообще равенство женщины с мужчиной сказывается почти везде и во всем» (см.*: Скатов Н. Н.* О реальных источниках поэмы Некрасова «Кому на Руси жить хорошо»// Литература в школе. 1964. *№* 4).

Публикация «Крестьянки» в журнале «Отечественные записки» не принесла поэту удовлетворения. С резкой критикой ее вновь выступил В. Г. Авсеенко, который не принимал того «направления в литературе», «выразителем» которого был Некрасов. Авсеенко увидел в «Крестьянке»

«литературное падение» автора, произведение, стоящее «ниже самой снисходительной критики».

Другой критик, П. Павлов, увидел в «Крестьянке» преувеличение тягот народной жизни, сентиментально-слезливое хныканье: «В сущности, не так горько живется Матрене, как поэту это доказать хочется» (Гражданин. 1874. № 10).

В. П. Буренин обвинил Некрасова в «поэтизации рабской терпеливости» народа, в «фальшивом, деланном простонародничанье»: история Матрены «может быть так изобретена и, главное, так рассказана только в роскошном кабинете человека, имеющего барское представление о горечи крестьянской семейной жизни». По поводу народной песни «Мой постылый муж» Буренин, не зная о ее фольклорном происхождении, заявлял: «Чудесно и необыкновенно реально! Так реально, что такого грубого реализма не обнаружит сам народ в своих безыскусственных песнях» (Санкт-Петербургские ведомости. 1874. № 10).

В защиту Некрасова против выпадов Авсеенко выступила «Неделя». Показывая несостоятельность этой статьи, рецензент писал, что в лице Матрены Тимофеевны Некрасов создал образ крестьянки, «перед которым русский читатель,

обладающий сердцем, родственным своему народу, готов преклониться с благоговением» (Неделя. 1875. № 14).

Пролог (с. 127)

Уж налились колосики. Стоят столбы точеные… — В описание созревших хлебов Некрасов включает образы народной загадки: «На поле ногайском, на рубеже татарском стоят столбы точеные, головки золоченые».

Не столько росы теплые, Как пот с лица крестьянского… — Авторская интерпретация пословицы: «Не столько роса с неба, сколько пот с лица» (орошает ниву).

Ты тем перед крестьянином <…> На рожь, что кормит всех… — Авторская переработка пословицы: «Матушка рожь кормит всех дураков сплошь, а пшеничка — по выбору».

Горох, что девку красную <…> На семьдесят дорог! — Объединение пословицы («Горох в поле — что девка в доме: кто ни пройдет, всяк щипнет») и загадки про небо, звезды или град («Рассыпался горох на двенадцать (на семьдесят) дорог»).

Такая свекла добрая! Точь-в-точь сапожки красные… — Ср. загадку про свеклу: «Красненькие сапожки в земельке лежат».

Над домом башня высится… — Здесь и далее дается описание усадьбы Карабиха в тот момент, когда Некрасов купил ее у князей Голицыных в 1861 году.

Как прусаки слоняются… — *Прусаки* — рыжие тараканы.

…у девок каменных Отшибены носы! — то есть у садовых мраморных или гипсовых скульптур.

Есть дьякон… тоже с голосом… — «Голосистых дьяконов, не найдя в своей, ищут по другим епархиям; красноречивых священников переманивают предложениями добавочного содержания» (*Максимов С. В.* Бродячая Русь// Отечественные записки. 1874. № 9. С. 75).

ГЛАВА I

До замужества (с. 138)

В день Симеона батюшка <…> По пятому годку… — День Симеона-столпника, получивший в народе название Симеона-летопроводца, отмечается 14 сентября по новому стилю и знаменует начало бабьего лета. В Семин день существовал обычай «вывода из младенчества», когда совершался постриг и сажание на коня. «Для сего созывают родных, приглашают кума с кумой.

После молебствия отец подает куму ножницы, а кум выстригает у крестника *гуменцо.* Выстриженные волосы кума передает матери. Волосы зашивали в ладанку. Кум и кума выводили своего крестника на двор, где отец ожидал их с конем, а мать расстилала для них ковер. Здесь кум, на ковре, передавал своего крестника отцу с ласковым словом, а отец, принимая своего сына (или дочь), с поклоном сажал на коня. После сего кум водил коня по двору за узду, а отец придерживал сына. У крыльца отец снимал сына с коня и передавал его куму; кум отдавал его из-под полы своей куме с поклонами; кума с ласковым словом вручала его матери. Наконец, отец с матерью одаривали кума с кумой, а они крестника» (*Сахаров П. И.* Сказания русского народа // Народный дневник. Праздники и обычаи. СПб., 1885. С. 126).

Наян — нахал, назойливый ухажер.

Я личиком разгарчива, А матушка догадлива… — Словосочетание, часто употребляемое в народных песнях: «Мое личико разгарчивое, Моя матушка догадливая».

Святки — период с Рождества до Крещения, отмеченный праздничным разгулом, ряжением, катаниями с гор, всевозможными проказами молодежи.

Гарнитур — здесь: плотная шелковая ткань.

Ты стань-ка, добрый молодец <…> Я вся тут такова! — Художественная обработка Некрасовым свадебного причитания: «Становись-ка, млад отецкий сын <…> Мне-ка жить бы да не плакаться» (*Рыбников П. Н.* Указ. соч. Т. 3. С. 374). При этом причитании жених и невеста становились на одну доску (половицу) и смотрели друг другу в глаза.

ГЛАВА II

Песни (с. 143)

На широкий двор <…> Кто непряхою… — Поэт использует широко распространенные мотивы народной песни о том, как молодую «от венчаньица ведут к свекру-батюшке на двор». Ее разные варианты зафиксированы в сборниках Рыбникова, Якушкина, Соболевского, Шейна и др. Но Некрасов отбрасывает типичный для всех вариантов финал, где молодая жена отвечает на брань еще более грубо, а на оплеуху мужа — оплеухой.

Деверь — брат мужа. *Золовка* — сестра мужа.

Спится мне, младешенькой, дремлется <…> Сонливая, дремливая, неурядливая! — Некрасов

использовал здесь народную песню, почти не перерабатывая ее, он лишь исключил смягчающий драматизм финал, где «мил-любезный» муж утешает «загоненную, заброненную» жену.

Не плюй на раскаленное Железо — зашипит! — Ср. народную пословицу: «Шипит, как каленое железо, когда плюнешь».

Любить-голу бить некому, А есть кому журить… — Некрасов использует народное речение: «Журить, бранить есть кому, а жаловаться некому».

Надула в уши свекру… — *Надуть в уши* — просторечное фразеологическое выражение, означающее — наговорить напраслину.

Что рожь добрее родится Из краденых семян… — Народное поверье: «Краденые семена лучше родятся».

В Екатеринин день… — 7 декабря по новому стилю. «С этого дня начинаются в городах зимние гуляния на санях. В старину к этому гулянию бывали особенные приглашения. В дом богатого и зажиточного семьянина, где была осенняя свадьба, сходились все родные смотреть, как поедут новобрачные. За молодыми снаряжался длинный поезд всех родных. Здесь впервые показывалась молодая после свадьбы и, по старому обычаю,

должна была раскланиваться всем соседям. Сани новобрачных всегда отличались перед другими: их или расписывали красками с выводами, или подзолачивали сусальным золотом. Боярские сани украшали волчьи меха. Поездом новобрачных управляли самые близкие родственники. Свекор и свекровь, отправляя свою невестку на гуляние, просили провожатых беречь молодую от всякой беды, а более всего от лихого глаза. Подле порога, в сенях, постилали овчинную шубу навыворот. Когда приезжали с гуляния, на этой шубе свекор и свекровь встречали свою невестку. Здесь провожатые сдавали с рук на руки молодых. Вечерняя пирушка оканчивала торжество» (*Сахаров И. П.* Указ, соч. С. 149–150).

У ней коты разбилися… — *Коты* — теплые женские полусапожки.

Мой постылый муж <…> *Кровь побрызнула…* — игровая хороводная песня, распространенная в разных вариантах. Некрасов исключил в ней начало, где рассказывается, что жена разгулялась с дружком и, виноватая, возвращается домой. Ее встречает разгневанный муж.

Филипп на Благовещенье ушел… — *Благовещенье* — православно-христианский праздник в честь Девы Марии, получившей благую весть о

грядущем рождении Христа. Отмечается 7 апреля по новому стилю. В народе этот праздник связывается еще и с наступлением весны: «На Благовещенье весна зиму поборола».

…а на Казанскую я сына родила… — Казанская — праздник в честь чудотворной иконы Казанской Божией Матери, отмечается два раза в год: 21 июля и 4 ноября по новому стилю.

ГЛАВА III

Савелий, богатырь святорусский (с. 150)

…Ему уж стукнуло По сказкам сто годов… — Имеются в виду *ревизские сказки* — списки принадлежащих помещику крестьян с указанием их возраста, составлявшиеся по объявляемой верховной властью переписи (ревизии) населения.

Читает святцы, крестится… — Святцы — месяцеслов, книга, в которой дается подневное перечисление памяти святых, приводятся тексты церковных песнопений (тропарей), описание жизни святых, краткое изложение содержания церковных праздников, поучения ветхозаветных пророков и новозаветных апостолов, избранные молитвы.

Эх вы, Аники-воины! — Аника-воин — герой рус-

ских былин и духовных стихов, самоуверенный, хвастливый и трусливый.

Надумалась Корёжина… — Корёжина — лесной край на реке Корёге в Буйском уезде Костромской губернии.

Во времена досюлъные… — Досюлъные — прежние, старые времена.

Недаром есть пословица, Что нашей-то сторонушки Три года черт искал. — Имеется в виду пословица: «Буй да Кадуй черт три года искал, трои лапти истоптал».

Поднес нам травнику… — Травник — водка, настоянная на травах.

Домой под подоплекою… — Подоплёка — подкладка рубахи на плечах.

Под Варною убит… — во время осады города-крепости Варна на Черном море в Болгарии в сентябре 1828 года, в период русско-турецкой войны.

Илья-пророк <…> На колеснице огненной… — Согласно ветхозаветному библейскому преданию, Илья-пророк вознесся в вихре на небо в огненной колеснице с огненными конями. В представлении русского крестьянина «на огненной колеснице могучий седой старец с грозными очами разъезжает из конца в конец по беспредельным

небесным полям, и карающая рука его сыплет с надзвездной высоты огненные каменные стрелы, поражая испуганные сонмы бесов и преступивших закон Божий сынов человеческих… Таков, по воззрениям народа, Илья-пророк, олицетворяющий праведный гнев Божий. Повсюду на Руси он именуется «грозным», и повсюду день, посвященный его памяти (2 августа по новому стилю), считается одним из самых опасных. Во многих местах крестьяне даже постятся всю ильинскую неделю, чтобы предотвратить гнев пророка и спасти от его стрел свои поля, свои села и скотину… Приписывая пророку Илье власть производить гром и молнию и направлять тучи по своему усмотрению, то есть отдавая в его руки самые страшные и вместе с тем самые благодетельные силы природы, наш народ твердо верит, что плодородие земли есть дело пророка и что без его воли не может быть урожая» (*Максимов С. В.* Крестная сила. М., 1993. С. 480, 483).

Покамест тягу страшную <…> Не слезы — кровь течет… — Отзвук былины о Святогоре и тяге земной: «Кабы я тягу нашел, Так всю бы землю поднял», — храбрится богатырь. Но, пытаясь поднять суму переметную с земной тягой, он по колени увязает в землю, «а по белу лицу не слезы,

а кровь течет».

Кабак… острог в Буй-городе… — *Буй* — уездный город в Костромской губернии, неподалеку от Корёжской волости.

По манифесту царскому Попал опять на родину… — В день коронации 26 августа 1856 года Александр II издал манифест, по которому были освобождены многие преступники, в том числе и государственные — декабристы и петрашевцы.

ГЛАВА IV

Демушка (с. 161)

Налой и крест поставили… — *Налой* — искаженное от «аналой» — высокий столик с откосом для Евангелия и креста рядом с ним. Понятые и ответчики перед допросом давали присягу перед этими святынями, что они будут говорить только правду.

Становой (становой пристав) — чиновник уездной полиции, стоящий во главе полицейской административной единицы в тогдашней России — стана. Он занимался проведением следствий по случившимся в его стане преступлениям, взимал с крестьян налоги и недоимки, следил за соблюдением нравственных законов жителями

своего стана.

Ни новины, пропащая… — *Новина* — рулон сурового домотканого холста длиной до 30 аршин (21 м).

Высоко Бог, далёко царь… — Народная пословица: «До Бога высоко, до царя далеко».

ГЛАВА V

Волчица (с. 172)

До Спаса не беру… — Имеется в виду Второй Спас, или праздник Преображения Господня, отмечающийся 19 августа по новому стилю. В народе он получил название Яблочного Спаса, так как с этого времени разрешается есть садовые плоды и огородные овощи. «Сообразно с этим в день 6 августа вся паперть в приходских церквах бывает заставлена столами, на которых навалены горы гороха, картофелю, огурцов, репы, брюквы, ржи, ячменя, яблок и проч. Все эти плоды урожая священник благословляет после обедни и читает над ними молитву, за что благодарные прихожане ссыпают ему в особые корзины так называемые начатки, то есть понемногу от каждого сорта принесенных плодов. После освящения и благословения крестьяне набожно осеняют себя

крестом и разговляются яблоками. Есть плоды до этого времени считается большим грехом, и если кому случится, по забывчивости или невоздержанию, попробовать яблок раньше срока, то такой человек не должен есть их в течение сорока дней после Спаса, чтобы тем искупить свою вину. Особенно должны воздерживаться от преждевременного вкушения плодов те крестьяне, у которых умерли в младенческом возрасте дети, так как на том свете на серебряных деревьях растут золотые яблочки и эти яблочки раздаются только тем умершим детям, родители которых твердо помнят закон и строго воздерживаются от употребления плодов до Второго Спаса» (*Максимов С. В.* Крестная сила. С. 489).

Платочком обметала я Могилу, чтобы травушкой Скорее поросла… — «Приходя на могилу, родные во многих местах Олонецкой губернии обыкновенно платком обметают и очищают могильный холм, чтобы свободнее вырастала на нем зеленая дуброва» (примеч. Е. В. Барсова к первому тому «Причитаний северного края»). За этим обрядом скрывается древнее верование о переходе души усопших в цветы, травы или деревья, растущие на могиле. «В песенных сборниках всех европейских народов можно указать на

многие свидетельства, что на могилах юноши и девицы, умерших от несчастной любви, вырастает лилия, боярышник и другие цветы и деревья, а на могилах злых, завистливых людей — крапива, волчец и разные вредные зелья» (*Афанасьев А. Н.* Указ. соч. Т. 2. С. 500).

В Песочный монастырь… — Игрицкий Богородицкий монастырь на речке Песошне, притоке Волги, в пятнадцати верстах от Костромы, по знакомому Некрасову низовому Ярославско-Костромскому тракту. На месте монастыря в древности было вымершее село с опустевшим, заброшенным храмом. 12 июня 1620 года местные пастухи случайно заглянули в этот храм и увидели в алтаре на престоле икону Смоленской Божией Матери, оказавшуюся чудотворной. В честь этой иконы был построен новый храм, а в 1625 году открыт монастырь. Он назывался Игрицким от урочища Игрищи, близ которого был построен и где в древние времена совершались народные игры.

Три петли: шелку белого <…> А третья — шелку черного.. — Некрасов использует здесь фольклорный, былинный образ: «Первую петелку шелку да красного… Вторую петелку шелку да белого… Третью петелку шелку да черного» — из былины

«О царе Саламане, царице Саламании и прекрасном царе Василье Окульевиче» (*Рыбников П. Н.* Указ, соч. Т. 2. С. 298).

По средам и по пятницам… — Среда и пятница — по православному вероучению — постные дни.

ГЛАВА VI

Трудный год (с. 180)

В тот год необычайная Звезда играла на небе… — Очевидно, имеется в виду комета 1858 года, о которой И. С. Тургенев писал: «Были прекрасные ночи, величественные, тихие и ясные, с большим хвостом кометы, сверкающим таинственно в небе». По народным представлениям, «метлы» (кометы) небо подметают перед Божьими стопами и предвещают гнев Господень — войну, мор или другие бедствия.

Да только на Антихриста… — Согласно православно-христианскому вероучению, перед вторым пришествием Иисуса Христа в силе и славе и Страшным Судом на земле на короткое время возьмет верх Сатана и над всеми народами воцарится Антихрист.

Рубаху чистую Надела в Рождество… — Не-

красов ссылается на В. И. Даля, имея в виду «Толковый словарь живого великорусского языка», в котором эта примета зафиксирована: «На Рождество не надевай чистой рубахи, разве обновишь суровую, а то жди неурожая».

На сходку свекор-батюшка Отправился… — Рекрутов от деревенского мира по списку очередников утверждал «мирской сход» — главный орган крестьянского самоуправления, состоявший из работоспособных мужиков-общинников, жителей деревни.

Да правды из мошейника <…> *Что тени из стены…* — Некрасов использует здесь фольклорные образы из загадки о тени: «Чего из стены не вырубишь?»

Задарен… все задарены… — Бурмистр, деревенский староста, а порой и вся мирская сходка подкупались богатыми мужиками-общинниками, чтобы уберечь своих сыновей от рекрутчины.

Нет мужа, нет заступника! — Ср. народную пословицу: «Есть дружок — есть заступничек».

Построились в ряды… — Матрене Тимофеевне представляется тут самое страшное наказание, которое существовало в армии тех лет — прогон сквозь строй.

На горе стоит елочка <…> *Леса темны, караулы*

есть… — Некрасов использует народную песню, записи которой есть в сборниках И. П. Сахарова, А. И. Соболевского, П. В. Шейна.

ГЛАВА VII

Губернаторша (с. 186)

Спасибо ветру зимнему <…> Рассудок воротил… — Некрасов схватывает в религиозном сознании народа отголосок древних языческих верований. В «Голубиной книге» сказано: «У нас белый вольный свет зачался от Суда Божия, Солнце красное от лица Божия, Самого Христа, Царя Небесного, Млад светел месяц от грудей Божиих, Звезды частые от риз Божиих; Ночи темные от дум Господних, Ветры буйные от Свята Духа, Дробен дождик от слез Христа, Самого Христа, Царя Небесного».

Рабочий конь солому ест, А пустопляс — овес! — Ср. народную пословицу: «Рабочий конь на соломе, а пустопляс на овсе». *Пустоплясами* в народе звали барских, нерабочих, легковых лошадей.

Торговцы-колотырники… — мелкие торговцы, перекупщики.

Стоит из меди кованный <…> «Чей памят-

ник?» — Сусанина… — Некрасов ставит в полный рост единственный тогда на Руси памятник простому костромскому мужику, спасителю царя и отечества. Реальный памятник скульптора В. И. Демут-Малиновского, установленный в Костроме на Сусанинской площади в 1851 году, выглядел так: «У колонны (на которой возвышался бюст царя Михаила Романова. — *Ю. Л.)* на коленях, в молитвенном положении, с очами, устремленными на небо, с любовью к царю во взоре и с твердым упованием на Бога, с мужественной готовностью умереть, изображен тот, в честь подвига которого благодарное потомство воздвигает этот памятник. Изображение Сусанина сделано из бронзы; он представлен молящимся; руки его сложены на груди, может быть, как бы в минуту смерти; Сусанин представлен обхватившим руками висящий у него на шее тельник» (нательный крест. — *Ю. Л.)* (Московские ведомости. 1850. № 103).

Шандал да самовар… — Шандал — подсвечник.

А силой тот не хвастайся, Кто сна не поборал! — Ср. народные загадки про сон: «И рать и воеводу в один мах перевалял», «Кого не осилит ни князь, ни псарь, ни княжий выжлок?» (то есть гончая собака).

ГЛАВА VIII

Бабья притча (с. 195)

Уж взяли одного! — то есть взяли в рекруты.

Не Бог стрелой громовою Во гневе грудь пронзил… — «Русские, сербы, литовцы и немцы одинаково убеждены, что молния есть стрела Божия и всегда бьет в то место, где бывает дьявол… Наши простолюдины верят, что убитый грозою человек очищается от своих грехов, потому что бывает невинною жертвою укрывавшегося за ним дьявола» (*Афанасьев А. Н.* Указ. соч. Т. 1. С. 264, 266).

У Гроба Иисусова Молилась, на Афонские Всходила высоты, В Иордань-реке купалася… — Паломничество в Палестину ко Гробу Господню, к реке Иордан, в которой Иоанн Креститель крестил Иисуса Христа, было очень распространенным в дореволюционной России. На горе Афон в Греции существует один из древнейших православных мужских монастырей, но паломницы-женщины в афонские обители никогда не допускались.

ПОСЛЕДЫШ (с. 199)

Впервые: Отечественные записки. 1873. № 2, с заголовком «Кому на Руси жить хорошо. Часть вторая. Глава 1. Последыш».

Критика начала свои упреки в адрес «Последыша» с того, что Некрасов «никогда не поспевает со своей сатирой вслед за действительностью и обличает крепостное право ровно через 12 лет после его отмены». В. Г. Авсеенко заявлял далее, что русский мужик «никогда не станет забавляться бессмысленными фарсами, которые представляются столь забавными петербургскому поэту». Сюжет «Последыша» основан «на совершенно невероятном и, можно сказать, вполне бессмысленном анекдоте» (Русский вестник. 1874. № 7).

В доказательство правдивости сюжета «Последыша» комментаторы «Кому на Руси жить хорошо» приводили следующий факт. Декабрист А. В. Поджио в письме к доктору Н. А. Белоголовому сообщал, что в селе Щуколове Дмитровского уезда Московской губернии «владелица имения скрывала факт освобождения крестьян от своего разбитого параличом мужа, и ежедневно счастливый еще помещик отдает по-прежнему

приказания старосте: „Завтра — сгон, собрать баранов, баб не спускать“ и пр.». К. И. Чуковский высказал предположение, что Белоголовый, лечивший поэта, рассказал ему эту историю. Но изучение автографов поэмы показало, что замысел «Последыша» возник у Некрасова задолго до знакомства его с Белоголовым. Что же могло послужить ему источником?

Прежде всего осознание парадоксальности самого «освобождения», оставлявшего крестьян на длительный срок в фактической зависимости от помещика. К этому следует добавить наблюдения Некрасова над парадоксальностью поведения самих крестьян в сложившейся ситуации. Распространился слух, что через два года государь издаст новый указ, по которому вся земля помещиков перейдет в полное крестьянское владение. И мужики решили не торопиться с выходом на волю, не подписывать уставные грамоты, не переходить с барщины на оброк. С таким сопротивлением крестьян столкнулся, например, И. С. Тургенев в Спасском-Лутовинове.

Помещики, психологически не готовые к освобождению крестьян, тоже шли на всяческие уловки, чтобы оттянуть на неопределенный срок подписание уставных грамот. Так, в Угличском

уезде Ярославской губернии помещик Осталопов, «придравшись к тому, что некоторые крестьяне не отработали положенные им девять дней на барщине, отказался подписывать уставную грамоту, всячески затягивая дело освобождения. А крестьян требовал подвергнуть телесному наказанию» (Русская речь. 1861. 14 сентября).

В 1862 году в журнале «Светоч» известный в свое время беллетрист и педагог Н. Ф. Бунаков опубликовал рассказ «Кошмар Топтыгина», в котором потомственный дворянин Дмитрий Иванович Топтыгин, узнав о предстоящей реформе, замышляет аферу сродни той, которую предпримут у Некрасова «дети» Последыша, князя Утятина. «Как бы ухитриться хоть в нашей стороне приостановить это дело? Послать разве от себя бумагу, что, мол, крестьяне мои очень довольны своим положением и воли для себя совсем не желают, да и хуже им только от этого будет?.. Расписать тут всяких четвергов с пятницами, да и мужикам велеть подписаться… А уж коли и они переменились да набрались фанаберии дурацкой, так я из рощи таких славных лозанов напазгаю да и задам им, подлецам, такую выдержку, что небу жарко станет и дурь-то вся разом из головы вылетит» (Светоч. 1862. № 2. Отд.

1. С. 100–115).

Не исключено, что Некрасов читал этот рассказ и что под его воздействием возник у него не только сюжет «Последыша», но и образ генерала Топтыгина. Во всяком случае, «камедь» «Последыша» точно выражала всю двусмысленность совершившегося «освобождения» и достоверно передавала настроения господ и мужиков в новой, пореформенной ситуации. В «Последыше» как в капле воды отражалась всероссийская комедия пореформенной деревенской жизни.

«Последыш» создавался в 1872 году, но проблемы, в нем поставленные, не утратили своей актуальности, несмотря на целое десятилетие, прошедшее с момента провозглашения реформы. Земля по-прежнему не была собственностью крестьянина, выкуп ее растянулся на многие десятилетия. Незадолго до своей трагической гибели Александр II в разговоре с Лорис-Меликовым с величайшим недоумением сказал: «Я никак не ожидал, чтобы в двадцать лет дело это не могло окончиться, а потому полагаю ныне, что оно должно быть завершено».

Пока тянулось «это дело», возникли еще и новые, непредвиденные осложнения. По Положению 1861 года объем полученной крестьянами

земли существенно уменьшился в сравнении с тем, каким они владели при крепостном праве. В ходе реформы производились «отрезки» от бывших крестьянских угодий в пользу помещиков. За пореформенное десятилетие сельское население выросло почти на 50 процентов, а площадь надельной земли осталась прежней. В борьбе с начавшимся безземелием крестьянская община была вынуждена расширять пашню за счет сенокосных угодий, число которых катастрофически сокращалось и влекло за собой сокращение поголовья лошадей и крупного рогатого скота. В связи с этим резко уменьшилось количество органических удобрений и началось прогрессирующее падение урожайности хлебов.

«Лугов у крестьян мало. Вследствие малоземелья под луга оставляются площади, неудобные для пашни. Вся остальная земля распахана. Для прокорма скота крестьяне поставлены в необходимость нанимать луга» (*Слобожанин М.* Из истории земских учреждений в России. СПб., 1913. С. 122).

Некрасов не случайно начинает действие «Последыша» в разгар сенокосной поры, а потом рассказывает о тяжбе мужиков с сыновьями князя Утятина за поёмные луга. В 1870-е годы острая

нехватка сенокосных угодий превращалась в стихийное бедствие для всех деревень Европейской России.

ГЛАВА I

Петровки. Время жаркое… — Петровками в народе называлось время поста перед Петровым днем (праздником св. апостолов Петра и Павла 12 июля по новому стилю), это было время жаркой сенокосной поры.

Старо-Вахлацкой волости, Большие Вахлаки… — *Вахлак* — неуклюжий, грубый, неотесанный мужчина (Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 1. С. 168).

Стоят «князья Волконские» <…> *Родятся, чем отцы…* — вариации Некрасова на темы загадки о снопах, копнах и скирдах (зародах): «Наперед отца и матери детки родятся», и загадки о стоге: «Тетушки текут, бегушки бегут, хотят Волынского князя сломать». Л. А. Розанова высказала предположение, что Некрасов вместо «Волынского» в загадке поставил в поэме «Волконских», так как в Костромской губернии находились земельные угодья этих князей.

Как бес перед заутреней, Юлил… — *Весом* в народе называли человека мстительного и злобного

или хитрого, лукавого, изворотливого: «Мелким бесом перед кем-либо рассыпается».

«А чья же?» — Нашей вотчины… — Наша вотчина (владение) — земля, находящаяся в нашем владении.

Мы люди чужестранные… — то есть люди странствующие, пришедшие сюда из другой местности.

Исправник — начальник уездной полиции и председатель земского суда.

Известно, не корысть, А спесь его подрезала, Соринку он терял… — В ходе размежевания помещики не только не потеряли, но постарались увеличить свои земельные угодья за счет «отрезков» от крестьянских полос и переселения этих полос «на песочек». Поэтому князь Утятин огорчен не материальным ущербом. Реформа ударила по его спеси — сословной помещичьей гордыне, всевластию, самоуправству над крестьянами.

А ну на поселение Сошлют — пропали денежки! — Ссылка на поселение в Сибирь имела характер пожизненно назначаемого по суду наказания. При этом поселенец полностью освобождался от власти помещика, попадая в зависимость от правительственной администрации.

Соринка — дело плевое <…> *И море все заплака-*

ло… — художественная обработка Некрасовым поговорки: «Это дело плевое» — и загадки о соринке в глазу: «Пал дуб в море: море плачет, а дуб нет».

По ней с посредником Установили грамоту… — Речь идет об «уставной грамоте», утверждавшей «полюбовное размежевание» земли между помещиком и крестьянами.

Корят жидов, что предали Христа… — У римлян существовал обычай отпускать на свободу одного из преступников на иудейский праздник Пасхи. Иудеям самим дозволялось назвать его. Во время суда над Иисусом римский прокуратор Понтий Пилат хотел воспользоваться этим обычаем для освобождения Христа. Он выставил перед иудейской толпой разбойника Варраву и Христа. Но иудеи настояли на том, чтобы освободить разбойника, а Иисус Христос был предан мучительной и позорной смерти на кресте.

Явилось «Положение»… — Имеется в виду «Положение о крестьянах, выходящих из крепостной зависимости».

Мы гусем в пять коней… — то есть запрягали в экипаж пять лошадей друг за другом (цугом, или гусем).

И посади фалетуром… — искаженное слово

«форейтор», верховой ездок, сидящий на первой лошади и управляющий ею при езде цугом, или гусем.

Бог приберет Последыша… — Последышем назывался последний ребенок в семье. В названии князя «последышем» — намек на вырождение всего дворянства как сословия.

С работы, как ни мучайся <…> А будешь ты горбат! — Ср. народную пословицу: «От работы не будешь богат, а будешь горбат».

Как рукомойник кланяться Готов за водку всякому… — Рукомойник устраивался в виде чайника, подвешенного на веревке. Чтобы налить воду в ладони, требовалось наклонить рукомойник рыльцем вниз. Отсюда загадка о рукомойнике: «Один богомол — и всем кланяется».

Гнилой товар показывать С хазового конца… — Хазовый (казовый) *конец* ткани — вытканный особенно тщательно и оставленный в куске сверху, напоказ.

Что за погудку правую Смычком по роже бьют! — Смычок — здесь в значении веревки, которой попарно связывались (смыкались) гончие собаки при выходе на охоту. Существовала пословица: «За правдивую погудку смычком по роже бьют».

У Клима совесть глиняна, а бородища Минина… — Народная пословица: «Бородка Минина, а совесть глиняна». *Минин* (Кузьма Минич Захарьев-Сухорук) — нижегородский купец, организатор народного ополчения против польско-литовской интервенции в Смутное время начала XVII века. В народе Минин считался образцом честности и совестливости.

…икается, Я думаю, ему… — Народ считал, что икота — признак того, что кто-то тебя в данный момент вспоминает: «Икается — на помин» или «Икнулось — подобру ли вспомянулось?».

И правили тягло… — Тягло — трудоспособная семья, имеющая свой надел и справляющая на помещика барщину или оброк, а на государство — подать.

Сидел на губернаторстве <…> Что спятил он с ума! — Имеется в виду генерал В. К. Бодиско, якутский губернатор 1860-х годов, сошедший с ума и освобожденный от должности.

У ундера Софронова… — Ундер (от *нем.* «унтер» — «нижний», «младший») — первый военный чин после рядового.

Амир дурак — доймет! — Ср. народные пословицы: «Мужик умен, да мир дурак», «С миром не поспоришь», «Мир с ума сойдет — на цепь не по-

садишь». По мере того как в крестьянской жизни происходило имущественное расслоение, дела на мирских сходках стали решать в свою пользу богатые мужики — «мироеды», покупавшие голоса бедных общинников.

Пойду взгляну камедь! — *Камедь* — комедия. Ср. пословицу: «Русский народ — глупый народ: вали смотреть на камедь» (*Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 2. С. 80).

…Георгия Победоносца крест… — орден Святого Великомученика и Победоносца Георгия, которым награждались офицеры за боевые подвиги и за выслугу лет. В петлице сюртука носили Георгиевский крест IV степени.

Бедами упиваемся, Слезами умываемся… — Ср. народные пословицы: «Упился бедами, опохмелился слезами», «И почище нас, да слезой умываются».

Бояре — кипарисовы <…> И гнутся-то, и тянутся… — Ср. народную пословицу: «Бары кипарисовые, мужики вязовые (и гнутся, и тянутся)».

Под мужиком лед ломится, Под барином трещит! — Ср. пословицу: «Под кем лед трещит, а под нами ломится».

Придет пора последняя <…> А мы дрова подкладывать! — соединение народной загадки о

могиле: «Заедешь в ухаб, не выедешь никак» — и народного выражения: «Знать, будем мы и на том свете на бар служить: они будут в котле кипеть, а мы дрова подкладывать».

Мужик богатый… Питерщик… — *Питерщиками* в Ярославско-Костромском крае называли мужиков-отходников, уходивших на заработки в Петербург.

Из дурака, родименький, И горе смехом прет! — Ср. пословицу: «Из дурака и плач смехом прет».

Орет, как на девишнике… — *Девишник* — последний досвадебный вечер, на котором невеста, прощаясь с девицами-подругами, поет-голосит плачи.

По рюмке простяку… — *Простяк* — простое вино, водка.

Курьерской подорожною… — При езде на перекладных по казенной надобности выдавалась курьерская подорожная, по которой станционный смотритель обязан был немедленно, вне очереди, предоставить лошадей до следующей станции.

В амбаре крысы с голоду Подохли… — *Амбар* — кладовая для хранения зерна. Здесь у Некрасова — вариация на тему народной пословицы: «У него в амбаре и мыши перевелись».

ПИР НА ВЕСЬ МИР (с. 234)

Впервые опубликовано в нелегальном издании «Пир на весь мир. Соч. Н. Некрасова». СПб., 1879. Глава из поэмы «Кому на Руси жить хорошо», вырезанная цензурой из ноябрьской книжки «Отечественных записок» за 1876 г., дополнена по рукописям автора.

В легальном издании впервые опубликовано в измененном виде. Отечественные записки. 1881. № 2.

Судьба «Пира на весь мир» в высшей степени драматична. После запрета его публикации в 1876 году Некрасов «несколько раз принимался за переделки поэмы, пользуясь короткими промежутками между страшными болями и записывая стихи на отдельных листах бумаги» (*Белоголовый Н. А.* Воспоминания и другие статьи. М., 1897. С. 451). Поэт намеревался опубликовать «Пир...» в январском номере «Отечественных записок» за 1877 год. В письме в Цензурный комитет поэт отмечал: «Теперь прибегаю к Вашему превосходительству с просьбою ускорить решение по этому делу, так как поэма моя предназначена в 1 № «Отечественных записок», срок выхода которо-

го приближается… Я принес некоторые жертвы цензору Лебедеву, исключив солдата и две песни, но выкинуть историю о Якове, чего он требовал под угрозою ареста книги журнала, не могу — поэма лишится смысла… Я же, признаюсь, жалею и тех мест, на исключение которых согласился, — я сделал это против убеждения».

Но в январском номере «Отечественных записок» вместо текста «Пира…» было опубликовано лишь такое объявление: «Печатание поэмы Н. А. Некрасова „Пир на весь мир“ отложено по нездоровью автора». Однако причина была, конечно, в другом. Она связана не с болезнью, а с очередным запретом цензуры. В письме к А. М. Жемчужникову от 28 марта 1878 года М. Е. Салтыков-Щедрин сообщал, что «Пир на весь мир» два раза, при жизни Некрасова, вырезался цензурой из журнала. Работа Некрасова над текстом «Пира…» была в это время направлена на то, чтобы смягчить текст и провести его через цензуру. Многое тут вносилось, по словам Салтыкова-Щедрина, «со скрежетом зубов, лишь бы последнее, дорогое ему детище увидело свет». Отрывок из «Пира…» Некрасов пытался опубликовать в книге «Последние песни», включив в текст строки, славящие царя-освободителя: «Славься, народу Давший

свободу! Дело любви, Господи правый, Счастьем и славой Благослови!» Но и этот отрывок был запрещен к публикации.

Только спустя три года после смерти поэта «Пир…» увидел свет на страницах «Отечественных записок» (1881, № 2). Но в этом же номере журнала, в «Записках современника», Н. К. Михайловский сообщал: «Печатаемая ныне глава написана в 1876 г., но в свое время не могла появиться на свет по причинам цензурного свойства. Покойный поэт очень хотел видеть ее в печати и, уже больной, при смерти, делал, в угоду цензуре, разные урезки и приставки, лишь бы пропустили. В этом именно виде, то есть с урезками и приставками, поэма печатается теперь» (Отечественные записки. 1881. № 2. С. 262).

В этой публикации действительно отсутствовали песни «Веселая», «Солдатская», рассказ о «пенции» и о солдатских ранах, исключен ряд строк, произведены цензурные замены. Текст был разделен на пять глав и вступление. Четыре главы имели названия: «Горькое время — горькие песни», «Странники и богомольцы», «И старое, и новое», «Доброе время — добрые песни».

В той же редакции «Пир…» был опубликован в «Стихотворениях Н. Некрасова» (СПб., 1881) с

подзаголовком «Из четвертой части». Советские некрасоведы вернули в текст цензурные купюры. Но тем не менее вплоть до недавнего времени за основу публикаций «Пира…» брался текст «Отечественных записок» 1881 года. И только в последнем академическом собрании сочинений поэта редакция решила взять за основу не пропущенный цензурой первоначальный вариант «Пира…», предназначавшийся для десятого номера «Отечественных записок» за 1876 год. Этим как раз и объясняются те разночтения, с которыми может встретиться читатель нашей книги, если он обратится к публикациям «Кому на Руси жить хорошо», сделанным до 1982 года.

Между «Пиром на весь мир» и «Крестьянкой» у Некрасова возникла большая творческая пауза, длившаяся не менее трех лет. Когда в феврале 1875 года писатель А. Шкляревский спросил у Некрасова, каков будет финал поэмы, тот отвечал с иронией: «Если порассуждать, то на белом свете не хорошо жить никому» (*Шкляревский А. А.* Из воспоминаний о Н. А. Некрасове // Неделя. 1880. № 48. С. 773–774). Тогда же, в беседе с Г. И. Успенским, Некрасов сказал иронически, что «счастливцем» будет у него «спившийся с кругу человек», повстречавшийся странникам

в кабаке.

Но такой финал поэмы противоречил основному пафосу ее, ведь это был замысел книги, полезной для народа. Скептические суждения поэта скорее свидетельствовали о переживаемом им творческом кризисе, из которого он вышел лишь к 1876 году. Почему?

Обычно замысел «Пира…» связывают с начавшимся в 1870-х годах общественным подъемом и «хождением в народ» революционно настроенной молодежи. Однако вряд ли это так. «Хождение в народ» началось в первой половине 1870-х годов и уже к 1874 году закончилось катастрофой — арестами и судебными процессами 193-х и 50-ти. Некрасов не мог не восхищаться энтузиазмом и самоотвержением молодых революционеров, но и не мог, как народный поэт, не сознавать, что их подвиг бесплоден и трагически обречен. Не отсюда ли идут пессимистические настроения, охватившие тогда Некрасова?

Но именно к середине 1870-х годов в умонастроении народолюбивой молодежи произошел назревавший исподволь существенный перелом. Убедившись в невозможности поднять крестьянство на революционную борьбу, молодежь, осевшая в деревне, все больше втягивалась в

столь нужную для России культурническую, созидательную работу: организацию школ, больниц, библиотечного дела, агрономию и ветеринарию, подъем культуры сельского хозяйства. С этой частью молодежи начинала сближаться так называемая третья сила в русском общественном движении — выраставшая в провинциальных земских учреждениях культурная прослойка из сельских врачей, учителей, агрономов, волостных и уездных писарей, сельского духовенства. Это были люди из низов, получившие в пореформенных условиях доступ к образованию и вернувшиеся в деревню с добрым намерением «жить для счастия убогого и темного родного уголка». И. С. Тургенев в романе «Новь» благословил эту новую, третью силу, поднимавшуюся от земли, в лице своего Соломина, глубоко сочувствующего революционным народникам, но избирающего для себя иной путь — практика-«постепеновца», чернорабочего русской истории. «Вспышкопускателей» сменяли в деревне спокойные и сознательные работники, мужественные и трезвые труженики, способные «честное дело делать умело».

В апреле 1877 года Некрасов получил письмо от сельской учительницы А. Т. Малозёмовой, в кото-

ром она писала, что чувствует себя счастливым человеком, так как отдает все свои силы народу и старается воспитывать у крестьянских детей сознание человеческого достоинства. Некрасов ответил ей на это письмо такими словами: «Счастие, о котором вы говорите, составляет предмет продолжения моей поэмы — ей не суждено кончиться».

Именно в такой, может быть негромкой, но систематической, повседневной трудовой, жертвенности русского интеллигента увидел умирающий Некрасов ярко выраженные созидательные начала. Вот почему в 1876 году он приступает к интенсивной работе над определившимся замыслом новой, финальной части поэмы — «Пир на весь мир». И тогда же, в беседе с А. С. Сувориным, уже больной поэт с одушевлением скажет об этом так: «Начиная, я не ясно видел, где ей конец, но теперь у меня все сложилось, и я чувствую, что поэма все выигрывала бы и выигрывала» (Н. А. Некрасов в воспоминаниях современников. М., 1971. С. 344).

Положение, Как вышло, толковали им… — Царский манифест и «Положения» были написаны настолько трудным для народа языком, что требовали специального толкования, которое и

осуществлялось на мирских сходках.

Луга поёмные… — то есть заливные луга.

Свои луга поёмные Сдать старосте на подати… — то есть оставить луга в общем пользовании, а полученный с них доход употребить на выплату государственной подати.

– Где ж корова наша? — «Увели, мой свет!» — В случае неуплаты оброка и податей крестьянское хозяйство описывалось и за недоимки лишалось чаще всего главного богатства крестьянской семьи — коровы, поилицы и кормилицы.

Съел их земский суд; Взял еще подводу Да сулил постой… — В случае наезда судейских чиновников в деревню крестьянский мир должен был обеспечить им питание, проживание (постой) и транспорт (подводу). На постой в деревню определялись также правительственные войска.

Царь возьмет мальчишек… — в рекруты, на военную службу.

Только в субботу аукнется С барской конюшни жене… — По субботам за всевозможные провинности крепостных крестьян по указу барина секли на конюшне.

С запяток в хлебопашество Прыгнул! — то есть ездил всю жизнь на запятках барской кареты, а теперь, вместе со всеми дворовыми выпущен-

ный на волю, оказался неприспособленным к крестьянскому делу, никудышным хлеборобом.

Про холопа примерного — Якова верного. — В основу этой легенды положен действительный факт, рассказанный Некрасову известным адвокатом и общественным деятелем А. Ф. Кони, который в воспоминаниях о поэте писал: «На мой вопрос, отчего он не продолжает „Кому на Руси жить хорошо“, он ответил мне, что по плану своего произведения дошел до того места, где хотел бы поместить яркие картины из времен крепостного права, но что ему нужен фактический материал, который собирать некогда и трудно, так как у нас даже недавним прошлым никто не интересуется. Постоянно будить надо, — без этого русский человек способен позабыть и то, как его зовут», — прибавил он.

Кони тут же и рассказал Некрасову историю, слышанную им от сторожа волостного правления, о местном помещике, зверски обращавшемся с крепостными и находившем «усердного исполнителя своих велений в своем любимом кучере». «У помещика, ведшего весьма разгульную жизнь, отнялись ноги, и силач кучер на руках вносил его в коляску и вынимал из нее.

У сельского Малюты Скуратова был, однако,

сын, на котором отец сосредоточил всю нежность и сострадание, не находимые им в себе для других. Этот сын задумал жениться и пришел с предполагаемой невестой просить разрешения на брак. Но последняя, к несчастью, так приглянулась помещику, что тот согласия не дал. Молодой парень затосковал и однажды, встретив помещика, упал к нему в ноги с мольбою, но, увидя его непреклонность, поднялся на ноги с угрозами. Тогда он был сдан не в зачет в солдаты, и никакие просьбы отца о пощаде не помогли. Последний запил, но недели через две снова оказался на своем посту, прощенный барином, который слишком нуждался в его непосредственных услугах.

Вскоре за тем барин поехал куда-то со своим Малютой Скуратовым на козлах. Почти от самого Палькина начинался глубокий и широкий овраг, поросший по краям и на дне густым лесом, между которым вилась заброшенная дорога. На эту дорогу, в овраг, называвшийся Чертово Городище, внезапно свернул кучер, не обративший никакого внимания на возражения и оклики сидевшего в коляске барина. Проехав с полверсты, он остановил лошадей в особенно глубоком месте оврага, молча, с угрюмым видом, как рассказывал в первые минуты после пережитого барин,

отпряг их и отогнал ударом кнута, а затем взял в руки вожжи. Почуяв неминучую расправу, барин в страхе, смешивая просьбы с обещаниями, стал умолять пощадить ему жизнь. „Нет, — отвечал ему кучер, — не бойся, сударь, я не стану тебя убивать, не возьму такого греха на душу, а только ты так нам солон пришелся, так тяжело с тобой жить стало, что вот я, старый человек, через тебя душу свою погублю“. И возле самой коляски на глазах у беспомощного и бесплодно кричавшего в ужасе барина он влез на дерево и повесился на вожжах» (*Кони А. Ф.* Собр. соч.: В 8 т. М., 1968. Т. 6. С. 260–263).

Такой способ мести, типичный скорее для восточных народов (японское харакири), был распространен и на Руси. Он назывался «сухой бедой». Считалось, что самоубийство на глазах у обидчика причинит ему непременные несчастья. «Тащить сухую беду» — это значило назло своему заклятому врагу повеситься у него во владении, чтобы заставить его мучиться всю жизнь.

Сам на долгуше свезет до сестры… — *Долгуша* — длинный экипаж (линейка), в котором можно было лежать, вытянувшись во весь рост.

Зги не видать! только совы снуют <…> Чу! их слетелось до сотни! — Сова, ворон, волк в народ-

ной демонологии — зловещие, предвещающие беду птицы и животные.

Разбой — статья особая… — Русский народ отрицательно относился к ворам и грабителям, но противопоставлял им образ благородного разбойника, мстящего богатым и заступающегося за бедных.

Бездомного, безродного <…> Что больше тут злосчастия, Чем лжи, — им подают. — В описании народного «нищенства» Некрасов использует мотивы и образы книги С. В. Максимова «Бродячая Русь», опубликованной в «Отечественных записках» за 1876 год.

За просфоры афонские, За «слезки Богородицы»… — Речь идет о просфорах, освященных в одном из монастырей в Греции на горе Афон, и о твердых крупных семенах растения «слезки Богородицы», употреблявшихся для изготовления четок.

Был старец, чудным пением <…> А перепортил всех… — Здесь Некрасов использует рассказ С. В. Максимова о секте «скрытников» из книги «Бродячая Русь»: «Велики грехи скрытницких старцев, и самый большой из всех — баба. Ради нее многие старцы уходят в пустыню, отрицая брак, обучают женщин пению стихов в пустыне,

со стихов, собственно, и начинается подыгрывание и смущение новичков, намеченных в секту скрытных».

Как турка взбунтовавшихся Монахов в море гнал… — В 1821 году началась борьба греков за независимость, к которой присоединились и монахи в афонских монастырях. В ответ на это турки убили константинопольского патриарха Григория V и начали массовое избиение христиан. Восставшие афонские монахи были разгромлены, загнаны турками в море и потоплены. Возрождение афонских обителей началось только после победы России над Турцией в войне 1828–1829 годов и заключения Адрианопольского мира, по которому Греция получила свободу и независимость.

Кто видывал, как слушает <…> Пред ним широкий путь! — Ср. в книге С. В. Максимова «Бродячая Русь»: «Вот, батюшка странничек, покушай горяченького да сказывай, что видел, что слышал. Больно мы странных захожих людей любим…» Обогрелся странник и повеселел не столько от теплой избы, жаркой печи и вкусной яичницы, сколько от ласковых слов, от первого спопутного привета» (Отечественные записки. 1874. Кн. 9. С. 89).

Поля старозапашные — поля, долгое время находившиеся под пашней.

Был Кудеяр-атаман… — легендарный атаман разбойников, герой народных сказаний. Некрасов дает в поэме свою трактовку этого героя, способного от великого греха подняться к высокому духовному подвигу (см.: *Гин М. М.* О двух легендах из «Кому на Руси жить хорошо»// В кн.: Некрасов и русская литература второй половины XIX — начала XX в. Ярославль, 1981. С. 25–26).

Образ раскаявшегося разбойника был особенно дорог сердцу русского народа. Генетически он восходит к евангельскому разбойнику, покаявшемуся на кресте и попавшему в Царство Небесное. Популярно в народе было также «Житие преподобного отца нашего Моисея Мурина», который, будучи атаманом разбойников, много злодействовал, наводя ужас на всю огромную страну (он жил в IV столетии в Египте), а потом покаялся и монашескими подвигами достиг высот святости. Но Моисей Мурин ждал от Бога одной величайшей милости, чтобы собственной кровью омыться от прежних своих душегубных дел, ссылаясь на слова Спасителя: «Вси, приимшие меч, мечом и погибнут». Так и случилось. Он погиб от меча варваров, напавших на обитель, в

которой Моисей Мурин служил дьяконом.

И днем-то трусу празднуют… — то есть проявляют малодушие, опасаются, трусят.

Аммирал-вдовец по морям ходил… — М. М. Гин доказывает, что прототипом «аммирала-вдовца» является граф А. Г. Орлов-Чесменский, ставший генерал-адмиралом и награжденный Екатериной II богатейшими поместьями (см.: *Гин М. М.* Указ. соч. С. 28–39).

Под Ачаковым бился с туркою… — Имеется в виду Русско-турецкая война 1787–1791 годов, когда после упорной шестимесячной осады русские войска взяли турецкую крепость Очаков.

Драть будет волостной… — Имеется в виду волостной старшина, утверждавший и приводивший в исполнение постановления волостного суда, за которым было оставлено право телесного наказания (сечения розгами) освобожденных от крепостной зависимости крестьян. Эти наказания были отменены лишь в 1904 году.

…из пещура Достал краюху — ест… — *Пещур* — здесь: дорожный кошель, котомка для хлеба, сплетенная из лыка или бересты.

Светает. Снаряжаются <…> Прогнали, как сквозь строй! — Сестра Некрасова А. А. Буткевич в письме к книгоиздателю С. И. Пономареву от

13 декабря 1878 года так прокомментировала этот эпизод: «А знаете ли, что это истинное происшествие: в 74-м году я провела лето с братом в бывшем его имении Ярославской губернии, в селе Карабихе. Не могу сказать наверное, сам ли исправник или один из акцизных чиновников рассказывал при мне брату о крестьянине-шпионе, который возбудил подозрение в мужиках тем, что, ничего не делая, одевался щеголем и имел всегда деньги, — вот они и добрались откуда и, сообразив, что это за птица, заманили его в лес и избили. Мужик-шпион убрался из своей деревни, но всюду, где он появлялся, его били по наказу. Помнится, что история эта кончилась трагически. Все это, конечно, не для печати, но со временем, через много-много лет, когда появится на свете „Пир на весь мир“, было бы кстати разъяснить, за что бьют этого злосчастного Егорку, — иначе не будет смысла…» (Литературное наследство. Т. 53–54. С. 190).

Некрасов имел намерение продолжить историю с Егоркой Шутовым: в набросках планов дальнейшей работы над поэмой есть запись: «Как мужики распорядились шпионами из своих». Эта история является своеобразным противовесом к рассказу мужиков о крестьянском грехе, поверг-

шем в уныние весь крестьянский мир.

Давно ли там десятого Пороли? — Во время подавления народного возмущения власти требовали от мужиков назвать зачинщиков. Если крестьяне отказывались сделать это, начинали пороть каждого десятого.

Райком кормился дедушка... — *Раёк* — ящик с передвижными картинами, на которые смотрели зрители сквозь вделанное в стенку райка большое увеличительное стекло. Показ картин сопровождался юмористическими комментариями.

«Чай, по чугунке тронешься?» <...> *Платить, так черт с тобой!* — В 1870-е годы стремительно росли цены на проезд в железнодорожном транспорте. В некрасовских «Отечественных записках» В. В. Берви-Флеровский по этому поводу писал: «Явились в свет чудовищные паровозные тарифы, которые постоянно повышались в то время, когда они должны были понижаться; для перемещающегося по железным дорогам населения они сделались невыносимым гнетом, народ во множестве идет пешком, вместо того чтобы платить непомерные тарифы. Железные дороги все более превращаются в гнетущую монополию» (Отечественные записки. 1875. № 5. С. 143).

У богатого, У богатины <…> Оскотинился; Только трех Матрен <…> Матрена вторая Несет каравая… — В этих местах поэт вводит в песни солдата раешные стихи. В черновиках к роману «Жизнь и похождения Тихона Тростникова» Некрасов сделал такие записи: «Ванюха, давай-ка табачку понюхам носового да помянем Кузьму Мосолова, Тюшу да Матюшу, избранную душу, Аверьку да Романа, коверкало бы его да ломало, трех Матрен да Луку с Петром… У богатого, у богатины много пива и меду, да мало в том проку».

На рубль пятнадцать с деньгою… — Деньга́ — здесь в значении полкопейки.

Эпилог

Гриша Добросклонов (с. 271)

Средь мира дольного <…> И будь им друг! — Песня ангела милосердия над оживающей Русью — вольное переложение Некрасовым известных слов Спасителя: «Входите тесными вратами; потому что широки врата и пространен путь, ведущие в погибель, и многие идут ими; потому что тесны врата и узок путь, ведущие в жизнь, и немногие находят их» (Мф., гл. 7, § 13–14).

Потомок татар, как коня, выводил… — Упо-

добляя крепостное право общенациональному злу, подобному монголотатарскому игу, Некрасов допускает поэтическое преувеличение. После падения Казанского ханства татарская знать действительно пополнила ряды русского дворянства, но не составляла в них подавляющей силы.